

Константин Михайлович Фофанов

СТИХИ И ПОЭМЫ (Библиотека поэта и поэзии)

Отец Константина Михайловича Фофанова и девяти его братьев и сестер был петербургским купцом среднего достатка, впоследствии разорившимся и ушедшим в мистические переживания. Будущий поэт доучился до четвертого класса и недостатки образования пополнял постоянным чтением, порой беспорядочным, но зато предельно разнообразным. Стихи начал писать рано, работая то в некрасовской стилистике, то в "библейской" (это причудливое сочетание обыденности тем и возвышенности интонаций — характерная черта его поэтики). "Библейским" было и первое из опубликованных им стихотворений — "Сосуд целебною водою Иордана..." (1881), — хотя впоследствии Священный Синод усмотрел в "религиозных" стихах Фофанова "языческий смысл", а журнал "Наблюдатель", напечатавший одно из них, был закрыт в 1888 году на шесть месяцев.

К 1885 году Фофанов обеспечил себе профессиональной литературной деятельностью некое подобие материальной независимости и покинул отцовский дом, где его занятия словесностью понимания не находили. Однако поэтической славы он еще не обрел, ибо никто тогда не мог соперничать с любимцем читающей публики С. Я. Надсоном.

Первая его книга "Стихотворения" (1887) прошла почти незамеченной, не получила она и Пушкинскую премию, на которую была выдвинута Я. П. Полонским. Но внезапно ситуация резко изменилась: в 1887 году, совсем молодым, умер Надсон, и именно тональность поэзии Фофанова — поэзии человека, разочарованного жизнью, но не утратившего до конца веру в бытие, — была воспринята как достойный отзвук надсоновской мелодии (тем более что Надсон успел печатно поддержать дебют Фофанова, как бы "передал лиру"). Кроме того, на фоне злободневной и все более разрушавшей традиционную культуру русского стиха "революционно-демократической" поэзии выдержанное в классических тонах творчество Фофанова самым строгим ценителям казалось романтической отдушиной (хотя в нем всегда находилось место социальным мотивам).

О Фофанове поры его второй ("Стихотворения", 1889) и особенно третьей ("Тени и тайны", 1892) книг приязненно отзываются все — от лидеров старшего и среднего поколений (Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов) до русских символистов "первого призыва" (особенно В. Я. Брюсов). Символисты никогда не отрекались от влияния, оказанного на них двоemiрной лирикой Фофанова. Его отношение к ним было куда сложнее. Ведь именно с выходом первых сборников поэзии символистов в 1895 году его литературное влияние пошло на спад, эпоха промежутка, востребовавшая Фофанова, кончилась.

Попытка освоить художественный язык младосимволизма ("драматическая фантазия" "На полюсе", стихотворение "Ищите новые пути!..", открывавшее сборник "Иллюзии", 1900) провалилась. В раздражении Фофанов пишет стихотворение "Декадентам" ("Прочь, варвары!.."), и слова, жестко произнесенные Блоком

спустя годы ("Да, скифы мы, да, азиаты мы..."), звучат запоздалым ответом на это обвинение.

Чувствуя, что поэтическая почва уходит из-под ног, поэт пробует создавать "актуальные" стихи. Их темы: голод, отлучение Л. Н. Толстого от церкви... Тогда же под уклон пошла и жизнь Фофанова. Сумевший в 1890 году справиться с первым серьезным приступом психической болезни, он постепенно утрачивает волевые качества, бедствует, пьет, переезжает с места на место; в 1908 году безуспешно пытается продать собрание своих сочинений в пятнадцати томах за пятнадцать тысяч рублей...

Современники, встречавшиеся с ним в эти годы, свидетельствуют: от прежнего Фофанова остался лишь детски чистый взгляд его прозрачно-голубых глаз... В 1911 году поэт тяжело заболел. На собранные в петербургских редакциях средства его перевезли в столицу, где он и умер сорока девяти лет от роду.

А. Архангельский

Содержание

#1	0017
Стихи	0017
ИСТИНА	0017
ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ	0018
* Вселенная во мне, и я в душе вселенной. *	0020
* Не бойся сумрака могилы, *	0022
* Я обращаю речь к вам, выброски природы, *	0022
* Потуши свечу, занавесь окно. *	0024
* Полураздетая дуброва, *	0025
* В кругу бездушном тьмы и зла, *	0026
* Весенней полночью бреду домой усталый. *	0027
* Это было когда-то давно! *	0028
* Погребена, оплакана, забыта, *	0029
* Ива с дубом, мечтая, росли у пруда... *	0030
В ДИЛИЖАНСЕ	0031
* В неприглядных стенах заключен я давно; *	0032
* У поэта два царства: одно из лучей *	0033
* Безымянные стремленья, *	0034
ГОСТ	0035
* Мы при свечах болтали долго *	0036
ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК	0037

* Печальный румянец заката *	0039
* Столица бредила в чаду своей тоски, *	0040
МАЙ	0041
* Уснули и травы и волны, *	0043
* Не правда ль, все дышало прозой, *	0044
ТАИНСТВО ЛЮБВИ	0045
* С тоской в груди и гневом смутным, *	0051
* Звезды ясные, звезды прекрасные *	0052
МУЗЕ	0053
НЕЖНЫЕ ПИСЬМА	0054
ДВА МИРА	0055
НЕБО И МОРЕ	0056
ЭЛЕГИЯ (Из траурных песен)	0057
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ	0058
* Исполнен горького упрека *	0059
ПРИЗРАК	0060
МИР ПОЭТА	0061
ТЕНИ А.С. ПУШКИНА	0064
* Умирала лилия лесная, *	0066
* Она цветы свои любила *	0067
* Прекрасна эта ночь с ее красой печальной, *	0068
ПЕСНЯ	0069
УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА	0070
НА ПОЕЗДЕ	0072
К СКАЗКАМ	0074
* Она была похожа на тебя, *	0075
* Нет, мне не жаль, что умер этот день, *	0076

* Забытою весной пахнуло на меня! *	0077
ПЕРВАЯ ЗАРЯ	0078
* Я родом финн — и гордая свобода *	0082
* Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови *	0084
* Всегда мы чувствуем правдиво, *	0086
* Отзвучали струны сердца, *	0087
* Я помню дни весенних дум- *	0088
* От луны небесной, точно от лампы, *	0089
* Свечка догорела, спать давно пора бы. *	0090
ДВОЙНИК	0091
* Под напев молитв пасхальных *	0093
НАКАНУНЕ ЗИМЫ	0094
СТАРЫЙ САД	0095
* Шумят леса тенистые, *	0097
* Печально верба наклоняла *	0098
* Блуждая в мире лжи и прозы, *	0099
СТАРЫЕ ЧАСЫ	0100
У ПЕЧКИ	0105
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ	0106
СОЛОВЕЙ	0109
НА НЕВЕ	0110
ОДУВАНЧИК	0112
ЗА ГОРОДОМ	0114
КОНЧАЕТСЯ!	0116
* Заря вечерняя, заря прощальная *	0120
СМЕРТЬ ШУТА	0121
Л. Н. ТОЛСТОМУ	0125

В ДОРОГЕ	0126
ВДОХНОВЕНИЕ	0128
* Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный *	0129
СОН	0130
ХУДОЖНИК	0133
СТАНСЫ	0135
* Была ль то песнь, рожденная мечтою, *	0136
НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!	0137
* Рыдает и плачет тоскливая скрипка, *	0139
КАПЛЯ	0140
* Я знаю грусть: певучая, как песнь, *	0141
ЛУННЫЙ СВЕТ	0142
УПРАЗДНЕННОЕ КЛАДБИЩЕ	0145
* Вечернее небо, лазурные воды, *	0147
* Сумерки бледные, сумерки мутные *	0148
* Посмотри: у пруда, где в прохладную тень *	0149
ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА	0150
А.А. ФЕТУ	0152
В АЛЬБОМ В.Б. БЕРТЕНСОНА	0153
* Дрожащий блеск звезды вечерней *	0154
МЕЧТА	0155
ВСЕ ТО ЖЕ	0156
КУКУШКА	0157
У ПОТОКА	0160
* Зашумел, закачался взволнованный сад, *	0161

ЛИСТЬЯ	0162
* Стало скучно тебе — *	0164
ОТОШЕДШИМ	0165
* Прекрасна ты, осенняя пора! *	0167
* Как быстро год прошел! Как медленные дни *	0169
ЖУРАВЛИ	0170
* Сколько жизни, сколько блеску *	0171
* Умолк весенний гром. Все блещет и поет. *	0172
* Что ты сказала, я не расслышал *	0173
* Есть странные минуты: бытие *	0174
* Еще дрожит последняя слеза *	0175
МЕЛАНХОЛИИ	0176
ХАНДРА	0178
МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ	0180
* Родился день, как поздняя любовь. *	0182
ПОЗДНИЕ ОГНИ	0183
ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ	0185
Я. П. ПОЛОНСКОМУ	0186
* Лунная тихая ночь, — *	0187
* Любил я с детства темные леса, *	0188
* Усталое сердце не жаждет *	0190
ИЗ "ЦВЕТНИКА РОЗ" СААДИ	0191
ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!	0192
* Мы любим, кажется, друг друга, *	0193
ГОЛОД	0193
МЕЧТА	0195

* Уныло рыдала метель на дворе, *	0196
НАШ ДОМОВОЙ	0198
СОНЕТ	0202
* Мечтательно-возвышенный, *	0203
* Сегодня под моим окном *	0204
НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ	0205
* Мы — поздние певцы: мир, злой и обветшалый, *	0207
NOTTURNO	0208
* Ни медленным трудом, ни жизнью торопливой *	0209
* Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне *	0211
СКОШЕННЫЕ ТРАВЫ	0212
* Я сидел у окна, я смотрел в полутьму, *	0213
* Кто он? Зачем? Откуда этот гость, *	0214
ОСЕНЬ	0216
* Мы, нежного певцы, таинственной судьбы *	0217
* Обманули меня соловьи, *	0218
* Я сердце свое захотел обмануть! *	0219
СТАНСЫ	0222
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ	0224
ЛАНДЫШ	0226
УТЕШЕНИЕ	0227
ШАРМАНЩИК	0228
В СОСНОВОЙ РОЩЕ	0230
* Дай оглянусь назад! Жизнь прожита почти. *	

.....	0231
ПОСЛЕ ГРОЗЫ.....	0234
ЗАГЛОХШАЯ ТРОПА.....	0235
ВЕЧЕР.....	0236
ПАПОРОТНИК.....	0237
ПОДСНЕЖНИК.....	0238
ПОДСОЛНЕЧНИК.....	0239
ОСИНА.....	0240
* Все грустно, все! Наш тихий разговор *	0241
* На волне колокольного звона *	0242
* Мне нужен свет любви твоей, — *	0243
ГАММА.....	0244
СМЕРТЬ.....	0245
ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.....	0247
ЛАБИРИНТ.....	0249
ВЕСЕННИЕ СЛЕЗЫ.....	0251
ПРЕДЧУВСТВИЕ.....	0252
НА СМЕРТЬ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.....	0253
* Есть много навсегда забытых впечатлений, *	0255
.....	0256
ИДОЛ.....	0256
ЦВЕТЫ.....	0257
БЕЗУМНЫЙ.....	0258
БЕГЛЯНКА.....	0260
ПОСЛЕ ГРОЗЫ.....	0262
ЧУДОВИЩЕ.....	0263
* Как стучит уныло маятник, *	0267
* Я сказки медленней пишу, *	0268

СНЕГУРКА	0269
* Не знаю почему, но только мне легко, *	0270
ВСЁ ТАЕТ	0271
* Мне кажется порой, во мне страдает кто-то, *	0273
МЕЛОДИИ	0274
* Светает; за окном моим *	0276
ОСЕННЕЕ	0277
* Ты помнишь ли, подруга юных дней, *	0278
ОТТЕПЕЛЬ	0281
* Не мигают зарницы вечерние, *	0282
ТИШЕ, МУЗА!	0283
У ПРИЛИВА	0285
ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ	0286
* В ее душе разлад, *	0288
* Не смейся над моей иронией холодной, *	0289
NOTTURNO	0290
* Я населил таинственным мечтаньем *	0291
НОЧЬЮ	0292
* Прозрачный вечер тих, но всё еще не мог он *	0294
* Как вздох земных морей в небесную мечту *	0295
* Чем смертоносней влага в чаше, *	0296
* Пришла румяная весна *	0297
* Святые детские порывы *	0298
* Я хотел бы верить в прозу жизни, *	0299

ДВА БЕСА	0300
* Дай мне звуков, дай музыки стройной; *	0301
ДВА ГЕНИЯ	0302
* Дай горе выплакать! Дай вынести одному * . . .	0304
ГИМН ОТСТРАДАВШИМ	0305
ЛЕТО	0306
* Сегодня в ночь весна-колдунья *	0307
АЛЛЕЯ ОСЕНЬЮ	0308
РАКЕТА	0309
ГРУСТЬ СОСЕН	0310
ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ	0312
В РОЩЕ	0313
* Я не вижу врагов, не могу враждовать, *	0314
* Пел соловей, цветы благоухали. *	0316
* Как воздух свеж, как липы ярко *	0317
* Еще повсюду в спящем парке *	0318
УХОДЯЩАЯ ЗИМА	0319
* День гаснет зарею, свиваясь с тенями; *	0320
ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ	0321
ВЕСЕННИЙ ГРОМ	0323
* Как будто раннюю весною, *	0324
СТАНСЫ	0325
ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ	0326
УТРО	0328
СТАНСЫ	0330
В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ	0331
* Сумерки шире спадали, *	0332

* Белый снег мутнеет в блеске, *	0333
* Ветер ласковый при встрече *	0334
* Бежит волны кипучий гребень. *	0335
А. С. ПУШКИНУ	0336
* Желтыми листьями дети играли... *	0337
* Деревня скрылася... И нивы *	0338
* Вечера всё белей и беззвездней, *	0339
* Сколько веток поломано бурей, *	0340
ПРОШЕДШЕЕ "Я"	0341
ОСЕНЬ	0342
СТАНСЫ	0344
ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ	0345
* О, горе, горе тем, кто с отроческих лет, *	0346
* "Тебя поймут, тебя поймут! — *	0347
СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ	0348
В ДОРОГЕ	0349
СЕАНСЫ	0350
ПЕРЕД ЗАРЕЙ	0351
В ГОРЕ	0352
* Я хотел бы страдать, но не в силах страдать, *	0353
* В мире душно и позорно, *	0354
НА ПРОСПЕКТЕ	0355
СТАНСЫ	0356
ЗИМОЙ	0358
ЛОМКА	0359
* Я весла опустил, плыву я по теченью *	0360
ОСЕННЕЕ	0362

ЦЕПИ	0363
ЭЛЕГИЯ	0365
ПЕСНИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ	0366
БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ[2]	0378
Поэмы	0400
КАМЕНОТЕС	0400
СТАРЫЙ ДУБ	0409
ВОЛКИ Рождественский рассказ	0415
ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ	0421
РЕВНИВЫЙ МУЖ	0431
ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА	0436
ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ	0449
ПОЭЗИЯ — БОГ	0461
Переводы	0471
Вильям Шекспир Сонеты	0471
Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих Юноша у ручья	0474
Биография	0477
Фофанов К. М.: Биобиблиографическая справка	0483
ФОФАНОВ, Константин Михайлович	0493

К. Ф О Ф А Н О В

СТИХИ

ИСТИНА

*В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.*

*Ее движенья не приветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.*

*Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,
Гордяся поступью и взглядом, —
Идет лукавая мечта.*

*Мечта живет кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.*

*Но гордый, он не замечает,
Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,*

*И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!*

2 января 1880

ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

Второзаконие, кн. 5, гл. 3

*Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь
из него, —
И кроткая душа, восторгом обу-
янна,
Забудет черный день злосчастья
своего.*

*Напейтесь из него и исцелитесь,
братья.
Замолкнет стон в груди, замрут
в устах
проклятья:
Я вечный мир принес!*

*С Сионской высоты принес я ветвь
оливы;
Коснитесь ее, — бог чудо совер-
шит.*

Вы, просветленные, спокойно-горделивы,
Стряхнете с ваших ног прах мщенья и обид;

И будет на земле одно святое братство, —
Без губительных измен, без злого святотатства:
Я истину принес!

Я камень вам принес от древнего Содома, —
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.

Иное я хочу устроить в мире царство, —
Без лжи смеющейся, без низкого коварства:
Я правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет;

*И в страхе убежит, безумствуя,
тиран;
И ветер след его с проклятием за-
вееет.
Рассеется в умах бессмысленный
туман;*

*Слепцы увидят свет, сияющий по-
всюду;
И станет жизнь тепла ликующе-
му люду:
Я волю вам принес!*

Март 1880

*** Вселенная во мне, и я в душе
вселенной. ***

*Вселенная во мне, и я в душе все-
ленной.
Сроднило с ней меня рождение
мое.
В душе моей горит огонь ее свя-
щенный,
А в ней всегда мое разлито бы-
тие.*

Благословляет нас великая приро-

да,
Раскидывая свой узорчатый по-
кров,
Приветствуя от вод до шири
небосвода
Сияньем алых зорь, дыханием цве-
тов.

Покуда я живу, вселенная сияет,
Умру — со мной умрет бестре-
петно она;
Мой дух ее живет, живет и согре-
вает,
И без него она ничтожна и тем-
на.

Апрель 1880

*** Не бойся сумрака могилы, ***

*Не бойся сумрака могилы,
Живи, надейся и страдай...
Борись, пока в душе есть силы,
А сил не станет — умирай!*

*Жизнь — вековечная загадка,
А смерть — забвение ее.
Но, как забвение ни сладко,
Поверь, что слаще бытие.*

1880

*** Я обращаю речь к вам, выброски
природы, ***

*Я обращаю речь к вам, выброски
природы,
Бредущие впотьмах на торжище
мирском:
Над вами ласково синеют небо-
своды, —
Но помните, что в них таится
божий гром.*

Под вами гладь земли в блистающем уборе,
Но жертвы корчатся под вашу пятой;
В них есть и гнев в груди и зависть есть во взоре,
И вам не избежать расплаты роковой.

В расчетах мелочных вы чахнете безлично,
Молчанье и грабеж — заветный ваш закон.
Суровой правды речь смутит вас непривычно,
Как смех безумного на тризне похорон.

Вы упитали плоть, а дух не ищет хлеба,
От вещей мудрецов бежит преступный взор.
Награбленной казной не купите вы неба,
Слезами бедняков не смоете позор!

Пусть услаждает лесть ваш слух,

пускай оравой
Глупцы бегут вослед, моля добра
от вас;
За вами — сатана с улыбкою лу-
кавой,
Пред вами — мщенья грозный час!

6 февраля 1881

*** Потуши свечу, занавесь окно. ***

*Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись дав-
но.*

*Только мы не спим, самовар по-
гас,
За стеной часы бьют четвертый
раз!*

*До полуночи мы украдкою
Увлекались речью сладкою:*

*Мы замыслили много чистых
дел...
До утра б сидеть, да всему пре-
дел!..*

Ты задумался, я сижу — молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

Сентябрь 1881

*** Полураздетая дуброва, ***

*Полураздетая дуброва,
Полуувядшие цветы,
Вы навеваете мне снова
Меланхоличные мечты.*

*И так идут они к туманам,
Так дружны с сумраком небес,
Как крест — с кладбищенским
курганом,
Как сказка — с прелестью чудес!*

10 октября 1881

*** В кругу бездушном тьмы и зла, ***

*В кругу бездушном тьмы и зла,
Где все — ханжи и лицемеры,
Где нет ни искры теплой веры,
Ты родилась и выросла.*

*Но ложь коснуться не посмела
Твоей духовной чистоты,
Иного ищешь ты удела,
К иным мечтам стремишься ты.*

*Напрасно! Нет тебе исхода,
Родным ты кажешься чужой,
И только чахнешь год от года
За бесполезною борьбой.*

*Так незабудка голубая
На топком берегу болот,
Свой скромный запах разливая,
Никем не зримая цветет.*

*** Весенней полночью бреду домой
усталый. ***

*Весенней полночью бреду домой
усталый.*

*Огромный город спит, дремотою
объят.*

*Немеркнувший закат дробит свой
отблеск алый*

В окошках каменных громад.

*За спящею рекой, в лиловой блед-
ной дали,*

*Темнеет и садов и зданий тесный
круг.*

*Вот дрожки поздние в тиши прод-
ребезжали,*

И снова тишина вокруг.

*И снова город спит, как истукан
великий,*

*И в этой тишине мне чудятся по-
рой*

*То пьяной оргии разнузданные
крики,*

То вздохи нищеты больной.

3 февраля 1882

*** Это было когда-то давно! ***

*Это было когда-то давно!
Так же ты мне шептала: "Мол-
чи".*

*И роняло косые лучи
Заходящее солнце в окно.*

*Или сон позабытый пришел
Так внезапно на память мою?
Или миг, что сейчас я обрел,
Тайно в сердце давно уж таю?*

*Заходящее солнце в окно
Золотые роняет лучи.
Ты чуть слышно шепнула: "Мол-
чи".*

Это было когда-то давно!

5 марта 1882

*** Погребена, оплакана, забыта, ***

*Погребена, оплакана, забыта,
Давно в земле покоится она.
А кем судьба неопытной разби-
та, —
Тем жизнь, как встарь, привычна
и красна.*

*В чертогах их цветы, сиянье, пе-
нье
Тревожат нас соблазнами до-
сель...
И страшно им гнилого гроба тле-
нье,
Их бедных жертв суровая по-
стель...*

Август 1882

*** Ива с дубом, мечтающая, росла у пруда... ***

*Ива с дубом, мечтающая, росла у пруда...
Дуб тянулся все к небу прекрасно-
му,
Где веселые звезды под вечер все-
гда
Зажигались светить миру
страстному.*

*Ива вниз наклонялась к зеркаль-
ным струям,
К тем струям, что светила
несметные
Отражали в себе по осенним но-
чам
Да журчали сказанья приветные.*

*Не дорос дуб до тверди небес голу-
бой,
Ива ветки зеленые выгнула
И коснулась воды, и омылась во-
дой,
А горящих светил не достигнула.*

Август 1882

В ДИЛИЖАНСЕ

*Под вечер улицею грязной
Плетется тряский дилижанс.
Я еду... В слухе неотвязно
Звонит затверженный романс.*

*Я тихо грежу и украдкой
Дремлю, забившись в уголок;
И так мне радостно, так сладко,
Так я мечтой от всех далек!*

*И снится мне: сверкает зала,
Вкруг молодежь, а я уж сед.
Шипит вино в стекле бокала,
И шлю я юношам привет.*

*Они речам моим внимают,
Они растроганы до слез,
И седину мою венчают
Гирляндой девственной роз!*

*Исчезли грезы... Блещет город
Рядами тусклых фонарей...
Я одинок. Я снова молод
И еду в круг моих друзей!*

6 декабря 1882

*** В неприглядных стенах заключен я
давно; ***

*В неприглядных стенах заключен
я давно;
Яркий месяц глядит безучастно в
окно,*

*И решетка окна полосатым пят-
ном,
Словно призрак, легла на полу
земляном.*

*За стеною моею заключенный со-
сед
Всё о волюшке вольной поет мно-
го лет,*

*А в полночь с мостовой, безрас-
светна как мрак,
Мне доносится песнь запоздалых
гуляк;*

*О неволе та песнь, о неволе кру-
той,
Что раскинулась вширь за тю-*

ремной стеной.

Я сижу и грущу. Вкруг тоскующий
вид,
Яркий месяц в окно безучастно
глядит;

И решетка окна полосатым пят-
ном
Точно призрак легла на полу зем-
ляном.

Декабрь 1882

*** У поэта два царства: одно из лучей**
*

У поэта два царства: одно из лу-
чей
Ярко блещет — лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи тем-
ней,
Как глухая темница ненастное.
В темном царстве влачится ряд
пасмурных дней,
А в лазурном — мгновенье пре-
красное.

1882

*** Безымянные стремленья, ***

*Безымянные стремленья,
Безотчетные порывы,
Молодого вдохновенья
И приливы и отливы...*

*Где конец ваш, где начало?
И откуда ваша сила?
Не змеиное ли жало
Вас отравой напоило?*

*Не волна ль седая моря
В вас бушует бесконечно?
Нет! Вы — плач чужого горя,
Эхо немощи сердечной...*

1882

ТОСТ

*Друзья! Я тост провозглашаю
За тех, кто смелою душой
Служил измученному краю
И шел за правду смело в бой!*

*Кому не чужды были муки
Осиротелых горемык,
Кто креп в борьбе, яснил в науке,
Кто был и в бедности — велик!*

*За все грядущее, святое,
Чья не прошла еще пора,
Но чье забьется ретивое
Для правды, мира и добра!..*

1882, 1905

*** Мы при свечах болтали долго ***

*Мы при свечах болтали долго
О том, что мир порабощен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он.*

*О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.*

*Но на прощанье мы сказали
Друг другу: будет время, свет
Блеснет, пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!*

*И весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо.
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.*

*Дремала улица безгласно,
На небе не было огней,
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей!..*

6 мая 1883

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Видишь, сыплют цветы, зажига-
ют огни,
Но мне чужд этот праздник на-
рядный,
И на шумные дни, на безумные
дни
Я взираю с тоской безотрадной.

Слышишь, клики слились с беспре-
рывной пальбой, —
То салютуют счастью чуждому.
Праздник весел. Толпа вслед бе-
жит за толпой
Подивиться и блеску и грому.

Пусть ликует, кто может бес-
печно теперь
Ликовать! Я печален не в меру.
И отчаянье, этот прожорливый
зверь,
В сердце смяло восторги и веру.

Молча я прохожу меж цветов и
огней,

На другие красоты смотрю я.
На картины, что ночи осенней
темней, —
Там, где бедность ютится, го-
рюя.

Там, где плач, где борьба, где по-
губленных сил,
Как на небе звезд ярких, не счесть
нам;
Где так много души и так много
могил,
Где нет места молитвам и пес-
ням.

Я мечтаю — безумны и страстны
мечты.
Мнится, если б порвалися разом
Этих пышных гирлянд расписные
цветы
И огни, что сверкают алмазом,

Вдруг померкли б, и музыки звуч-
ной волна
На полноте свой гимн перервала,
И толпа, отомщеньем безумно
пьяна,
Новый праздник мгновенно созда-

ла, —

О, тогда бы огнем загорелась душа,
Смолкли б в сердце моем укоризны,
И, навстречу свободному клику спеша,
Стал бы праздновать праздник отчизны!..

28 июля 1883

*** Печальный румянец заката ***

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята, —
В ней звуки любви отзвенели.

В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет, —
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

*** Столица бредила в чаду своей
ТОСКИ, ***

*Столица бредила в чаду своей
тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые
звонки
Мешались с лязгом экипажей.*

*Движенью пестрому не виделось
конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие
сердца
В зеркальных окнах трепетали.*

*Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные
мечты
На крыльях сумрачной печали.*

*Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушённой,
И серых деревень заплаканный
простор,*

И в бледной дали лес зеленый.

*И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.*

Октябрь 1884

МАЙ

*Бледный вечер весны и задумчив и
тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит; и слага-
ется стих,
И теснится мечта за мечтою.*

*Что-то грустно душе, что-то
сердцу больней,
Иль взгрустнулося мне о быва-
лом?
Это май-баловник, это май-чаро-
дей
Веет свежим своим опахалом.*

*Там, за душной чертою столич-
ных громад,*

На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет
аромат,
И журчат сладкоструйные воды.

И дрожит под росую душистых
полей
Бледный ландыш склоненным бо-
калом, —
Это май-баловник, это май-чаро-
дей
Веет свежим своим опахалом.

Дорогая моя! Если б встретиться
нам
В звучном празднике юного мая —
И сиренью дышать, и внимать со-
ловьям,
Мир любви и страстей обнимая!

О, как счастлив бы стал я любо-
вью твоей,
Сколько грез в моем сердце уста-
лом
Этот май-баловник, этот май-
чародей
Разбудил бы своим опахалом!..

1 мая 1885

*** Уснули и травы и волны, ***

*Уснули и травы и волны,
Уснули и чудному внемлют,
И статуи дремлют безмолвно,
Как призраки дремлют.*

*И полчочь крылом утомленным
Трепещет легко и пугливо
По липам, по кленам зеленым,
По глади залива.*

*Сквозь ветки луна молодая
Бросает снопы позолоты,
Ревнивым лучом проникая
В прохладные гроты.*

*И бродят в серебряном мраке
Толпою стыдливые грезы,
Роняя на сонные маки
Прозрачные слезы.*

*Заслушалась роза тюльпана,
Жасмин приклонился к лилее,
И эхо задумалось странно
В душистой аллее.*

19 июня 1885

*** Не правда ль, все дышало прозой,**
*

*Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.*

*И друг влюбленных — месяц яс-
ный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладостраст-
ной
Не убаюкивала нас.*

*А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..*

*В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.*

В них ты — блистательная фея;

*В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.*

Июнь 1885

ТАИНСТВО ЛЮБВИ

*Господь карающий, бог грозный
Иудеи,
Бог в дымной мантии тяжелых
облаков,
Бог, шумно мечущий огнистых
молний змеи
На избранных сынов;*

*Бог созидающий, чтобы разру-
шить снова
Созданье рук своих, как злой само-
обман;
Бог, славы ищущий у племени
людского,
Бог-деспот, бог-тиран!*

*Бог, пронесившийся грозой над
Сионом,
Испепеливший в прах Гоморру и
Содом;*

Бог, улыбавшийся над кесаревым
троном
И тяготевший над рабом!

Бог, проносившийся заразой над
пустыней
И забывавший гнев при сладост-
ных псалмах
В душистом сумраке благоговей-
ных скиний
На цветоносных алтарях;

Бог, крови жаждущий и слушаю-
щий речи
Слепого демона сквозь райские
врата, —
Бог, этот грозный бог неумоли-
мой сечи,
Родил смиренного Христа,

Святого, кроткого, властитель-
ного сына,
Все возлюбившего бессмертною
душой,
Кто умер на кресте, чья мирная
кончина
Зажглася вечною звездой;

Зажглась, чтоб озарять мир мра-
ка и печали
И поучать людей смиренью и доб-
ру,
Чьи чудные персты недужных ис-
целяли,
Едва приблизившись к их смерт-
ному одру...

И этот мирный сын властитель-
ного бога
Пришел в мир бедняком, — не цар-
ская парча,
Не складки пурпура, не бархатная
тога
Спускались с бледного плеча...

О, как блаженно тих, любвеобиль-
но мирен
Был бог, громовый бог, когда в ды-
му кадил,
Под пение молитв, пройдя ряды
кумирен,
В ложницу девы он вступил.

И как была чиста безгрешная Ма-
рия
В своем счастливом сне на дев-

ственным одре,
Как улыбались уста ее живые
И богу и заре!

Все в храмине ее дышало тиши-
ною,
Румяный луч зари струился в по-
лумглу
Сквозь занавес окна и алой поло-
сою
Ложился на полу;

И на ковре ее разбросанные ризы
Луч солнечный лобзал, скользя по
ним змеей,
И шумно под окном на фрески и
карнизы
Взлетали ласточки веселою се-
мьей.

Тогда к ней бог вошел! Он не тре-
вожил сладкий,
Прекрасный сон ее, исполненный
чудес,
Он только колыхнул бесчувствен-
ные складки
Малиновых завес.

Он только опажнул стыдливые
ланиты,
Он только осенил безгрешное че-
ло, —
И были новые ей помыслы откры-
ты,
И даль грядущего разверзлася
светло...

Со смутною тоской проснулася
Мария,
С раздумьем на челе пошла в роси-
стый сад,
Где пели хоры птиц, где маслины
густые
Струили аромат.

И солнцу ясному и радостному
шуму,
Вокруг звучащему, внимала, и по-
рой
Невольню думала таинственную
думу
О райском чудном сне, смутив-
шем ей покой,

И плакала она!.. Вдруг голубь бе-
лоснежный

Внезапно выпорхнул из синей вы-
шины,
И закружил над ней, воркуя с лас-
кой нежной,
И поняла она пророческие сны.

И поняла она, что пышное убран-
ство
Природа с этих пор кладет к ее
ногам
И что под куполом небесного про-
странства
Весь мир, весь божий мир — ее за-
ветный храм.

Что только ей кадят душистые
растенья,
Что только ей — зари волшебный
перелив,
И в девственной груди разлился
вдохновенья
Задумчивый прилив...

А голубь все кружил! — То был все
тот же грозный,
Самодержавный бог, молниенос-
ный бог!
Теперь он не метал стрелу из вы-

*си звездной,
Он не хотел, не мог!*

*Он понял мир земной, погрязший
в тьме полночной;
Он стал его отцом, бессмертный
и благой,
Теперь очищенный любовью непо-
рочной
И освященный сном невинности
земной!..*

5 сентября 1885

*** С тоской в груди и гневом смутным,**
*

*С тоской в груди и гневом смут-
ным,
С волнением, вспыхнувшим в кро-
ви,
Не поверяй друзьям минутным
Печаль осмеянной любви.*

*Им все равно... Они от счастья
Не отрекутся своего,
Их равнодушное участие —
Больней несчастья самого!..*

8 октября 1885

* **Звезды ясные, звезды прекрасные**
*

*Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чуд-
ные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.*

*И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки неж-
ные, —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над уте-
сами.*

*И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.*

*И теперь, в эти дни многотруд-
ные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..*

Декабрь 1885

МУЗЕ

Верная спутница жизни печальной,
Ты мне одна изменить не могла;
Первая факел зажжешь погребальный,
Пот в час кончины омоешь с чела.

Станешь, как няня, ты с песнью унылой
Смолкшие струны искать в мертвеце,
Будешь одна тосковать над могилой
С царственной грустью на юном лице.

Станешь душистой весной-невидимкой
Дерн надмогильный смиренно топтать;
Будешь в час ночи под месячной дымкой
Чудные сказки о жизни шептать;

С теплым участием в задумчи-
вом взгляде
В мой опустевший зайдешь уго-
лок,
Перья одуешь, раскроешь тетради
И, прослезившись, уйдешь за по-
рог.

1885

НЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Перебирая вновь украдкой
Все письма нежные твои,
Я окрылен был мезтью сладкой
И упоен тоской любви.

Я говорил небесным высям:
"Сотрите бурей и грозой
Слепые знаки этих писем,
Так чудно лгавших предо мной".

Я говорил свечам горящим:
"Пожрите их своим огнем, —
И пусть не лжет мне в настоя-
щем
Раз обманувшее в былом.

Развейте их налетом шум-
ным”, —
Я буйно ветры умолял,
Но сам я в бешенстве безумном
Их уничтожить не дерзал.

Так жаждет зла и разрушенья
Былым святыням ренегат
В час малодушного моления,
Тоской и трепетом объят.

18 января 1886

ДВА МИРА

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанье и мечты,
А здесь — борьба за призраки сво-
боды,
Здесь горький плач и стоны нище-
ты!

Там — свет небес и радужен и ми-
рен,
Там в храмах луч негаснущей за-
ри.
А здесь — ряды развенчанных ку-
мирен,

Потухшие безмолвно алтари...

То край певцов, возвышенных как боги,

То мир чудес, любви и красоты...

Здесь — злобный мир безумья и тревоги,

Певцов борьбы, тоски и суеты...

7 апреля 1886

НЕБО И МОРЕ

Ты — небо темное в светилах,

Я — море темное. Взгляни:

Как мертвецов в сырых могилах,

Я хороню твои огни.

Но если ты румяным утром

Опять окрасишься в зарю,

Я эти волны перламутром

И бирюзой озарю.

И если ты суровой тучей

Нахмуришь гневную лазурь,

Я подыму свой вал кипучий

И понесусь навстречу бурь...

3 июня 1886

ЭЛЕГИЯ (Из траурных песен)

*Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски:
Не все я выплакал мечты,
Не все поведал миру сказки.*

*Не допил я любовных снов
Благоуханную отраву,
И не допел своих стихов,
И не донес к сединам славу.*

*А как был ясен мой рассвет!
Как много чувств в душе таилось,
Но я страдал, я был поэт,
Во мне живое сердце билось.*

*И пал я жертвой суеты,
С безумной жаждой снов и ласки!
Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски!*

29 августа 1886

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

*В броженьи юности капризной,
Под лепет музыки молодой
Я грезил милою отчизной,
Как отрок юною женой.*

*Тогда мечта мечту рождала,
И жизни смутные черты
Под легким флером покрывала
Блистали солнцем красоты.*

*И, все нечистое стыдливо
От взора юного тая,
Отроковицею счастливой
Являлась родина моя.*

*Теперь то время миновало,
Мечта недвижна и мертва, —
И сердцу родина предстала
Осиротелой, как вдова.*

*И за нее в часы сомненья
Страдает молча, не спеша:
В горниле страсти и волненья
Перегоревшая душа.*

Сентябрь 1886

*** Исполнен горького упрека ***

*Исполнен горького упрека
За злую повесть прежних лет,
За сон безумства и порока,
Я на ее гляжу портрет.*

*Я вновь люблю, страдая страст-
но,
И на меня, как в день обид,
Она взирает безучастно
И ничего не говорит.*

*Но к ней прикованный случайно,
Я не свожу с нее очей...
В ее молчаньи скрыта тайна,
А в тайне — память прошлых
дней...*

Октябрь 1886

ПРИЗРАК

*Как сторож чуткий и бесслен-
ный —
Во мраке ночи, в блеске дня, —
Какой-то призрак неизменный
Везде преследует меня.*

*Следит ревнивыми очами
В святом затишьи, в шуме гроз
И беспокойными речами
Перебивает шепот грез.*

*Иль вслед беззвучною стопою
Бредет остывшим мертвецом
И машет ризой гробовою
Над разгоревшимся лицом.*

*Иль, грустью душу наполняя,
Молящим голосом зовет
Под сень неведомого края,
В иную жизнь, в иной народ.*

*Ищу ли в жизни наслаждений,
Бегу ль в святилище мечты —
Всё тот же облик бледной тени,
Все те же смутные черты.*

Кто ты, мой друг, мой гость
незванный, —
Жилец эфира иль земли?
От духа горного созданный
Иль зародившийся в пыли?

Куда влечешь ты: к жизни строй-
ной
Или в мятущийся хаос?
И что ты хочешь, беспокойный, —
Молитв, проклятий или слез?!

1886

МИР ПОЭТА

По шумным улицам, в живой
толпе народа,
В вертепах праздничных разврата
и гульбы,
Среди полян кладбищ, где гневная
природа
Венчает зеленью гробы;

Во мраке темных рощ, в кудрявой
чаще леса,
Где мягко бродит тень от сосен и
берез,

Где звонче хрустали эфирного на-
веса
При вспышке майских гроз;

У тихоструйных вод, где тощую
осоку
Лобзает беглых волн обманчивый
прибой,
В пустынях, где земля завистли-
вому оку
Грозит небесною стеной,

И там, где скалы гор в бессмерт-
ном изваяньи
Застыли навсегда под божеской
рукой, —
Везде поэт, как царь, как гордый
царь в изгнаньи,
Томится мощною душой...

Он носит мир в душе прекраснее и
шире,
Над ним он властвует, как вдох-
новенный бог,
А здесь, в толпе людской, в сле-
пом подлунном мире,
Он только раб тревог...

*И душно здесь ему, и больно пре-
смыкаться...
Он любит солнце грез, он ненави-
дит тьму,
Он хочет властвовать, он хочет
наслаждаться,
Не покоряясь ничему.*

*Он хочет взмахом крыл разбить
земные цепи,
Оставить мрак земной в насле-
дие глупцам...
Со стрелами зарниц блуждать в
небесной степи
И приобщаться к божествам!*

1886

ТЕНИ А.С. ПУШКИНА

*Ты мне близка, родная тень,
Близка, как близки небу птицы,
Близка, как розам — вешний день,
Как тучам — быстрые зарницы.*

*Не помню я, когда твой дух
Ко мне вошел стопой неслышной,
Когда впервые стих твой пышный
Благословил мой детский слух!*

*То было ль раннею весною,
Когда живею тревожат сны
И ночи белые полны
Обворожительною мглою?*

*Когда я, бледный, у окна
Сидел в молчании глубоком
И созерцал прилежным оком,
Как в небе теплилась луна.*

*Иль в час утра, когда как розы
На небе рдели облака
И пробужденные березы,
Стряхнув росы целебной слезы,
Внимали вздохам ветерка?*

Иль в час, когда, гудя метелью,
В окно стучалася зима
И над моею колыбелью
В снах колдовала полутьма?

Во сне ли было то свиданье
Иль наяву, при свете дня?
Как тайна смерти от сознанья,
Тот час утерян для меня
И нет о нем воспоминанья!

Но только помню, что с тобой
Меня знакомил кто-то чудный,
Какой-то гений неземной,
Какой-то демон безрассудный.

И близок ты с тех пор мечтам,
Как близок белый ландыш маю.
Тебе молюсь, тебе внимаю
И за тобой стремлюся сам.

Моя душа тобой согрета,
Ты в ней царишь, как юный день...
Ты мне близка, родная тень
Благословенного поэта!

9 января 1887

*** Умирала лилия лесная, ***

*Умирала лилия лесная,
Умирала в радужном букете
И дрожала, трепетно мечтая
О румянном, благовонном лете.*

*Снилась ей тропинка в темной
чаще,
Свет зари янтарный в небосклоне,
Свет зари, приветливо дрожащий
На речном колеблющемся лоне.*

*И, поникнув венчиком атласным,
Так тепло, так искренне вздыха-
ла,
Что эфир смущенный наполняла
Сном своим предсмертным, но
прекрасным!..*

Февраль — март 1887

*** Она цветы свои любила ***

*Она цветы свои любила
И поливала их сама.
В ее теплицу не входила
Губить их гневная зима.*

*И при мерцаньи звезд полночных
Она пила их аромат,
Смотря, как в венчиках цветоч-
ных
Росинки светлые дрожат.*

*И в час, когда, простясь с землею.
И бездыханна и бледна,
Под золоченою парчою
В гробу покоилась она,*

*Цветы, исполнены печали,
Приникли к мертвому челу
И в ароматах изливали
Ей скорбь и позднюю хвалу...*

Май 1887

*** Прекрасна эта ночь с ее красой
печальной, ***

*Прекрасна эта ночь с ее красой пе-
чальной,
С ее мечтательным, болезнен-
ным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот
отблеск дальний
Померкнувшей зари на небе голу-
бом!*

*О, если б дум моих неверное тече-
нье,
Как эти облака, стремилось в
глубь небес, —
Какое б подарил тебе я вдохнове-
нье!
Какой бы мир открыл, мир кра-
сок и чудес!*

*Но жизнь моя темна и дума без-
отрадна,
Как облетелый сад — пуста моя
душа,
И ходит ветер в нем стреми-
тельно и жадно*

*И гнет вершины лип, порывисто
дыша.*

*Я не пушу тебя в мой сад осироте-
лый —
Там осень, там туман, а здесь пе-
ред тобой
Сияние весны и этот отблеск бе-
лый
Лазури голубой!..*

Май 1887

ПЕСНЯ

*Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Листья золотые
Сыплются с берез.*

*Сердце тихо плачет,
Плачет и поет, —
Посмотри, стучится
Милый у ворот.*

*Как я выйду ночью
Сени отворю?
Вышел месяц ясный*

Проводить зарю.

*Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Путь-дорогу ветер
Листьями занес!*

Июнь 1887

УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА

*"Матушка! Я слышу, кто-то шепчет сладко,
Кто-то за стеною там поет давно..."
— "Спи, моя родная! Спи, моя камчатка!
Это дождь осенний хлещется в окно".*

*— "Матушка! Скорее отвори окошко...
Слышишь ли, подъехал милый мой к крыльцу?
Поведи к окошку, посмотрю немножко, —
Он ли, — я узнаю сразу по лицу!.."*

— "Нет, моя голубка, это шепчут
нивы,
Это расходились волны по реке..."
— "Матушка, мы в церкви! Мы те-
перь счастливы!
Перстень обручальный блещет на
руке..."

От свечей венчальных темное
мерцанье
Жаром обвеваает щеки и чело...
Как народу много! Мне теснит
дыханье...
Матушка! Не правда ль, в церкви
как светло!"

Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвечает дочери своей.
Перед нею реют сумрачные грезы,
Сумрачные грезы, полночи тем-
ней.

Видит она церковь, только не с
налогом,
Без свечей венчальных... и глядит
на дочь,
Дышащую тяжело, пышущую зно-
ем, —

*В эту ночь глухую, пасмурную
ночь.*

7 июля 1887

НА ПОЕЗДЕ

*Мы мчимся, как стрела, — все
мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая,
А поезд все вперед стремится и
стучит,
Броней железной громыхая.*

*Вдали синее лес неровною сте-
ной,
Над ним кудряво вьются тучи,
Мелькает телеграф решеткою
стальной
И зеленеющие кручи.*

*Мелькнуло кладбище. Белеют я
кресты,
Угрюмо смотрят мавзолеи...
И вновь по сторонам канавки и
кусты
Да редко — темные аллеи.*

На нивах зыблется пшеница и
овес,
Пестреют гряды в огороде,
И грустная семья задумчивых бе-
рез
Белеет а дружном хороводе.

Всё мимо! Все летит, как вольная
мечта,
Как жизнь с обманчивыми снами;
И только светлая лазури высота
Горит незыблемо над нами.

И тусклая луна, бледна как пер-
вый снег
В лучах вечернего заката,
Следить не устает наш торопли-
вый бег,
Печалью тайною объята...

Так жизнь вперед летит, — ле-
тит, как паровоз,
Меняя сны и впечатленья,
И сыплет искрами живые чары
грез,
И стелет дымом увлеченья.

И все бежит вперед, без усталости

бежит...

*И лишь сомненья призрак вечный,
Как бледная луна за поездом, сле-
дит*

За нашей жизнью скоротечной.

28 июля 1887

Гатчина

К СКАЗКАМ

*Мне веет светлым волхвованьем,
Веселой зеленью долин,
Ключей задумчивым журчаньем
От русских сказок и былин!*

*Прекрасен сказок мир воздуш-
ный —*

*К нему с младенчества привык,
Мне мил и дорог простодушный,
Животворящий их язык.*

*Вступаю с трепетом священным
Под кров радушной старины,
Передаю струнам смиренным
Ее младенческие сны.*

И пусть — полны цветной окрас-

ки,
Осенены прозрачной мглой —
Летят задумчивые сказки
Разнообразною толпой

От арфы стройной и покорной,
Как стая белых лебедей,
Заслыша визг стрелы проворной,
Летит со спугнутых зыбей.

30 июля 1887

*** Она была похожа на тебя, ***

Она была похожа на тебя,
В ее очах лучи сверкали те же.
Но, милый друг, она смеялась ре-
же,
Она жила не веря, не любя...

В ее щеках румянец не играл,
Как у тебя, — он вспыхивал по-
рою...
Единою блистали вы красою,
Но разный пламень души волно-
вал.

Так тучки две в лазури золотой

Плывут, сходны по трепетным
изломам,
Но теплый дождь одна несет с со-
бой,
Другая — град с молниеносным
громом.

Июль 1887

*** Нет, мне не жаль, что умер этот
день, ***

*Нет, мне не жаль, что умер
этот день,
Что мирная природа засыпает
И вечер шлет лазоревую тень, —
В моей душе угасший день сияет!*

*Оставил он свой отблеск золотой
В моих мечтах, согретых теплой
лаской,
Обворожив блистательною сказ-
кой,
Навек живым остался он со
мною...*

*Пройдут года... Сквозь мглу по-
чивших лет,*

*В дни черные, в дни скорби предза-
катной,
Он будет мне бросать свой теп-
лый свет
На темный путь, как гений благо-
датный...*

*Так в небесах померкшая звезда
Через много лет по смерти бле-
щит миру...
Она тепла для смертного тогда,
Но холодна далекому эфиру.*

Июль 1887

*** Забытою весной пахнуло на меня! ***

*Забытою весной пахнуло на меня!
Я вновь у светлых чар во власти,
Душа моя полна мятежного огня,
Полна избытком чистой стра-
сти.*

*Забытая весна — с ее роскошным
сном,
С ее веселыми лучами —
В дождливый вечер мне мерцает
за окном*

И тихо реет над мечтами.

*И сердце, как струна, и плачет, и поет,
И вдруг томится болью жгучей,
И трепетно дрожит, как лоно синих вод
Под набегаящую тучей.*

Июль 1887

ПЕРВАЯ ЗАРЯ

*Мне было года три, когда впервые
я
Почувствовал душой всю прелесть бытия,*

*Когда сознание мелькнуло метеором,
И я вокруг себя окинул ясным взором.*

*Был вечер. Таяла веселая заря,
Все светом розовым приветно озаря,*

Ложилась косо тень; по яблоням

и липам
Чуть ветер пробежал; и шмель с
гудящим шипом,

Качаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатой спи-
ной.

В нагретом воздухе струился за-
пах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо пау-
тина

Качалась серою, чуть видною
струной
Меж гроздий наливных рябины
молодой...

Мне было хорошо. С восторгом
ненасытным
Я с нянею бродил, и раем перво-
бытным

Казался мне наш сад, наш скром-
ный, тощий сад,
Взросший в улице меж каменных
громзд.

Я жадно слушал шум задумчивых
берез,
И за оградою веселый треск колес,

И ближней фабрики свисток, сте-
нящий звонко,
И каждый звук томил загадкою
ребенка.

Но гаснет блеск зари, свежей в са-
ду зеленом:
Багряный небосклон стал сизым
небосклоном

И даль туманная, сквозь сень гу-
стых берез,
Подернулась каймой серебряных
полос,

И в глубине небес лазоревым сап-
фиром
Далекая звезда зажглась над спя-
щим миром.

К ночлегу, каркая, летит семья
ворон,
И тихо ночь плывет, плывет со
всех сторон,

Из каждого куста дыша росистой
мглою
В горячее лицо... И с робкою меч-
тою

На небо синее внимательно смотрю,
Сгорая жаждою увидеть вновь зарю,

Потерянную в тьме, но давшую
мне много:
Всю прелесть тайную небесного
чертога,

Все чары шумные мятущейся
земли,
Так бледные вблизи, так яркие
вдали!..

...
Но что я дам взамен природе
необъятной
За сон житейский свой, святой и
благодатный,
Что, оставляя жизнь, я миру по-
дарю,
Встречая кроткую, последнюю
зарю?!

5 августа 1887

*** Я родом финн — и гордая свобода**
*

*Я родом финн — и гордая свобода
Моей душе с младенчества родна,
Но в мире зла ей не найти исхода.
Моя душа, как финская природа,
Однообразна и грустна.*

*Где на камнях гранитного уступа
Печальных сосен высится семья,
Где степь слепит красою мерт-
вой трупа,
Где сохнут мхи, где солнце све-
тит скупо —
Там родина моя!*

*Там, между скал, мои скучали де-
ды;
Закинув невод в беглую волну,
Вполголоса певали про победы,
Иль сумрачно вели свои беседы
У очагов, вкушая тишину.*

*В суровый час ожесточенной бури,
Когда метель гудела по полям*

*И падал снег с нахмуренной лазури,
Они, сидя в густой медвежьей шкуре,
Вверялись таинственным мечтам.*

*И я таю в душе своей печальной
Их гордую, мечтательную лень,
И я суров; люблю я лед хрустальный,
И хохот вьюг, безумно музыкальный,
И от сосны узорчатую тень...*

*В моей душе, под песни назревая,
Прекрасных дум теснятся семена.
И я мечусь, душой изнемогая,
Как водопад полуночного края,
Как финских вод стесненная волна.*

*Там водопад, сверкая пеной млечной,
Стремится вдаль, и ропщет, и шумит...
И плачет он, и бьется в злобе веч-*

ной,
Но холодно борьбе его сердечной
Внимает сумрачный гранит...

12 сентября 1887

*** Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не
зови ***

*Нет, не зови меня! Нет, друг мой,
не зови
Из мира светлых чар и царствен-
ной любви...
В нем все знакомо мне, все мило с
колыбели —
И звучных соловьев раскатистые
трели,
И розы белые, и белые стихи...
Я их люблю мучительной любо-
вью,
Как любит старость юные гре-
хи...*

*Доступны только мне те страны
неземные,
Их звонкие ручьи, их гроты голу-
бые,
Их звезды бледные, как блеск мо-*

их очей,
Их темные леса, как скорбь души
моей,
Их волны звучные, как стих мой
перекатный,
И пышный их цветник, как греза
ароматный,
Где реют и жужжат элегии свои
На утренней заре тяжелые шме-
ли...

И даже миштые руины и могилы
Их сумрачных степей мне дороги
и милы,
Как лоскутки знамен — для дрях-
лого бойца,
Как песня старая — для нового
певца...

16 октября 1887

*** Всегда мы чувствуем правдиво, ***

*Всегда мы чувствуем правдиво,
Но ложно мыслим мы подчас.
И от очей ума ревниво
Хороним взор духовных глаз.*

*Но, друг, живя, не мудрствуй
ложно,
Не удивляйся ничему:
Постигнуть сердцем все возмож-
но
Не постижимое уму.*

Ноябрь 1887

*** Отзвучали струны сердца, ***

*Отзвучали струны сердца,
Догорели краски дня;
Нет огней в природе сонной,
Нет в душе моей огня.*

*Только где-то сиротливо
В бледном сонме дум моих
Брезжит свет воспоминанья,
Как звезда небес ночных.*

*И томительно и сладко
Воскресают предо мной
Слезы прежнего страданья,
Песни радости былой...*

*Так последним блеском тлеет
Под золою уголек,
Так под первым снегом дышит
Поздней осени цветок!*

Ноябрь 1887

*** Я помню дни весенних дум- ***

*Я помню дни весенних дум —
Дни беспечального рассвета,
Когда гордился детский ум
Священным именем поэта.*

*Восторг кипел в моей груди,
Я пел в волнении веселом;
И счастье, счастье впереди
Сияло светлым ореолом.*

*Увяли вешние цветы,
Померкли розовые зори,
Умчалась юность, и мечты
Сменило будничное горе.*

*Печаль свила гнездо в груди,
И песнь звучит моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцает бледною звездой...*

6 декабря 1887

*** От луны небесной, точно от
лампады, ***

*От луны небесной, точно от лам-
пады,
Белый и прозрачный блеск раз-
лит. Вдали
Темные аллеи, полные прохлады,
Шепчутся о тайнах неба и зем-
ли...*

*Где-то торопливо скрипнула ка-
литка.
Кто-то раздвигает влажную си-
рень...
Вон в саду мелькнула белая на-
кидка,
В озаренной чаще проскользнула
тень...*

*Нет, вокруг все тихо! Это только
греза!
За окошком осень. Это шепчет
мне
В ароматной дреме молодая ро-
за,
Тихо увядая на моем окне...*

*** Свечка догорела, спать давно пора
бы. ***

*Свечка догорела, спать давно пора
бы.*

*Ты поник головкой, закрываешь
глазки,
А еще все хочешь слушать наши
сказки,
Как в лесу дремучем у колду-
ньи-бабы*

*Закипает в чанах много страш-
ных зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном посреди
ущелий
Он встречает Лебедь — ласковую
фею.*

*О дитя, поверь нам: нет прекрас-
ней сказки
Той, которой учит нас судь-
ба-старушка.
Так забудь же бред наш, так за-
крой же глазки:*

*Ждет тебя постелька, ждет те-
бя подушка.*

1887

ДВОЙНИК

*Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то белый мне кивает
У открытого окна.*

*Узнаю я этот призрак,
Я давно его постиг:
Это — бедный мой товарищ,
Это — грустный мой двойник.*

*Он давно следит за мною,
Я давно слежу за ним,
От него мне веет смутно
И небесным и земным.*

*Он являлся мне весною
При мерцании зарниц;
Он на оргиях встречался
И встречался у гробниц.*

Жаль ему меня покинуть,

*Мне его оставить жаль:
Он делил со мной, бывало,
Одинокую печаль...*

*И теперь он грустно бродит,
И уйти боится прочь
От раскрытого окошка
В эту пасмурную ночь.*

*И листвою пожелтевшей
Осыпает мне окно
В эту ночь, когда на небе
И на сердце так темно!..*

1887

*** Под напев молитв пасхальных ***

*Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.*

*В зеленеющем уборе
Млеют темные леса.
Небо блещет — точно море,
Море — точно небеса.*

*Сосны в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.*

*И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком!*

НАКАНУНЕ ЗИМЫ

*Еще на ветке помертвелой
Дрожит, как сказочный коралл,
Багряный лист, но иней белый
Уж кровли блестками убрал...*

*Недолго ждать! Ручей прозрач-
ный
Замедлит свой журчащий бег,
И на него фатою брачной
Небрежно ляжет первый снег.*

*И солнце, алое в тумане,
Как факел к нам заглянет в
сад, —
На строй хрустальных колоннад
И на глазетовые ткани.*

*Ты скажешь: "Дедушка-мороз
Колдует в полночь, осыпает
Чело поникнувших берез
И прядь серебряных волос
В их ветки мертвые влетает".*

*Ты скажешь: "Фей разнообразных
Здесь хоровод в ночи вился,*

*И с ожерелий их алмазных
Упали перлы на леса”.*

*И не подумаешь, что злобно
Здесь ночью снежная метель
С своею песнею надгробной
Стлала холодную постель;*

*Что бедных странников знобила,
Что в эту ночь не одного
Она под снегом схоронила,
Сама не зная для чего...*

1887

СТАРЫЙ САД

*Люблю я этот старый сад,
Он мил, как мгла воспоминанья.
С тоской впиваю аромат
Его осеннего дыханья.*

*Вздыхаю тихо и грушу,
Входя в забытые аллеи.
Я место милое ищу...
Тропинки, узкие как змеи,*

Там, извиваяся, бегут

*По склону двух холмов, и вместе
Они сплетаются, где пруд
Блестит, как сталь. На этом ме-
сте*

*Я в раннем детстве отдыхал.
Там гнулись бледные ракиты,
И я под сенью их мечтал.
О чем? Мечты те позабыты!*

*Но я люблю и до сих пор
Тропинку, узкую как змейку,
И сень ракит, и ту скамейку,
Где уследит прилежный взор*

*Ножом начерченные строки
Элегий томных при луне,
Когда мне первые уроки
Дарила муза в тишине.*

*И в час, когда мечта приводит
Меня сюда, вздыхаю я:
Мое младенчество здесь бродит,
Здесь дремлет молодость моя...*

*** Шумят леса тенистые, ***

*Шумят леса тенистые,
Тенистые, душистые,
Свои оковы льдистые
Разрушила волна.*

*Пришла она, желанная,
Пришла благоуханная,
Из света дня сотканная
Волшебница-весна!*

*Полночи мгла прозрачная
Свивает грезы мрачные.
Свежа, как ложе брачное,
Зеленая трава.*

*И звезды блещут взорами,
Мигая в небе хорами,
Над синими озерами,
Как слезы божества.*

*Повсюду пробуждение,
Любовь и вдохновение,
Задумчивое пение,
Повсюду блеск и шум.*

*И песня сердца страстная
Тебе, моя прекрасная,
Всесильная, всевластная
Царица светлых дум!*

1887

*** Печально верба наклоняла ***

*Печально верба наклоняла
Зеленый локон свой к пруду;
Земля в томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звезду.*

*Сияло небо необъятно,
И в нем, как стая легких снов,
Скользили розовые пятна
Завечеревших облаков.*

*Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки
И пела смутная тоска.*

*И мне хотелось в то мгновенье
Живую песнью воскресить
Все перешедшее в забвенье
И незабвенное забыть!..*

*** Блуждая в мире лжи и прозы, ***

*Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества:
И гармонические грезы,
И музыкальные слова.*

*Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд.*

*Там все, как в юности, беспечно,
Там все готово для меня —
Заря, не гаснущая вечно,
И зной тропического дня.*

*Так, после битв, исполнен дремы,
С улыбкой счастья на устах,
В благоуханные гаремы
Идет усталый падишах.*

СТАРЫЕ ЧАСЫ

*Меж старой рухляди в лавчонке у
еврея,
Где дремлет роскошь бар, сгнивая
и темнея,*

*Где между пыльных ваз и старо-
модных ламп
Мерцает рамкою весь выцветший
эстамп,*

*Где бледный купидон с отбитою
ручонкой
Под паутиною, как под фатою
тонкой,*

*Лукаво шурится в мечтательной
тоске,
Где зелень плесени на ярком за-
витке*

*Узорных канделябр ложится изу-
мрудом,
Где в томной нежности над золо-
ченым блюдом*

Из рамы смотрит лик напудрен-
ной красы, —
Стоят, безмолвствуя, старинные
часы...

Их маятник молчит, их стрелки
без движенья,
И мнится: давние слетают к ним
виденья, —

И старые часы прадедовских па-
лат
Припоминают вновь событий
длинный ряд,

Тот долгий, смутный сон, ушед-
ший без возврата,
Когда две стрелки их по кругу ци-
ферблата

Ползли — минуты, дни, года разя
с плеча,
Как два холодные, бесстрастные
меча

Суровой вечности... Бывало, в су-
мрак томный,
Когда дремал угрюмо зал огром-

ный,

*И алый свет, колебля, лил камни,
И ветки тощие расшатанных вершин*

*Из сада темного стучались в окна зала,
И ночь осенняя, как грешница, рыдала, —*

*Тогда задумчивый владелец тех часов
Печально вспоминал утраченных годов*

*Разгулом и стыдом запятнанную повесть,
И плакала его встревоженная совесть,*

*И теплая, никем не зримая слеза,
Слезка раскаянья туманила глаза.*

*А маятник часов спешил без содроганья
Спугнуть в мрак вечности минуты покаянья.*

*И зимней полночью, когда в поко-
ях шумных
Гремело пиршество и гам речей
безумных*

*Заздравным звоном чаш был
дружно заглушен,
Вдруг дерзко слышался часов до-
кучный звон,*

*Как жизнь томительный, как
старость монотонный,
Напоминая сон толпе неугомон-
ной.*

*И кубки медленней ходили по ру-
кам,
И гости бледные, поднявши к
небесам*

*Свой утомленный взор, зевая, раз-
личали
Сияние утра в посеребренной да-
ли...*

*А сколько чудных тайн подслуша-
ли они
У нежной юности в те ночи и в те*

дни,

Когда, доверившись бесстрастно-
му их лику,
Влюбленная чета на них, как на
владыку

Свиданья краткого, смотрела,
торопясь
Последний поцелуй продлить в
прощальный час.

И что ж! Прошли года, которые
так ровно,
С такой иронией, так зло и хлад-
нокровно

Спешили погубить бесстрастные
часы...
И вот — наперсники сатурниной
косы —

Они, забытые, как памятник мо-
гильный,
Стоят меж рухляди, и цифер-
блат их пыльный,

Как инвалид слепой, не страшный

никому,
Глядит бессмысленно в таин-
ственную тьму

Недвижной вечности. И грозный
гений тленья
Над ними празднует победу разру-
шенья.

24 января 1888

У ПЕЧКИ

На огонь смотрю я в печку:
Золотые города,
Мост чрез огненную речку —
Исчезают без следа.

И на месте ярко-алых,
Золоченых теремов —
Лес из пламенных кораллов
Блещет искрами стволов.

Чудный лес недолог, скоро
Распадется он во прах,
И откроется для взора
Степь в рассыпчатых огнях.

*Но и пурпур степи знойной
Догорит и отцветет.
Мрак угрюмый и спокойный
Своды печки обовьет.*

*Как в пустом, забытом доме,
В дымном царстве душной мглы
Ничего не станет, кроме
Угля, пепла и золы...*

Январь 1888

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

*Я узнал весну по блеску голубому
Томных, как мечта, задумчивых
ночей,
Но, в душе лелея тайную истому,
Я боюсь весны болезненных очей.*

*От ее безмолвных и пытливых
взоров
В сердце, подымаясь, воскресают
вновь
Тень былых обид и боль былых
укоров,
Все, что сердце жгло, что волно-
вало кровь.*

Я завесил окна темной пеленою,
Растопил камин и свечи я зажег,
Чтоб спугнуть весну обманчивой
мечтою,
Зиму залучая в теплый уголок.

Над весной победу торжествуя,
грезы
Снова рисовали сердцу моему
В инее пушистом белые березы
И морозной ночи сумрачную
тьму,

Скрип саней по снегу и на снеге те-
ни,
Дым, из труб бегущий медленным
столбом,
И недвижимый воздух, полный
мертвой лени, —
Но недолго был я очарован сном.

За окном шумливо что-то зазве-
нело,
Точно кто-то юный крылья раз-
вернул,
И ворвался в сердце празднично и
смело
Пробужденной ночи благозвучный

гул.

Я узнал, что это за окном роко-
чет,
Что стучится в стекла. Это
дождь весны!
Он звенит и плачет, он поет и хо-
чет
Властно развенчать обманчивые
сны.

О, как страстно сердце сжалось
болью жгучей,
И как тускло пламя вкрадчивых
свечей!
Я открыл окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утренних лу-
чей;

За плетнем осины под дождем
блестели...
Жгучей влагой слез туманились
глаза.
Струны порвались, рыданья зазве-
нели,
И весенней каплей канула слеза...

27 марта 1888

СОЛОВЕЙ

Был соловей влюблен в весну и зори,
И свил гнездо в смородинном кусте,
И до утра в невыплаканном горе
Он пел любовь, послушную мечте.

Он пел весну, и юность, и надежды...
Заря зарю сменяла в небесах.
Прошла весна. Зеленые одежды
Густых лесов рассыпались во прах.

Седой туман, клубяся, встал над
нивой
И улетел влюбленный соловей
К иной весне, к иной стране
счастливой,
За ширь и даль полуденных морей.

И бедный куст поник осиротело,
И о певце вздыхая по ночам,
Он шелестел так грустно, так
несмело,
Как будто слал упреки небесам.

*И, поседев от стужи и мороза,
При шуме вьюг задумывался он:
Все о певце рождалась в нем греза,
Все о певце слагался светлый
сон!..*

Апрель 1888

НА НЕВЕ

*Нет ночи, а не день. Над сонною
Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладю
ночную
И морщит светлых вод спокойное
стекло.*

*Пурпурным янтарем пылают ок-
на зданий,
Как будто бы там ночь справля-
ет пир весны,
Узоры пестрые далеких очерта-
ний
В лиловый полумрак, как в дым,
погружены.*

Удавом каменным змеится цепь

гранита,
И паутиной мачт темнеют ко-
рабли.
Уныло ночь молчит, и грусть кру-
гом разлита,
И слышен вздох небес в молчании
земли.

И точно чей-то глаз, как луч люб-
ви случайной,
Мне в душу заглянул пытливо и
светло, —
И все, что было в ней загадкою
иль тайной,
Все в звуки облеклось, все имя об-
рело.

И страстные мечты, больные до
истомы,
Наполнили меня блаженною тос-
кой...
И мнится, что вокруг все пышные
хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны
мечтой.

И мнится — даль небес, как по-
лог, распахнется,

*И каменных громад недвижный
караван
Вот-вот, сейчас, сейчас, волнуясь,
колыхнется —
И в бледных небесах исчезнет, как
туман.*

Апрель 1888

ОДУВАНЧИК

*Обветрен стужей жестокой,
Еще лес млеет без листвы,
Но одуванчик златоокий
Уже мерцает из травы.*

*Он юн, и силы молодые
В нем бродят тайною игрой.
Питомец поля, он впервые,
Лобзаясь, встретился с весной.*

*И смотрит он в часы восхода,
Как ходят тучи в высоте,
Как пробуждается природа
В своей весенней нагоде.*

*А в дни сверкающего лета,
Когда все пышный примет вид*

*И, темной ризою одета,
Дубрава важно зашумит, —*

*Смотря на шумные вершины,
На злаки нив и цвет долин,
Он будет ждать своей кончины
Под пыльным венчиком седин.*

*Тогда зефир, в полях играя,
Иль молодые шалуны
Его коснутся седины,
И он умрет, питомец мая.*

*Он разлетится, исчезая
Как вздох, прощальный вздох вес-
ны!*

12 мая 1888

ЗА ГОРОДОМ

*Я за город ушел; не слышно здесь
движенья,
Не утомляет слух тяжелый стук
колес,
И сходит в душу мне бывшее уми-
ление
Давно забытых дум, давно угас-
ших грез.*

*Ласкают кротко взор пестрею-
щие краски
В синеющей дали разбросанных
долин,
И шепчут надо мной пленитель-
ные сказки
Дрожащие листья застенчивых
осин.*

*Как старость мирная за юно-
стью счастливой,
Нисходят сумерки за утомлен-
ным днем.
Чуть стелется туман над золо-
тистой нивой,
И вьются комары трепещущим*

столбом.

*Смотрю я в глубь небес — слезу
прилежным взором
За дивною игрой плывущих обла-
ков:
Изменчивы, как жизнь, они своим
убором
Капризны, как обман младенче-
ских годов.*

*И месяц между их рассеянной
толпою
Серебряным серпом белеет, а во-
круг
Объято все святой, стыдливой
тишиною,
И запахом травы благоухает луг.*

*И точно бледный креп таин-
ственной вуали,
Все шире, все смелей ложится по-
лумгла,
Навстречу первых звезд печально
замигали
Чуть видные огни далекого села.*

И мнится, те огни со звездами

ночными
Задумчиво ведут безмолвный раз-
говор;
Они полны тоской, страданиями
земными,
Но светлой тайною мерцает
звездный взор!..

15 мая 1888

КОНЧАЕТСЯ!.

Памяти М. П. Фофанова

Кончается!.. Невольно рвется
стон, —
Так тяжело, так страшно это
слово!
Оно звучит, как погребальный
звон
Иль как набат, рокочущий сурово
В молчаньи ночи, возвестивший
нам
Пожара дым, бегущий к небесам...

Любовь, и жизнь, и славу отрав-
ляя,
Нередко нас преследует оно,

Зияет нам, как бездна роковая,
Все вечностью, все тайнами полно...

Ужасное таинственное слово!
Оно старо, но вечно будет ново —

Кончается!

Мы видим пир: беспечны и светлы
Ликуют гости, зал блестит огнями,
Ласкают взор накрытые столы

И винами, и яством, и плодами.
Веселый смех и гам со всех сторон,
И хрусталя дрожащий перезвон.

Но поздно! Зал редеет понемногу.
Смолкает шум. Как пестрые шмели,

Стремятся гости к тесному порогу...

Вот спешно слуги в звучный зал
вошли, —

Метут полы, проворно гасят свечи...

Темнеет зал; беседы, тосты,
встречи —

Кончатся!

*Волнуясь, сверкает море нив,
Журчат ручьи, пестро цветут до-
лины;
К сиянью дня вершины обратив,
Листвой трепещут робкие осины;
И дружных птиц залетная семья
Поет восторг и сладость бытия.*

*Проходит май; за ним уходит ле-
то,
И острый серп уносит злак до-
лин...
Обожжена, безмолвна и раздета,
Дуброва спит... Лишь с дремот-
ных вершин
Последний лист, кружася, упада-
ет
На мокрый мох... И ветер напева-
ет:*

Кончается...

*Наш нежный друг волнуется, жи-
вет,
Пленяет нас открытою душою;
Мечтает он, а дерзостный недуг*

К нему ползет голодною змеею.
И наконец, обвив его кругом,
Томит и жжет горячечным ог-
нем.

Спешите вы к одру больного дру-
га,
Его приют безмолвен и уныл.
Открыта дверь, чуть шепчется
прислуга,
Душистый мускус воздух напоил.
Больной лежит и с хриплым шу-
мом дышит,
Вы вздрогнули, — ваш слух неволь-
но слышит:

Кончается...

Земля цветет... Бесстрастные ве-
ка,
Сметая все, меняют поколенья.
Так в небесах меняют облака
Морских ветров суровое броже-
нье...
Кипит борьба и ропщет гордый
ум.
Но будет век — замолкнет спор и
шум,

*Земля умрет. Над снежными морями
Повиснут гор недвижные хребты,
Засеребрясь нетающими льдами.
И род людской, как бред земной
мечты,
Исчезнет сном — и даже смерть
забудет...
И некому тогда воскликнуть бу-
дет:*

Кончается!

15 мая 1888

*** Заря вечерняя, заря прощальная ***

*Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румя-
нится...
Дорога длинная, дорога дальняя,
Как лента синяя, пестрея, тянет-
ся.*

*Мечтаю сумрачно, гляжу рассе-
янно.
Душа отзывчивей, сны — суевер-
нее...*

И, как печаль моя, как дым разве-
яна
Заря прощальная, заря вечерняя.

17 мая 1888

СМЕРТЬ ШУТА

*В смятеньи двор веселый короля...
Все мрачно в нем; хозяин хмурит
брови,
Молчит, печаль с пажами не де-
ля,
Заговорит — досада в каждом
слове.*

*Придворных дам нарядная семья
Близ королевы медленно теснит-
ся;
Прекрасный принц вздыхает и бо-
ится
За краткий сон земного бытия.*

*В тяжелых люстрах не блещут
огни,
Унылый зал почил в молчаньи
строгом...
Немая смерть витает над черто-*

гом,
И дремлет он в таинственной
тени.
И лишь в одном готическом окне
Горят лампы и, слезая воском,
Мерцают свечи... В мрачной ти-
шине
Там труп шута лежит на ложе
жестком.

Он, как мудрец, как резвое дитя,
Свой век провел — беспечно и шу-
тя.
Воспитанный среди роскоши двор-
цовой,
При шепоте завистливых льсте-
цов,
Он не любил ни славы, ни чинов,
Питая сердце мудростью суровой,
И что имел — все бедным разда-
вал...

Трофеи шуток: золото, алмазы,
Из царских рук подаренный фиал,
Расшитый плащ, затейливые ва-
зы —
Все нес он в дар голодной нище-
те...

*И многие в смеющемся шуте
Защитника и друга находили...*

*Он был один пред хмурым коро-
лем
Заступником несчастных — и о
нем
Не раз бедняк поплачет на моги-
ле...
Вот он лежит, недвижный и
немой,
Презревший жизнь, и роскошь, и
покой.*

*В одном углу сквозь сонный полу-
мрак
Виднеется истрепанный колпак,
В другом углу — заплатанная то-
га...
Ничтожный шут, играющий дав-
но ль
На пиршествах бессмысленную
роль,
Теперь уснул в величьи полубога!*

*Еще не смело тление могил
Его чела холодного коснуться, —
Уже не раз, бояся улыбнуться,*

Король к одру любимца подходил,
И на него смотрел прилежным
оком,
И отходил в молчании глубо-
ком...
И думал он: в какой облечь наряд

Тебя, мой друг? Ты кончил жизнь
земную...
В твоих чертах читаю жизнь
иную,
Ты мудростью и святостью объ-
ят...
Тебе чужда земная суета,
Как ветхий плащ, ты бросил мир
наш тленный!..
И повелел усопшего шута
Король одеть в наряд свой драго-
ценный...

Май 1888

Л. Н. ТОЛСТОМУ

*Я знаю мир души твоей,
Земному миру он не сроден:
Земной мир соткан из цепей,
А твой, как молодость, свободен.*

*Не золотой телец твой бог,
Не осквернен твой храм наживой.
Ты перед торжищем тревог
Стоишь, как жрец благочестивый.*

*Ты как пророк явился нам,
Тебе чужды пороки наши,
И сладкой лести фимиам,
И злом отравленные чаши.*

*Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю...
Остановясь на полпути,
Тебе доверчиво я внемлю.*

*Слежу за гением твоим,
Горжусь его полетом смелым,
Но в изумленьи оробелом
Не смею следовать за ним!*

11 июня 1888

В ДОРОГЕ

*Верста, еще верста! Назад я бро-
сил взор,
Селенье скрылося за желтый ко-
согор,*

*Лишь церкви дальней крест свер-
кает в высоте,
Да космы чучела желтеют на ше-
сте,*

*Как привидение, и дымных тучек
стая
Несется медленно, свой очерк из-
меняя...*

*Я дальше ухожу... Верста, еще вер-
ста!
Как знойный океан, сверкает вы-
сота.*

*Я бросил взор назад — уж нет вда-
ли селенья,
Лазурью сонное сверкает отдале-
нье,*

*И небо знойное, лобзаяся с землей,
Как тайну прячет даль... Так го-
ды чередой,*

*Как версты пестрые, проходят
перед нами,
И смотрим мы назад пугливыми
очами;*

*Но память бледная, как синий
небосклон,
Скрывает прошлого невозмути-
мый сон...*

*И только дни любви, как крест
далекий храма,
На небе бытия спокойно и упрямо*

*Сверкают дольше всех внима-
тельным очам,
И смотрим мы вперед, и небо ви-
дим там.*

25 июня 1888

ВДОХНОВЕНИЕ

*Как хорошо, при лампе одинокой,
В тиши ночей обдумывать свой
труд!*

*Душа кипит, и образы — плывут,
Как Млечный Путь, толпою звезд
доокой.*

*Младенческий и сладостный вос-
торг*

*Стесняет грудь. Слеза дрожит во
взоре.*

*Счастливая! Бог грез ее исторг
Из родников растаявшего горя.*

*Еще к земле прикован чуткий
слух,*

*Но к небесам уже подняты кры-
лья.*

*Еще порыв, еще одно усилие,
И новый мир объемлет гордый
дух.*

*Для жарких снов раскрыт чертог
ума,*

И памяти рассеянная тьма

Яснеет вновь... Былое — воскресает.

Но кончен труд, остыл сердечный жар.

*Развеялись виденья милых чар...
Алтарь погас... И жертва —
остывает...*

2 июля 1888

*** Вдали, как чуткий страж, почиет
лес безмолвный ***

*Вдали, как чуткий страж, почиет
лес безмолвный
Стеной узорною; румянец золо-
той
Угаснувшего дня не тает в бездне,
полной
Глубокой вечностью и звездной
глубиной.*

*И тихо в небесах, и тишина немая
Объемлет ласково спокойный
мрак долин,
Лишь слышно, как река шумит, не
умолкая,*

*Стремясь расторгнуть плен
стеснительных плотин.*

*Но в чуткой тишине так много
тайной жизни,
Что кажется, мой друг, остав-
ленный вдали,
Ко мне твой тихий вздох и ропот
укоризны
Ночные ветерки, волнуясь, принес-
ли.*

25 июля 1888

СОН

*Мне снилось: мы шли по степи
ароматной,
Кругом темнела ночь спокойная;
вдали
Теснились выси скал. В лазури
необъятной
Горели зерна звезд — светильники
земли.*

*И чувствовали мы, что с нами
кто-то рядом,
Чуть зримый, молодой, таин-*

ственно идет;
Он не блистал красой и не бли-
стал нарядом,
Он тих и бледен был, как месяц в
лоне вод.

Нам было хорошо со спутником
туманным,
Казалось, он сердца восторгом об-
жигал;
Но вот шатнулся мрак шатром
благоуханным,
И дымная роса поднялася от
скал...

И спутник наш поплыл с неверны-
ми тенями.
Он к небу улетал, в лазоревое
дно, —
И там, где он исчез, — как свет-
лое вино,
Разлилася заря багряными струя-
ми.

И стало грустно мне... И, в стра-
хе пробужденный,
Я жадно стал искать разгадки
тайной сна...

*И вот увидел я, печальный и смущенный,
Что у тебя в косе мерцает седина.*

*Я разгадал свой сон!.. То юность
улетела,
Как спутник призрачный!.. О, друг
мой дорогой!
Она покинуть нас совсем еще не
смела
И светит издали нам тихою за-
рей...*

Август 1888

ХУДОЖНИК

Посвящается И.Е.Репину

*Он мертвый холст волшебной
оживлял
Послушной кистью перед нами...
Мы видели моря, и кручи темных
скал,
И стаи облаков, играющих с вол-
нами.*

*Исполнен творчества, покор-
ствуя мечтам,
Он всюду проникал своим духов-
ным взором,
И снова открывал испуганным
очам,
Что вечность навсегда для нас за-
крыла флером.*

*Под кистью властною вставляли
из гробниц
Цари, томимые раскаяньем
невольным,
Пророки бледные, склонившиеся
нищ*

*Перед святынями в восторге бо-
гомольном,*

*Мы казни видели, и видели пиры,
И кельи темные отшельников
унылых.*

*В затишье шумных битв зажжен-
ные костры
И вдов заплаканных на родствен-
ных могилах.*

*Пред нами умирал царевич моло-
дой,
Родительским мечом до времени
сраженный,
И клялся и скорбел перед печаль-
ной донной
Жуан, волнуемый и страстью и
тоской.*

*Мы видели в цепях смиренных хри-
стиан
И грубых палачей с кровавыми ме-
чами.*

*Мы видели певца: над звучными
волнами
Стоял он, звучными мечтами
осиян...*

Сентябрь 1888

СТАНСЫ

*И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тос-
ка.
Не ведают, что рушат и что
строят!*

*Слепая страсть, волнуясь, жи-
вет,
А мысль — в тиши лениво прозя-
бает.
И все мы ждем от будничных за-
бот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не
знает!*

*А дни идут... На мертвое "вчера"
Воскресшее "сегодня" так похоже!
И те же сны, и тех же чувств иг-
ра,
И те же мы, и солнце в небе то
же!..*

Октябрь 1888

*** Была ль то песнь, рожденная
мечтою, ***

*Была ль то песнь, рожденная меч-
тою,
Иль песнею рожденная мечта, —
Не знаю я, но в этот миг со мною
Роднились добро и красота.*

*От светлых дум сомненья исчеза-
ли,
Как легкий дым от гаснущей зо-
лы;
Я был далек от сумрачной печա-
ли,
От злых обид и дерзостной хулы.*

*Я мир любил, и был любим я ми-
ром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфи-
рам,
С толпою звезд, за сонмищем пла-
нет.*

*И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного*

сна...

Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром — и вечна и

сильна.

Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...

Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?...

1888

НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!

Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною
Ранним сиянием дня,
Поздней зарею!

Пусть истерзала печаль
Сердце твое молодое,
Слез нам, как счастья, не жаль,
Вспомним былое!

В прошлом борьба и недуг

*Веют забытой весною.
Не отходи, милый друг,
Смейся со мною!*

*В сердце тревогу смири,
С новой весною воскресни.
Пой! За сияньем зари —
Счастье и песни!*

*Если ж, весну схороня,
Счастье от зависти спрячем,
Не отходи от меня,
Вместе заплачем!*

*Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною,
Пусть же сияние дня
Длится зарею!..*

*** Рыдает и плачет тоскливая скрипка, ***

*Рыдает и плачет тоскливая скрипка,
И слышится в звуках мне голос родной,
И тихо, сквозь слезы, мерцает улыбка
Над юностью падшей, над жизнью больной.*

*Рыдайте и плачьте, печальные струны!
Рыдайте, мне сладок ваш трепетный плач.
Как первые грезы, вы страстны и юны,
Безжалостны вы, как жестокий палач.*

*Вы вновь пробудили певучие думы,
Вы вновь окрылили восторгом меня...
И грусть моя тает, как сумрак угрюмый
Пред алым сияньем веселого дня.*

*И вижу я снова из мрака забвенья,
Как бледный туман из глубоких
лощин,
Встают и кивают былые виденья
Сквозь черную дымку угасших го-
дин...*

1888

КАПЛЯ

*Румяная заря на капле дождевой
Лучом приветливым играла.
И капля искрилась алмазною
серьгой,
И капля детский взор прельщала.*

*Но умерла заря на западе небес,
И распростерлась тень немая,
И в капле дождевой волшебный
блеск исчез.
И влажный ветер, пробегая,*

*Ту каплю уронил, незримую
впотьмах...
Ах, для чего зари сиянье
Она пережила! Смерть капли при
лучах*

Могла бы вызвать состраданье!

1888

*** Я знаю грусть: певучая, как песнь, ***

*Я знаю грусть: певучая, как песнь,
Она в душе рождается случайно,
Чтоб утолить, как тяжкая бо-
лезнь,
И взволновать, как призрачная
тайна...*

*Я знаю песнь: в душе моей, как
грусть,
Она звучит то нежно, то сурово;
Ее давно твержу я наизусть,
Но в ней мечтам все ярко и все но-
во.*

1888

ЛУННЫЙ СВЕТ

*Бывало, все в душе моей будило
Святые сны и звуки песнопенья
И чистые, как юность, впечатле-
нья!*

*Как я любил вечернее светило,
Когда оно задумчиво глядело
В мое окно — и на полу несмело
Лучом зеленым весело чертило
Квадраты окон, сумрак наполняя
Каким-то светозарным, белым
дымом...*

*И в проблеске его неуловимом
Мне чудилась прелесть незем-
ная...*

*Как привиденье — смутный блеск
луны
Рождал в душе, взволнованной
невольно,
Прекрасные, пленительные сны.
Так старому ботанику довольно
Засохшего и мертвого стебля,
Чтоб по нему его воображенье
Нарисовало небо и поля,
Где расцвело усопшее растенье...*

И, свет луны случайно уловив,
— Исполненный восторженной
истомы,
Я создавал хрустальные хоромы
Из снежных льдин: и чудный их из-
вив,
И звонкого кристалла их изломы
Я поясами радуг обвивал
И освещал алмазными лучами.
И наполнял я лучезарный зал
Прекрасными и бледными теня-
ми,
Без крови теплыми и ясными без
света,
Как скорбь влюбленных, как меч-
та поэта,
Рожденная весенними ночами...

Теперь — не то, от волшебства
небес
Моя душа угрюмо удалилась.
Волшебный мир лазурных грез ис-
чез,
Тоска небес тоской земли смени-
лась.
Вчера я свечи погасил — и свет
Ночной луны проник в окно слу-
чайно,

Как призрак робкий, как немая
тайна,
Лия вокруг болезненный привет.
Но он в душе моей не пробудил
Ни прежних снов, ни вымыслов
прекрасных.

Я на него, безмолвен и уныл,
Смотрел в мечтах холодных и
бесстрастных.
И думал я: зачем он светит мне,
Печальным факелом блуждая в
вышине?
Зачем, дразня капризными луча-
ми,
Обворожал он детские мечты, —
Он, созерцающий спокойно с высо-
ты
Все преходящее пред смертными
очами?
И было мне обидно и смешно
За детский сон, исчезнувший так
скоро,
И, чтобы скрыть луч месяца от
взора,
Завесил я окно!

УПРАЗДНЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

*Стареет все, и все уносит время,
Но зрелища грустнее нет, когда
В заботах дня мятущееся племя
Приют отцов сметает без следа.*

*Печальный вид! Железная ограда
Разрушена кощунственной рукой;
Немых могил задумчивое стадо
Осквернено последнею хулой.*

*Изломаны кресты и мавзолеи —
Смирения и вечности символ,
Лишь завернет в заглохшие аллеи
Щипать траву меланхоличный
вол.*

*Унылый вид! Не требуя земного,
Земля не верит памяти живых
И письмена тщеславия людского
Сдувает пылью с камней гробовых.*

*И жадный вор вечернею порою
Чугунный крест с расшатанной
плиты*

Спешит унести, — святынею чужою
Не дорожат преступные мечты...

И лишь дерев зеленые побеги
Из года в год все чаще, все пышней,
Чтоб мертвецов загробные нощи
леги
Благословлять дыханием ветвей;

Чтоб говорить мечтательно случайно
Забредшему под шаткую их сень,
Что жизнь — вечна, что кто-то
бросил тайно
В могильный мрак забрезжившийся день.

*** Вечернее небо, лазурные воды, ***

*Вечернее небо, лазурные воды,
В лиловом тумане почившая
даль —
Все прелестью дышит любви и
свободы.
Но в этом чарующем лике приро-
ды
Читаю, как в книге, свою же пе-
чаль.*

*И мнится, что все под лазурью
румяной:
Склоненные ивы над сонным пру-
дом
И лес темно-синий за далью ту-
манной —
Все это лишь призрак, обманчи-
во-странный,
Того, что созиждилось в сердце
моем.*

*Все это — отрывок поэмы певу-
чей,
Кипящей глубоко в душе у меня,
Где много так веры и страсти ки-*

пучей,
Где много так жажды к свободе
могучей,
Так много печали и много огня!

1888

*** Сумерки бледные, сумерки мутные**
*

Сумерки бледные, сумерки мутные
Снег озарил перелетным мерцанием.
Падают хлопья — снежинки минутные,
Кроют все белым, как пух, одеянием.

Снежно... бело, но проходят мгновения —
Снова не видно ковра белоснежного...
Грезы так падают, грезы сомнения,
В сумерки бледные сердца мятежного...

1888

*** Посмотри: у пруда, где в
прохладную тень ***

*Посмотри: у пруда, где в прохлад-
ную тень*

*Зной струится сквозь ветки дро-
жавшие ив, —*

*Реют мошки; родил их сверкаю-
щий день,*

*И умрут они к ночи, мгновенье
прожив.*

*И родятся другие в ликующем
дне...*

*Так в душе у меня сонм докучных
забот*

*Расцветет, — уплывет на житей-
ской волне,*

*И родится опять, и опять уплы-
вет...*

1888

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

1

*Пойдем в сосновый лес, сегодня
жар несносен...
Все тихо, все молчит, не шелох-
нется лист, —
Уйдем под тихий мрак гостепри-
имных сосен,
И лес там молчалив, и воздух
там смолист!*

*Люблю я этот лес; далеким жел-
тым строем
Уходят вглубь стволы деревьев,
янтарем
Смола слезится с них, и мертвен-
ным покоем,
Боясь людских шагов, томится
все кругом!*

2

*Есть грусть прекрасная, когда по-
ется стройно,
Когда — как ширь реки — задум-*

чиво, спокойно
Катится беглых грез летучий хо-
ровод...
Но есть другая грусть, грусть
пропасти темнее,
Грусть, давящая грудь, как мсти-
тельная фея,
Когда молчат мечты и сердце
смерти ждет,

Как ласку юноша, когда ни звука
песен,
Ни смелых образов, когда вся
жизнь — тюрьма,
Где млеет по стенам седеющая
плесень
И веет сыростью губительная
тьма.

1888

А.А. ФЕТУ

*Есть в природе бесконечной
Тайные мечты,
Осеняемые вечной
Силой красоты.*

*Есть волшебного эфира
Тени и огни,
Не от мира, но для мира
Родились они.*

*И бессильны перед ними
Кисти и резцы.
Но созвучьями живыми
Вещие певцы*

*Уловляют их и вносят
На скрижаль веков.
И не светит, и не скосит
Время этих снов.*

*И пока горит мерцанье
В чарах бытия:
"Шепот. Робкое дыханье,
Трели соловья",*

*И пока святым искусствам
Радуется свет,
Будет дорог нежным чувствам
Вдохновенный Фет.*

Январь 1889

В АЛЬБОМ В.Б. БЕРТЕНСОНА

*Сильней и глубже век от века
Земли и мыс, ли торжество.
Все меньше веры в божество
И больше — веры в человека!*

20 апреля 1889

* Дрожащий блеск звезды вечерней

*

*Дрожащий блеск звезды вечерней
И чары вешние земли
В былые годы суеверней
Мне сердце тронуть бы могли.*

*А ныне сумрак этот белый,
И этих звезд огонь несмелый,
И благовонных яблонь цвет,
И шелест, брезжущий по саду, —
Как бледный призрак прошлых
лет,
Темно и грустно блещут взгляду.*

*Хочу к былому я воззвать,
Чтоб вновь верней им насладить-
ся,
Сны молодые попытать,
Любви забытой помолиться!..*

Апрель 1889

МЕЧТА

Дрожит ли зыбь серебристого ручья,
Сверкает ли вечерняя зарница,
Шумит ли лес иль песня соловья
Гремит в кустах — везде мечта
моя
Найдет приют, как властная царица.

Она живет с природой заодно;
Она в ручье купается наядой,
И ложе ей — из мхов цветущих
дно...
Ей все любить, ей все понять дано,
Чтоб пролететь мгновенною
усладой.

Чтобы на миг блеснуть в душе
моей
И озарить улыбкой суеверной
Холодный мрак моих печальных
дней,
Чтоб исцелить минутный яд
страстей

*И скрасить жизнь красюю лице-
мерной...*

4 мая 1889

ВСЕ ТО ЖЕ

*Ты сказала мне: "Как скучно
Нынче пишут все поэты —
И у этого печалью
Переполнены сонеты.*

*Те же грезы, те же рифмы!
Все сирени да сирени!.."
И, зевая, опустила
Книгу песен на колени.*

*А над нами в это время
Горячо лазурь сверкала,
На песке узорной сеткой
Тень от веток трепетала.*

*В кленах зыбью золотистой
Блеск мигал, играя с тенью.
Пахло липами и медом
И цветущею сиренью.*

И сказал тебе я: "Видишь,

*Как прекрасны чары лета!
Но стары они, как вечность,
Как фантазия поэта!..”*

Май 1889

КУКУШКА

*Гаснет вечер, гаснет небо
В бледном золоте лучей.
Веет тихою печалью
От безлиственных аллей.*

*Даль пронизана туманом,
Точно пылью голубой.
Пахнет свежесою травой
И увядшею листвою.*

*Все полно безмолвной неги,
Только в зелени сосны,
Будто медленные стоны,
Звуки мерные слышны.*

*То, встречая праздник мая,
В ароматной тишине
Одинокая кукушка
Об иной грустит весне.*

Я люблю ее глухое
Похоронное "ку-ку",
В нем я слышу наши слезы,
Нашу вечную тоску.

И обычай суеверный
Наблюдая по весне,
Я шепчу лесной кукушке:
"Сколько жить осталось мне?"

И пророчица-кукушка
С безмятежною тоской,
Точно слезы, сыплет годы,
Сыплет звуки надо мной.

Я считаю их прилежно:
Десять... двадцать... тридцать
лет...
Нет, кукушка, ты ошиблась,
Льстив и ложен твой ответ!

Неужель еще так много
Дней печали и борьбы,
Дней тревожных увлечений
В тайниках моей судьбы?

Неужель еще придется
Мне оплакивать друзей,

Чье участие сердце грело
На рассвете юных дней?

Нет, кукушка, ты ошиблась!
Жизнь в начале хороша,
В дни, когда кипит восторгом
Окрыленная душа.

Но не сладко встретить ста-
рость,
Чтоб утраты вспоминать
И, как ты, в своей печали
К одиночеству взывать!

Май 1889
Царское Село

У ПОТОКА

*Я слушал плеск гремучего потока,
Он сердца жар и страсти усып-
лял.*

*И мнилось мне, что кто-то изда-
лека
Прощальный гимн мне братски
посылал.*

*И мнилось мне, что в этом влаж-
ном шуме
Таинственно и мирно я тону,
Всем бытием, как в непонятной
думе,
Клонящейся к загадочному сну.*

*И тихо жизнь как будто отлета-
ла
В безмолвную, задумчивую даль,
Где сладкая баюкала печаль
И нежное волнение волновало.*

Июнь 1889

*** Зашумел, закачался
взволнованный сад, ***

*Зашумел, закачался взволнованный сад,
Листья бьют боевую тревогу;
Быстро вихрь налетел и отпрянул назад,
Запылил и завихрил дорогу.*

*Распахнулись со скрипом ворота
на миг,
Затворилось окошко со звоном.
На пруде — громче уток испуганных крик,
Громче жалобы в мире зеленом.*

*Вот упала тяжелая капля... За ней
Шумно ливень серебряный хлещет...
И потоки звучней, и сквозь зелень ветвей
Озаренная даль уже блещет...*

Июнь 1889

ЛИСТЬЯ

*Ветер плачет за окном,
Ветер мечется и стонет
И невидимым крылом,
Золотые листья гонит.*

*Листья падают с берез,
Листья шумно бьют тревогу,
Сердце жалобят до слез;
Сердце внемлет понемногу
Их взволнованным речам.
Ропщут листья по ветвям:*

*"Страшно в сумраке ночном
Опадать с ветвей родимых,
Гнить и мокнуть под дождем,
Дрогнуть в стужах нестерпимых!*

*Для того ли по весне
Мы цвели и трепетали,
Для того ли в полусне
Ветру сказок нашептали,
Чтоб он в осень нас сорвал,
Умертвил и разметал!*

Ой ты, ветер неразумный,
Ветер вольный, ветер шумный,
Ты гони нас поскорей
К волнам северных морей!

Мы расскажем волнам белым,
В страхе, в стуже поседельм,
Все, чему весной могли
Научиться у земли
И о чем и почему
Мы рыдали в дождь и тьму.

И когда весной станут
Волны плыть, кочуя вдаль,
Пусть расскажут, пусть помя-
нут
Наши сказки и печаль!”

14 августа 1889

*** Стало скучно тебе — ***

*Стало скучно тебе —
Что же надобно?
Ветер плачет в трубе,
Плачет жалобно.*

*Грустно свечка горит
Одинокая;
В окна полночь глядит
Черноокая.*

*На дворе сентябрем
Веет холодом;
Сылет желтым листом,
Точно золотом.*

*Встал туман над рекой
Белой дымкою —
Сны снесет он с собой
Невидимкою.*

*Ветер буйный в трубе
Плачет жалобно.
Скучно мне и тебе —
Что ж нам надобно?*

31 августа 1889

ОТОШЕДШИМ

*Отходят старые глашатаи сво-
боды
Под своды вечные, под гробовые
своды,
И лавры провожают их,
И смерти торжеству внимает
скорбь живых!
Они родились в мятущиеся годы,
В дни предрассудков роковых!*

*В те дни, когда еще зарей осво-
божденья
Не озарился мрак отчизны доро-
гой...
При них порвалися гнилого раб-
ства звенья,
От них повеял дух благого просве-
щенья
Над пробужденною страной.*

*Понятна их борьба, разумна их
тревога,
Благословен их трудный путь.
Страдая и любя, они творили*

много —
Их есть чем помянуть!

А мы! Мы, робкое, больное поколе-
нье,
Смирив в своих сердцах пытлиное
волненье,
Мы все хотим простить и все
благословить,
Но цель потеряна, кумир давно
разрушен;
Мы к миру холодны, и мир к нам
равнодушен...
Мы не умеем жить!

Август 1889

*** Прекрасна ты, осенняя пора! ***

*Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Седой туман в час раннего утра,
Лучей и птиц прощальная игра —
Все будит грусть и сны очарова-
нья!*

*Прекрасна ты, осенняя пора!
От детских лет, печальный севе-
рянин,
Люблю я шум захладавших вод
И сонный лес, когда он зарумянен
Дыханием осенних непогод.*

*Войду ли в сад — там смолкли
птичьи хоры,
Он весь поник. В нем поздние цве-
ты
Облечены в последние уборы,
И ярче их махровые узоры
Пред бедностью грядущей наго-
ты!*

*Войду ли я в редяющие рощи —
Прозрачные, багрянцами горя,*

Они молчат... Их дремлющие мо-
щи
Уж обожгла сентябрьская заря!..

Пойду ль к реке — высоко ходят
волны,
Суров, тяжел свинцовый их набег.
И тихую гармонию полны
Мои мечты, исполненные нег...

Живей встают забытые утраты,
Но не гнетут, не мучают оне,
Неясные, как сны, как ароматы,
Рожденные в осенней тишине.

Вновь кроткое доступно примире-
нье,
Вновь нежная слеза туманит
взор...
И жизнь ясна, как светлое виде-
нье,
Как милых строк разгаданный
узор...

Август 1889

*** Как быстро год прошел! Как медленные дни ***

*Как быстро год прошел! Как медленные дни
Томительно текли! Как много раз они,
Встречая ласкою, прощались огорченьем,
Как много раз моя душа кипела буйным вдохновеньем,
Любить и чувствовать спеша.*

*Как часто с трепетным и злым негодованьем
Готов предаться был я пламенным рыданьям,
И, не рыдая, тлел в агонии страстей!
Как много раз, с судьбою споря,
Над бездной ужаса и горя,
Молил я солнца ясных дней!*

*Но робкая судьба как тусклый день текла
И скупое счастье дарила.
И душу сонную томила*

Кругом сгустившаяся мгла.

*Без слез я проклинал, без злобы
ненавидел,
Без сожаления в прошедшее смотрел,
Без упования грядущее я видел
И холодно пытал нерадостный
удел!*

Август 1889

ЖУРАВЛИ

*Свежело. Астры отцветали.
Сквозное золото аллея
Чуть трепетало. Я в печали
Следил за летом журавлей.*

*Они пугливо отлетали
К теплу полуденных морей!
Их стая в небе потонула, —
Я проводил их недвижим.
Вдруг чем-то радостным пахнуло, —
Я счастлив счастьем стал чужим!*

*Моей душе отрадно было,
Что, бросив севера ночлег,
Они не встретят здесь уныло
Последний лист и первый снег.*

*И думал: так мечты поэта,
Звены, стремятся от земли —
К любви, в лазурь тепла и света,
Как вы, седые журавли!..*

Сентябрь 1889

*** Сколько жизни, сколько блеску ***

*Сколько жизни, сколько блеску
В этом луге ароматном,
В этой ниве золотистой,
В этом небе предзакатном!*

*Я иду — и надо мною
Трелит жаворонок звонко,
И в лугах кружатся мошки,
Точно зыбкая воронка.*

*В алом клевере кузнечик
Кличет ночь, томясь от жажды,
И в бору уже кукушка
Куковала не однажды.*

Но луна и звезды медлят,
Медлит ночь своим приходом,
И прощально день лепечет
Под горячим небосводом...

1889

*** Умолк весенний гром. Все блещет и поет. ***

*Умолк весенний гром. Все блещет
и поет.
В алмазных каплях сад души-
стый.
И опоясала лазурный небосвод
Гирлянда радуги лучистой.*

*От ближних цветников запахло
резедой,
В кустах резвей щебечут птицы.
Гремит неясный гром над высью
золотой,
Как Грохот дальней колесницы.*

*Трепещет влажный блеск, как иск-
ры на лист
Под освежительной прохладой...
Лягушка серая подпрыгнула в*

*траве
И снова скрылась за оградой.*

*По мокрому шоссе, в мерцающем
платке,
Прошла усталая цыганка.
Кричат разносчики, и где-то вдалеке
Гнусит печальная шарманка.*

1889

*** Что ты сказала, я не расслышал ***

*Что ты сказала, я не расслышал,
Только сказала ты нежное что-то,
На небо месяц поздно так вышел,
И серебром засверкало болото.*

*В тощей осоке жизнь пробудилась,
Кто-то вздыхал там дыханьем
протяжным
Небо светилось, пышно свети-лось,
Звездным мерцаньем, стройным
и нежным.*

*Что прошептала она? Я спросил
Ночь молчаливую, полный печали.
Месяц сиянье холодное лил,
Шаткие тени ревниво дрожали.*

*Розы дышали мне ароматно,
Звезды, мигая, толпились тесно.
Все говорило сердцу понятно:
"Да, прошептала, а что — неиз-
вестно!.."*

1889

*** Есть странные минуты: бытие ***

*Есть странные минуты: бытие
Сменяется почти небытием.
Не трогает внимание ничье,
И совесть тихо дремлет... О бы-
лом —
Ни вздоха, ни слезы. Как мрак,
уныло
Грядущее... И не страшат утра-
ты,
И не пугает душная могила!*

*Воспоминаний ветхие заплаты
На рубище прошедшего мерца-*

ют...

Но, бледные, они не докучают,
Уснувших чувств не трогают
они!

Ни юности, ни радости не жал-
ко...

И солнечную ночью длятся дни...

Едва жужжит судьбы ленивой
прялка,

Едва горят сердечные огни.

1889

*** Еще дрожит последняя слеза ***

Еще дрожит последняя слеза
В моих очах, в моем потухшем
взоре,

Но пронеслась суровая гроза,
И улеглось рыдающее горе.

Еще дрожит печальная струна,
Но скорби песнь последняя уж спе-
та.

Опять душа спокойствия полна
И холодно внимает шуму света.

Лишь в сонме грез, как в белых об-

лаках
Ночных зарниц, неверное блиста-
нье,
Сияет мне в изменчивых мечтах
Тяжелое души воспоминанье...

1889

МЕЛАНХОЛИИ

Для радостей природа создана,
Но почему грустит она всечасно?
Теперь закат сверкает в небе яс-
но —
И в нем печаль глубокая видна.

Вечерний блеск позолотил верши-
ны,
Зеленый мрак в вершинах пото-
нул.
Задумались деревья-исполины,
Далеких волн внимая смутными
гул.

Вдали звучит кукушки кукованье,
Как тихий плач бездомной сирот-
ты...
И я грущу — и грусть та без на-

званья,
Наперсница таинственной меч-
ты.

Навеяла ль печальная природа
Мне эту грусть, иль сам я грусть
вдохнул
В ее черты — в сиянье небосвода,
В дыханье трав и в леса смутный
гул.

Я — сон ее, она ль мое виденье —
Мне все равно... Печаль ее близка.
Восторг людей живет одно мгно-
венье,
А грусть и скорбь — бессчетные
века.

1889

ХАНДРА

*Перед окном косящатым
Сидит Хандра Ивановна.
Сидит она невесело,
Головушку повесила.
А что Хандре бы надобно?
Сама она не ведает...
Идет румяный молодец,
Идет-поет по улице,
Увидел свет в окне Хандры,
Кричит ей зычным голосом:
"Пойдем, Хандра Ивановна,
По городу по людному —
Авось ты разгуляешься,
От хмеля зашатаешься,
От ветра разрумянишься..."*

*Хандра ему в ответ:
"Ахти, пригожий молодец,
Кто мало жил — не любит свет
За то, что все не выглядел.
Кто много жил — не любит свет
За то, что все наскучило!
А мне не жить, не в гроб идти,
На белом свете маяться!
Пошла бы я по городу,
Да думаю: не тесно ли?"*

К базару пробралась бы я,
Претит корысть постылая:
Купцы галдят, мошной звенят,
На счетах звонкий счет ведут,
Костяшкой щелк — и рубль на
стол.

Другою щелк — другой пришел!

А мне корысть хвастливая
Тошней любой беды.

Пошла бы я на игрища —

На игрищах веселый гам:

Иной до слез смеется там,

Иной до слез милуется.

А я до слез зевну в ладонь, —

Зеваючи, тушу огонь;

Ко сну клоню, домой гоню,

Туманю радость облаком...

Со мной гулять невесело.

Иди один путем своим,

Гуляй, жену нагуливай,

По свадьбе — навещу!..”

Октябрь 1890

МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ

*Покинул город я мятежный,
Как беспокойную мечту,
И мчится поезд ночью снежной,
Роняя искры на лету.*

*Еще видны во мраке сонном
Нас обступающих полей
Каким-то клиром похоронным
Ряды покинутых огней.*

*Как будто шествие ночное
При свете факелов вдали
Хоронит что-то роковое
И горделивое земли.*

*Но дальше, дальше!.. Сумрак бе-
лый
Навстречу весело бежит;
Горит в алмазах помертвелый
Узор безлиственных ракушек.*

*Поля блестящею пустыней
Лежат вокруг, и свет луны
На нас рассыпал отблеск синий
Из многозвездной вышины.*

Недвижный воздух жжет и щиплет,
И мнится: ночь меж быстрых туч
Не звезды — иглы с неба сыплет,
Так блеск их радужный колюч!

Застыл и замер путь безмолвный,
Но и безжизненным путем
Несется поезд, жизни полный,
С победоносным торжеством.

И оснеженные деревья,
Весну, как жизнь, в себе тая,
Встречают зимний гром кочевья
Сквозь сон и ужас бытия.

И любо им в неуловимом
Морозе блещущей зимы
Дохнуть на миг теплом и дымом
Людской свободы и тюрьмы.

18 ноября 1890

*** Родился день, как поздняя любовь.**

*

*Родился день, как поздняя любовь.
Холодный день, без звуков и, зарею
Недолгою блистая, слился вновь
С безжизненной, полуночною
мглою.*

*Он не раскрыл душистые цветы
И не принес желаний сердцу но-
вых.
Снега долин и глушь лесов сосно-
вых
Он обманул улыбкою мечты,*

*Унылый день! — похожий, как
близнец,
На прежние — и так же важно
скучен,
И так же тих для памяти сердец,
Как вечность — стар, как
опыт — однозвучен.*

*Лишь вымыслу возможна новиз-
на!
Для правды нет ее у человека,*

*И опытом, затверженным от ве-
ка,
Как жизнь, как смерть, развенча-
на она...*

Декабрь 1890

ПОЗДНИЕ ОГНИ

*Безмолвны немые громады,
Задумчиво город уснул;
Лишь поздние блещут лампы
Да бродит усталый разгул.*

*Люблю подмечать я высоко
Огонь запоздалый в окне;
Угадывать, кто одиноко
Не дремлет в ночной тишине.*

*Не нового ль ждет постояльца
Счастливая браком семья?
Иль жизнь догорает страдальца
При слабом мерцаньи огня?*

*Колеблются тени на сторе.
Движение в светлом окне...
Кто знает: восторг или горе
Не спит в роковой хлопотне?*

Иль труженик там и мечта-
тель,
Что ночи сидит напролет, —
Неведомый миру создатель
Возвышенных песен и од?

До света меж стен неприветных
Поет он о трудной борьбе,
О ласках, о думмах заветных
И славу пророчит себе.

А улица спит и не бредит...
Далеко до алой зари...
Никто не пройдет, не проедет,
Уныло горят фонари...

Молчат, как гробницы, фасады,
Ослепшие окна темны...
Все реже ночные лампы,
Все ярче счастливые сны...

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

*Смеется солнце с высоты.
Поля зеленые пахучи.
Гроза прошла, мои мечты
Полны таинственных созвучий.*

*Душистей лес, звучней поток,
Светло в душе, светло в лазури,
Как будто в жизни нет тревог,
А небеса не знают бури...*

*Но все равно в затишье стройном
Таится тайный жар страстей,
И зреют грозы в небе знойном
Под пенью жниц и косарей.*

*Как нет без бурь живого лета
И как без жизни нет слезы,
Так нет в живой душе поэта
Без вдохновения грозы...*

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(По поводу его книги "Вечерний
звон")

*Поэт! Когда завечерело
В твоей мечтательной судьбе,
Вновь муза старая тебе
О детстве розовом запела.*

*Хотя снег старости твоей
Зарей румянится вечерней,
Поешь ты громче и теплей
Перед толпою жадной черни.*

*А я весною, в дождь и тьму,
Настроив лиру своевольно,
Остановился, богомольно
Внимая звону твоему.*

*Молю, чтоб медлил мрак полноч-
ный
Гасить закат твоих лучей, —
Мне сладок звон твоей всеобщной,
Как звон заутрени твоей!..*

*** Лунная тихая ночь, — ***

*Лунная тихая ночь, —
Воздух, исполненный лени...
На серебристом снегу
Темные, резкие тени...*

*Сердце бы грезить не прочь, —
Только печальна душа...
Только мечтать не могу, —
Холодом в холод дыша!*

*В сердце весна отцвела:
Там, как в пустыне, безгласно;
Прошлое счастье — луной
Смотрит мертво и неясно...*

*В блесках морозная мгла,
В звездах холодная высь...
Что ж ты, любовь, не со мной?
Где ж ты, весна, отзовись?!*

*** Любил я с детства темные леса, ***

*Любил я с детства темные леса,
И кручи скал, и шум потоков пен-
ных,
И в зорях розовых и в звездах неиз-
менных
Глубокие, как мудрость, небеса...*

*Но душный город не пускал меня
Из стен своих, из каменных объ-
ятий,
Где бледный день родился для
проклятий,
Безжизненный, как сердце без ог-
ня.*

*Когда весной слезился белый снег
И обнажал в безлюдных скверах
сосны, —
Тогда в душе, под звон велико-
постный,
Рождалась грусть, исполненная
нег...*

*Какой-то сон, как тайна непо-
нятный,*

Ко мне слетал, — в восторге ти-
хом я
Вообразил прекрасные края,
И шум лесов, и ветер ароматный.

Волшебное с возможным сочетал
И плакал я над вымыслами слад-
ко,
Грядущее мечтой переживал
И старился душою я украдкой.

Весь мир умом пытливо облетев,
Исчерпав все, что ярко и прекрас-
но,
Я стал чужой всему, и лишь бы-
лой напев
Звучит в душе моей неясно.

1890

* Усталое сердце не жаждет *

*Усталое сердце не жаждет
Привычной любви бытия...
Зачем же так ропщет и страждет
Бессонная память моя?*

*Опять позабытые речи
Невольно твержу наизусть,
Былые и лица и встречи
Мечтой вызывают мне грусть.*

*Язвят неразумные ссоры,
Ошибки бывшего и зло, —
Все то, что туманило взоры,
Что душу мучительно жгло.*

*И сетует память тревожно,
И грустно до боли уму
За то, что забыть невозможно
Былого холодную тьму.*

*И смутно в душе без участия,
И рад бы отдать навсегда
За миг возвращенного счастья
Грядущей печали года.*

1890

ИЗ "ЦВЕТНИКА РОЗ" СААДИ

*Чем реже страсть, тем выше наслажденье;
Чем слаще сон, тем горше пробужденье;
Чем радужней пленительный обман,
Тем истины бледнее призрак голый;
Но чем трудней победы миг тяжель,
—
Тем легче смерть, тем легче язвы ран!*

Март 1891

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!

*Ты помнишь ли: мягкие тени
Ложились неслышно кругом,
И тихо дрожали сирени
Под нашим открытым окном...*

*Все тише заветные речи
С тобою тогда мы вели
И скоро блестящие свечи
Рукой торопливой зажгли;*

*Ты села к роялю небрежно,
И все, чем полна ты была,
Чем долго томилась мятеж-
но, —
Все в звуки любви облекла;*

*Я слушал безгрешные звуки
И грустно смотрел на огни...
То было пред днями разлуки,
Но было в счастливые дни!..*

Август 1891

*** Мы любим, кажется, друг друга, ***

*Мы любим, кажется, друг друга,
Но отчего же иногда
От нежных слов, как от недуга,
Бежим, исполнены стыда?*

*Зачем, привыкшие к злословью,
Друг друга любим мы терзать?
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?*

Сентябрь 1891

ГОЛОД

*Кто костлявою рукою
В двери хижины стучит?
Кто увядшею травою
И соломой шелестит?*

*То не осень с нив и пашен
Возвращается хмельна, —
Этот призрак хмур и страшен,
Как кошмар больного сна.*

Всемертвяц и всепобеден,

*В ветхом рубище своем,
Он идет без хмеля бледен
И хромает с костылем.*

*Скудной жертвою измаян,
Собирая дань свою,
Как докучливый хозяин,
Входит в каждую семью.*

*Все вывозит из амбара
До последнего зерна.
Коли зернами нет дара,
То скотина убрана.*

*Смотришь, там исчезнет телка,
Там савраска пропадет...
Тяжела его метелка,
Да легко зато метет!*

*С горькой жалобой и с гневом
Этот призрак роковой
Из гумна идет по хлевам,
От амбаров к кладовой.*

*Тащит сено и солому,
Лихорадкою знобит,
И опять, рыдая, к дому
Поселянина спешит.*

*В огородах, по задворкам
Он шатается, как тень,
И ведет по черствым коркам
Счет убогих деревень:*

*Где на нивах колос выжжен,
Поздним градом смят овес.
И стоит, дрожа, у хижин
Разрумяненный мороз...*

10 ноября 1891

МЕЧТА

*Я верю: будет век великого созна-
нья,
Без крови, без вражды... Блеснет
могучий свет,
Утихнет зло и ложь бесплодного
страданья,
Померкнет ореол убийственных
побед
Пред солнцем истины, что в мще-
ньи — правды нет!*

*И мстишь — кому, за что? Же-
лать побед и славы,
Смерть ополчив на жизнь, — не*

жизнь ли уберечь?
Нет, вы — герои зла, нет, вы, бор-
цы, не правы:
Где мысль — там жизнь кипит,
где жизнь — там
властна речь,
Там слово — побеждает меч!

Декабрь 1891

*** Уныло рыдала метель на дворе, ***

Уныло рыдала метель на дворе,
Я сетовал горько, я плакал,
И ветер деревья качал в серебре,
И в стекла их ветками звякал.

Свеча догорала, как юность моя,
И тени на стенах шатались,
И молча с портретов смотрели
друзья,
И грустно мечтам улыбались,

Прошедшие годы — забвенные
сны —
Мне сердце больнее терзали.
Как будто теперь лишь, с поми-
нок весны,

Вернулся я, полный печали.

*Как будто бы я, в непогожую
ночь,
Звучащую сердцу сурово,
От милых надежд, улетающих
прочь,
Услышал прощальное слово.*

*И было пустынно так в сердце
моем,
Без жалоб, без слез, без участия...
А ветер шумел и рыдал за окном,
Чужое оплакивал счастье.*

Декабрь 1891

НАШ ДОМОВОЙ

*Люблю тебя, наш русский домовой!
Волшебным снам, как старине,
послушный;
Ты веешь мне знакомой стариной,
Пою тебя, наш демон простодушный;
Ты близок мне, волшебник дорогой.*

*Доверчивый, ты скромные угодыя
Моих отцов как сторож охранял,
Их зернами и хмелем осыпал...
Ты близок мне: я — внук просто-
народья!
И первый ты в младенческой ти-
ши
Дохнул теплом мне родственной
души.*

*И слышался тогда твой вздох пе-
чальный;
Он как вопрос звучал из тишины,
А может быть, из тьмы первоначальной:*

Не правда ли, все люди? Все равны?

И стал ты мне как откровенье
сладок;

И полюбил я тихий твой приход —

То с негою пленительных загадок,
То с мукою язвительных забот.

Народ живет, народ еще не вымер...

Ты помнишь ли, как Солнышко-Владимир,

Твой добрый князь, крестился у
Днепра?

Ты бражничал у княжего двора,
Ты сторожил и мел его хоромы...

И девичьи мечты тебе знакомы.

Как часто ты доверчивой княжне
Внушал любовь к докучной тишине,

Когда дрожал лампадный луч в
часовне.

В бессонный час, при ласковой луне,

Она, дитя, мечтала о неровне...

Ты был один свидетель нежных
чар,
Ты разжигал сердечной страсти
жар,
Ей навевал влюбленную истому,
Сон отгонял — и наконец она,
Дыханием твоим обожжена,
Лебяжий пух меняла на солому...

И между тем как старый князь
дрожал, —
Влюбленных след ты нежно заме-
тал
И колдовал над милою деревней,
Где страсть полней и песни заду-
шевней.

Ты дорог мне, таинственный ку-
мир, —
Моих страстей и грез моих на-
персник,
По-своему ты любишь грешный
мир.
Родных полей и дымных хат ро-
весник,
Веди меня в седую глушь лесов,
К полям, к труду, к замедленно-
му плугу...

Не измени неопытному другу,

*Дай руку мне!.. Ты видишь, я готов
Сменить тоску нарядных лестью
горниц,*

*Где зреет страсть завистливых
затворниц,*

*Лукавых жен, холодных дочерей,
Кичащихся лишь немощью сво-
ей, —*

*На скромный дар заветных огоро-
дов,*

На золото колеблющихся нив...

*Там ты вдохнешь мне силу новых
всходов,*

И стану я по-твоему счастлив!

И грешный вопль раскаянья забуду,

*И радостью труда исполнен буду,
Свой новый путь, как жизнь, бла-
гословив!..*

СОНЕТ

*Когда задумчиво вечерний мрак
ложится,
И засыпает мир, дыханье притая,
И слышно, как в кустах росистых
копошится
Проворных ящериц пугливая се-
мья;*

*Когда трещат в лесу костров су-
хие сучья,
Дрожащим заревом пугая мрач-
ных сов,
И носятся вокруг неясные созву-
чья,
Как бы слетевшие из сказочных
миров;*

*Когда, надев венки из лилий и фиа-
лок,
Туманный хоровод серебряных ру-
салок
Хохочет над рекой, забрызгав свой
убор;*

Когда от гордых звезд до скром-

ных незабудок
Все сердце трогает и все пугает
взор, —
Смеется грустно мой рассудок.

1891

*** Мечтательно-возвышенный, ***

Мечтательно-возвышенный,
Стыдливый и простой
Мотив, когда-то слышанный,
Пронесся надо мной.

Стою я очарованный,
Не плача, не дыша,
И грезой заколдованной
Наполнилась душа.

Мне снится сад с пахучими
Цветами и прудом.
Луна блестит за тучами
Унылым фонарем.

В аллеях дремлют грации
И боги древних лет,
Зеленые акации
Роняют желтый цвет.

*И песнью заколдованной
Звучит моя душа,
И точно очарованный
Стою я, не дыша.*

1891

*** Сегодня под моим окном ***

*Сегодня под моим окном
Все утро птицы щебетали;
Они весну мне обещали —
Весну, отцветшую в былом...*

*Как будто, грея сердце лаской,
Вернуться юность может
вновь, —
Чтоб повторить веселой сказкой
Давно угасшую любовь!..*

1891

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

*Живите, люди добрые, живите,
люди честные,
Стремися, юность смелая, без
устали вперед!
Тебе — земля цветущая, тебе —
огни небесные,
Тебе — весна румяная и шепот
вешних вод.*

*Живите, возлюбившие все свет-
лое, все чистое,
Вы, правды неизменные глашатаи
земли,
Недаром солнце знания, как исти-
на лучистая,
Все ярче разгорается и блещет
там, вдали.*

*Живите, будьте счастливы! Тот
счастлив, кто*
с младенче-
ства
*В тоске желаний призрачных не
знал лукавых грез,
И счастлив тот, кто с верою по-*

*гиб за человечество,
Кто рано лег в холодный гроб,
кто зла не перенес!*

*Но тот еще счастливее, кому
борьба печальная
Не смела крылья юности до вре-
мени разбить,
Чье слово вдохновенное, как арфа
музыкальная,
Осталось в мире дремлющих на
доброе будить.*

*Исчезнет зло мятежное, пройдут
мечты лукавые,
Пройдут непостоянные, безумные
года,
Погибнут все жестокие, погиб-
нут все неправые,
А истина великая и слово — нико-
гда!..*

*** Мы — поздние певцы: мир, злой и
обветшалый, ***

*Мы — поздние певцы: мир, злой и
обветшалый,
Оставил только то для нас,
О чем не грезил он, что прокли-
нал, усталый,
Стремяся рухнуть каждый час.*

*Что пламенно любил — он выра-
зил невольно
В созданиях искусств и в фолиан-
тах книг.
А нам оставил то, что сбросил
добровольно
С своих заржавленных вериг.*

*И грустно мы поем, толпа певцов
печальных,
И прах его цепей венчаем вязью
роз, —
Но поздние мечты бледней перво-
начальных,
А грозы поздние — ужасней пер-
вых гроз...*

NOTTURNO

*Не мечты ли мне напели
Этот бред и этот сон...
Иль в ту ночь на самом деле
Был я болен и влюблен...*

*Я горел: писал безумно
И написанное рвал;
Открывал окно бесшумно,
Открывал и закрывал.*

*Выходил, дрожа волнением,
На балкон и на крыльцо.
Ночь душистым дуновеньем
Обвевала мне лицо.*

*Точно блеском лунной пыли
Был осыпан влажный сад.
И цветы луне кадили,
Как богине, аромат.*

*Я глядел... пылали очи...
Точно сам я был творцом
Этих звезд и этой ночи,
Серебрящейся кругом;*

Точно сам растенья эти
Я росую напоил,
Точно я один на свете
Плакал, мыслил и любил!..

1891

*** Ни медленным трудом, ни жизнью
торопливой ***

*Ни медленным трудом, ни жизнью
торопливой
Не успокоить ум. Бесстрастный и
пытливый,
Как тусклая свеча он озаряет
мне
Весь мир, мной видимый, и все его
явленья;
Смиряет сердца жар и в робкой
тишине,
Не сны на ложе шлет, а тяжкие
сомненья,
Как демон он гнетет, смеется и
язвит
За песню каждую; над каждой но-
вой урной
Не тихую слезой — раздумьем ле-
денит*

И, презиравя смърть, не ищет жизни бурной...

*Он не влечет меня в лазурные края,
В края фантазии, где брезжит свет прозрачный,
Где тени светлые резвятся у ручья.
Нет, он зовет меня на жниву жизни мрачной,
Где столько скошено безвременно борцов,
Где колос знания пришибла непогода...
И где она сама, бессмертная природа, —
Порабощенная лежит у ног рабов...*

1891

*** Твой гнев несправедлив: в
ревнивой укоризне ***

*Твой гнев несправедлив: в ревнивой
укоризне*

*Зачем вздыхаешь ты и плачешь
отчего?*

*Ведь если я живу — то для твоей
же жизни,
И сердце берегу — для сердца тво-
его.*

*Вся радость, вся любовь души мо-
ей мятежной*

*Родилась потому, что встретил-
ся с тобой.*

*Чтоб грусть свою смирить —
мне надо взор твой*

неж-

ный,

*Чтоб слух свой усладить — мне
надо голос твой...*

*И, как цветок — луча, я жду тво-
ей улыбки,*

Измученный борьбой унылой суеты.

И, чтобы изменить прошедшего
ошибки,
Я должен верить, что не изме-
нишь ты.

1891

СКОШЕННЫЕ ТРАВЫ

*Как много было по весне
Цветов, пестревших горделиво...
Одни в румяном полусне
Благоухали нам стыдливо;*

*Другие пышные цветы,
Гордяся венчиком прекрасным,
Дышали сладостней мечты,
Томясь волнением сладостраст-
ным...*

*Одни любили блеск и зной,
Других изнежила прохлада;
Иные жизнь несли с собой,
Другие — смерть и холод яда...*

*И все струили аромат,
И каждый нес из почвы влажной
Свой нежный запах, свой наряд;*

*И долго плыл их вздох протяж-
ный...*

*...
Мы все — цветы родных полей,
Весною юности капризной
Любили знойный зов страстей
И шум, навеянный отчизной...*

1891

*** Я сидел у окна, я смотрел в
полутьму, ***

*Я сидел у окна, я смотрел в полу-
тьму,
В задремавший, росой обрызган-
ный сад;
Я смотрел, как, зеленых ветвей
бахрому
Наклоняя, березы безмолвно гру-
стят,*

*Как чуть зыблились маковки тре-
петных верб
И как в бледной, далекой лазури
небес
Выплывал и яснил грустный меся-
ца серп,*

Наполняя мне сердце игрою чудес.

*Я сидел у окна и смотрел в полутьму,
И не знаю — взгрустнулося мне
почему,
И не знаю — зачем непонятный
восторг
Из мятежного сердца созвучья ис-
торг.*

1891

*** Кто он? Зачем? Откуда этот гость, ***

*Кто он? Зачем? Откуда этот
гость,
Таинственный и странный, как
виденье?
Со мною он — чуть вспыхнет в
сердце злость
Иль осенит, как счастье, прими-
рение.*

*Давно встречал его пытливым
взор,
Мне бледное лицо его знакомо.
То в нем восторг блеснет, как ме-*

теор,
То, как осенний день, в нем теп-
лится истома.

Давно хотел я разгадать его,
И все не мог найти к нему разгад-
ки.
При встречах он не молвит ниче-
го,
Лишь хмурит лба задумчивые
складки.

Кто он? Зачем? Откуда он при-
шел?
Куда ведет в тоске недоуменья?
Ему людской несносен произвол
И тяжелы, как цепи, увлеченья...

В толпе, как тень, он бродит оди-
нок,
Сопутствует и ненавидит тайно.
Он от меня, от сердца так да-
лек —
И вместе с тем так близок чрез-
вычайно!..

ОСЕНЬ

*День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могилой
Пахнет в воздухе сыром...*

*Как больной, глядит сквозь слезы
Опечалившийся день —
На поникшие березы,
На опавшую сирень...*

*Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...*

*В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...*

*** Мы, нежного певцы, таинственной
судьбы ***

*Мы, нежного певцы, таинствен-
ной судьбы
Всегда покорные и тихие рабы.
Нам дорог рифмы звон, как тоще-
му скупцу
Звон гордый золота на жадной
смене торга;
Услышим нежный стих — и слезы
по лицу,
И холод в волосах от сладкого
восторга.*

*Но если в нашу жизнь ворвется
иногда
Суровый ураган несчастья роково-
го,
Мы ропщем, мы скорбим, но нет
стиха живого,
Чтоб выразить всю страсть пе-
чали и стыда.*

*** Обманули меня соловьи, ***

*Обманули меня соловьи,
Обманули румяные зори.
Обманули улыбки твои,
Промелькнувшие в ласковом взоре.*

*Но счастливым поют соловьи,
И весна расцветает прекрасно,
И заря, улыбается ясно —
На печальные думы мои...*

*Кто же пламень в природе задул,
Кто окутал все грустью, как флером?
И звучит мое сердце укором:
Не себя ли ты сам обманул?...*

*** Я сердце свое захотел обмануть! ***

*Я сердце свое захотел обмануть!
Довольно, сказал я, печалиться в
мире:*

*Прекрасен и светел наш жизнен-
ный путь.*

*Цветы на полянах, и струны на
лире,*

*И волны на море, и звезды в эфи-
ре —*

*Все дышит, чтоб слаще нам было
вздохнуть.*

*Я сердце свое захотел обмануть!
Довольно, сказал я, томиться пе-
чалью:*

*Смотри, как все ясно за чистою
далью, —*

*Мир счастьем, теплом и весною
богат.*

*Где слышало ты, что друзья —
лицемерны?*

*Любовь озаряет и роскошь палат,
И душные стены веселой тавер-
ны...*

Довольно ты крепом венчалю пев-
ца,
Люби и ликуй, как другие сердца!
В недужном бессильи не мудр-
ствуй лукаво,
Цветами алтарь вдохновенья вен-
чай...
Нам жизнью дается великое пра-
во
Любить и прощать! И люби, и
прощай!
И ясной зарей улыбнется нам сла-
ва,
И розы усыпят торжественный
путь...

Я сердце свое захотел обмануть!
И сердце забилося тревогою зной-
ной,
Исполнилось силы, зажглося ог-
нем,
И вывело снова на путь беспокой-
ный,
Где друг перед другом, боец пред
бойцом
Сходились с открытым и дерзким
лицом,
И кровь проливали, и мерили си-

лы...

С небратской отвагой разили мечом,

И с братской тоскою копали могилы...

Любимые очи мне лгали опять.
Венок мой душистый был бурей развеян.

Недолго любил я, чтоб долго страдать,

Немного простил я и — много осмеян!

Цветы отравляли дыханием грудь,

И думы темнило смятенье разгула...

Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце — меня обмануло!..

17 февраля 1892

СТАНСЫ

*Недаром вопли клеветы
В своем бездушном приговоре
Растут в безумие мечты,
Растут в чудовищное горе.*

*Всё лгало, всё — твои слова,
Твоя улыбка с дерзким взором;
Но не лгала людей молва,
Твоим играючи позором.*

*Какая страшная судьба,
Какие гневные томленья!
Ужели ты — страстей раба,
Ужель ты жертва преступленья?*

*Уйдешь, неловко хмуря бровь,
Иль взор потупишь молчаливо...
Придешь — и чуждую любовь
Спешу угадывать пытливо.*

*Вокруг тебя позор и мгла,
Ты улыбнешься — мне терзанье.
У просветленного чела
Ловлю я чуждое дыханье.*

Учусь угадывать в чертах
Томленье страсти непокорной —
Чужого счастья стыд и страх —
И жду, все жду разлуки черной.

Когда же ласками опять
Даришь ты нежно и пугливо,
Я не умею не прощать,
А после сетую ревниво.

Признаний требую твоих,
Жестокой истины признаний,
Как будто больше счастья в них,
Чем в скрытом бешенстве терза-
ний!..

Март 1892

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Сегодня тридцать лет минуло
мне... О, муза!
Приди и оживи ночную тишину!
Во имя светлых дум и долгого со-
юза
Мы нежно станем петь тридца-
тую весну.

Ты не изменишь мне; тебе не из-
менила
Ни гневная судьба, ни дерзкая
вражда.
Как часто я роптал, что ранняя
могила
Не скрыла темный прах от горя и
стыда!

Как часто я скорбел, волнуемый
утратой!
Но приходила ты, свевала ночь с
чела,
Я снова оживал, восторгами объ-
ятый,
Когда ты скорбь мою к созвучиям
влекла.

И ныне праздник твой, и гимном
покаянным,
Как блудный сын, тебя привет-
ствую теперь.
Я слышу, ты идешь в венке благо-
уханном
И в сердце мне стучишь, как в за-
пертую дверь.

Приди и сядь ко мне, сопутница
родная,
Как няня старая мне сказки гово-
ри,
А я у ног твоих забудуся, срывая
С одежды облачной цветы и ян-
тари...

18 мая 1892

ЛАНДЫШ

*Как скромн ты, питомец мая!
Не налюбуюся тобой,
Когда ты весь, благоухая,
Сверкаешь утренней росой.*

*Склоняя чепчик свой измятый
Не от грозы — от нег ночей,
Ты дремлешь, грезами объятый,
Встречая ранний свет лучей.*

*Когда твой вздох зарей румяной
В лесу сосновом слышу я,
Душа темнится грустью стран-
ной
Для грешных вздохов бытия.*

*И у тебя была сильфида —
Нас обманувшая весна, —
Но как светла твоя обида!
И как печаль моя темна!*

Май 1892

УТЕШЕНИЕ

*Всё хорошо на свете, милый
друг, —
Все хорошо, пленительно и ясно.
Борьба страстей, пороки и недуг
Промчатся сном, волнуящимся
страстно.*

*Но светлый мир прекраснее борь-
бы,
И жизнь сильнее порока и печали.
Недаром же на ранние гробы
И грешники слезу свою роняли.*

*Недаром же раскаянья томят,
И мучают нас совести укоры,
И памяти безжизненные взоры
На прошлое так жизненно гля-
дят.*

30 августа 1892

ШАРМАНЩИК

*Усталый и бледный, сияющим
днем
Шарманщик играет у нас под ок-
ном.*

*Сбегаются дети послушать игру,
Пришлася шарманка его ко двору.*

*Он вертит шарманку, на окна
глядит,
Шарманка тоскует, шарманка
визжит.*

*Унылые звуки, несвязные сны!
Зачем вы звучите кошмаром вес-
ны;*

*Зачем отголоском счастливых
людей
Вы плачете, звуки, в печали своей?*

*Вам дети внимают наивной ду-
шой,
Да камень холодный, поросший
травой,*

Да сердце, печальное сердце одно,
Где звякнуло, тихо раскрывшись,
окно,

И тонкие пальцы дрожащей руки,
Под робкие звуки певучей тоски,

Роняют, как слезы, монеты, за-
тем,
Чтоб двор оставался по-прежне-
му нем,

Чтоб дряхлые звуки шарманки
твоей
Не вызвали б слезы из тусклых
очей,

Чтоб слаще дремали в беззвучной
тиши
Разбитые струны разбитой ду-
ши!..

1 сентября 1892

В СОСНОВОЙ РОЩЕ

*Тихо в роще — жар несносен;
Неподвижен длинный ряд
Желтостволых колоннад —
Опаленных зноем сосен.*

*Обессиленная мгла
Влаги ждет и небу внемлет;
Туча сумраком легла,
Туча холодом объемлет.*

*Ветер рощу колыхнул,
Ветки сдвинул, распахнул
И в вершинах их косматых,
Трепетанием объятых,*

*Белым сумраком зевнул.
Все темнее... все печальней
Уплывает высью дальней,
Перешептываясь, гул...*

*И сквозь хвои тощих игол,
Орошая бледный мох,
Град запрядал и запрыгал,
Как серебряный горох.*

Сентябрь 1892

*** Дай оглянись назад! Жизнь
прожита почти. ***

Дай оглянись назад! Жизнь прожита почти.

*Что сделал? Что свершил? Стою
на полпути,*

*И сердцу боязно, и тяжело рассу-
дку*

*За то, что жизнь свою, как ветре-
ную шутку,*

*Я презирал и жил без пользы, без
труда!*

*Где грезы светлые, где нежные го-
да?*

*Они погребены под пеплом покая-
нья,*

*Угаснувших страстей и позднего
страданья.*

*И где младенчество? Где робкий
взор и ум,*

Молящийся любви и свету рай-

ских дум?

Умчались... Ушли неясные волне-
нья!

Мои наивные, но чистые стремле-
нья,

Мои прекрасные, но детские меч-
ты
Осыпались давно, как пышные цве-
ты

В дни ранней осени... Но, шумные,
как волны,
Они не улеглись; иною страстью
полны,

Кипят, мятежные. Их блеск — не
из огня,
Их накипь без тепла, их в сердце у
меня

Не зори майские, а бури нашуме-
ли!..
И где ты, ангел мой, хранитель
колыбели,

Молитвы мирные шептавший в

тишине,
С приветливым челом склоняв-
шийся ко мне

В дни веры искренней, в дни дет-
ства и отрады?
Ты позабыл зажечь огни моей
лампады!

Со мною странствуя, как изме-
нился ты!

Где миртовая ветвь — эмблема
всепрощенья?
Чело твое темно, в очах твоих —
сомненье...

Над ложем сумрачным склоняся
порой,
Ты плачешь... ты грустишь не
райскою тоской!..

2 ноября 1892

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

*Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.*

*Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.*

*Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.*

*Вспышкой жизнь ее сказалася,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалась
И умолкла до утра!..*

ЗАГЛОХШАЯ ТРОПА

*Иду я... Путь заглохший тесен.
Зеленый мрак вокруг меня.
И темь, и лес! Душа без песен,
И ночь без позднего огня!*

*И тяжело дышащим навесом
Сплелися ветки надо мной,
И новый лес встает за лесом,
Смущая очи темнотой.*

*Ах, если б там, сквозь хвои сосен,
Мелькнул веселый огонек,
Как луч надежды — жизненосен
И как мечтанье — одинок!..*

1892

ВЕЧЕР

Пыль улеглась, прибитая дождем...

*Горит заря болезненным лучом,
Сквозь облака кудрявые алея...*

*И, медленно вершины шевеля,
Дрожит зефир... И спят поля,
И спит пустынная аллея...*

*Вхожу в нее... Со всех сторон
Кивает мрак неясной дымкой;
И мнится, кто-то невидимкой
Идет, таинственный, как сон...*

*И кто-то дышит пегой сладкой
В лицо горячее украдкой;
И мнится, с запахом кустов,
С остывшей мглой зари багрово-
вой —
Переживу я мрак суровый
Давно утраченных годов.*

ПАПОРОТНИК

*Не обольстительные краски,
Но твой причудливый узор
Невольно привлекает взор:
Не мудрецы ль арабской сказки
Тебя соткали в свой шатер?*

*Твоих воздушных очертаний
Неуловимая краса
Полна таинственных сказаний,
Как золотые небеса.*

*Кто посвятил мечты отчизне,
Кто цвета ждал и не расцвел,
Кто был обманут в бледной жизни —
В тебе сочувствие нашел!..*

1892

ПОДСНЕЖНИК

*Когда в лесу глухом валежник
Поутру иней серебрил,
На солнце выглянул подснежник
И день весны предвозвестил.*

*Недолго цвел он, жизнью светел,
Вверяясь счастью своему,
И умер только потому,
Что слишком рано солнце встре-
тил!*

1892

ПОДСОЛНЕЧНИК

*Цветок-плебей, обильный жизнью
зерен,
Он задремал, судьбе своей покорен,
Склоняясь к убогому плетню.
Как день огнист, он улыбнулся
дню.*

*И, радуясь за свой расцвет махровый,
Упругий лист и сочный стебель
свой
Он устремил к лазури золотой,
Цветок-плебей, цветок земли суровой!*

*Его судьба унылая тиха,
Он праздный взор мечтателя не тронет,
Свою любовь, как счастье, он хоронит
И нежности стыдится, как греха.*

ОСИНА

Опасность близится — о, помогите мне!

И листья робкие трепещут у осины...

Вокруг безветрие, и дремлют в тишине

Усталые стада на зелени долины.

Но вот рокочет гром в стемневшей вышине,

Шатает ураган деревья-исполины...

А листья робкие застенчивой осины

Все так же трепетно лепечут в полусне:

"Опасность близится — о, помогите мне!"

*** Все грустно, все! Наш тихий
разговор ***

*Все грустно, все! Наш тихий раз-
говор
И сумерки, и лампы одинокой
Унылый свет... И твой прекрас-
ный взор,
Моя любовь, мой ангел темно-
окий.*

*Смотри — и там, за сумрачным
окном,
Заглохший сад, желтея, умирает.
И он, как мы, скучает о былом,
И он, как мы, весну воспоминает.*

*Все грустно, все! Ночных теней
приход
И робкая звезда на небосводе —
Все тихие мечтания зовет
К забытым снам, к потерянной
свободе.*

*Но вечностью земного торже-
ства
Не усладишь небесное мгновенье,*

*И нашу грусть не выразят слова:
Она души бессмертное стремле-
нье!..*

1892

*** На волне колокольного звона ***

*На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.*

*Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем роняет свой взор
И лучом отогретье мощи
Одевает в зеленый убор.*

*Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.*

*Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь, —
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..*

1892

*** Мне нужен свет любви твоей, — ***

*Мне нужен свет любви твоей, —
Не омрачай меня сомненьем!
Живешь ты жизнью моей,
А я живу твоим волненьем.*

*Над мрачной бездною скользя,
Я не ищу земного счастья,
Но жить без твоего участия —
Как жить без сердца — мне нель-
зя!*

1892

ГАММА

*Испытана, затверждена и снова
Повторена унылая судьба!
Все та же жизнь, и все гнетет су-
рово,
Как душный зной, тяжелая борь-
ба!*

*Так иногда — идешь в аллее
стройной
Зеленого бульвара. Полдень зной-
ный
Не шелохнет деревьев сонный ряд;
Балконы дач уныло дремлют в
зное,
Окружены садами, где струят
Свой аромат сирени и левкой.*

*Душа полна в затишье тайных
мук,
Ни облачка на шире небосклона...
И вдруг раздастся робкой гаммы
звук
Из-за гардин опущенных балкона.*

Мелодии докучной перебор

Спугнет мечту; как яркий метеор
Промчится мысль — и сетует
упрямо:
Не вся ли жизнь с любовью и борьбой —
Лишь в душный зной разыгранная
гамма
Ленивою, скучавшей рукой?...

1892

СМЕРТЬ

В агонию, до белого утра,
Весь ужасом, в трепетом объятый,
Метался я, как в бурю челн дощатый,
И призраки у знойного одра,
Как коршуны, вились толпой крылатой.

Пылал язык, и бреда тяжкий лепет,
Срываясь с уст, бессвязно замирал.
И рос в душе непобедимый трепет.

пет:

Я вспыхивал, горел — и погасил!
Но только луч живительного света

Блеснул в окно, под кровлю лазарета,

И легче я и медленней вздохнул...

Рой призраков, шатаясь, отпрянул,

И кто-то лоб горячий опахнул,
И тихую слезой на сердце канул.

Холодная, прозрачная ладонь
Закрыла мне измученные вежды.

В больном уме погасла грусть надежды,

Погас в душе мятущийся огонь.

И чудное, исполненное ласки

Создание — на щеки, на чело

Как будто воск холодный разлило,

И я застыл в окаменелой маске.

Довольно снов, — усни без сновидений!..

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

*В ароматных лугах не звенела ко-
са,
И на пажитях жницы не пели.
Одевались серою мглой небеса,
Обнажились, шумя, золотые леса,
И земля ожидала метели.*

*Грусть была и в душе молодой у
меня
И в мерцаньи природы поблеклом.
Тусклый вечер сменял мглу осен-
него дня,
Клокотал самовар... Сиротливо
звения,
Дождь бесшумно струился по
стеклам.*

*В бледном сердце моем закипала
гроза...
Вспоминались глаза с поволокой,
Где, как счастье, сияла небес би-
рюза,
И недетская грудь мне давила
слеза,
И рыдал я в печали глубокой.*

Вспоминались — весной расцвета-
ющий сад,
Наши первые робкие встречи...
И душистых черемух венчальный
наряд,
И не тающий ночью румяный за-
кат,
И признаний невинные речи.

Мы, как дети, любили друг друга
тогда
И, как дети, расстались покорно.
И никто нашей тайной любви ни-
когда
Не подметил — она, как мечта,
без следа
Пронеслася в сердцах благотвор-
но.

Но в разлуке тебя полюбил я жи-
вей —
И впервые рыдал об утрате...
Так в разбитой струне звуки роп-
щут звучней,
От подкошенных трав ароматы
сильней,
Солнце блещет ясней на закате...

ЛАБИРИНТ

*Живешь и не знаешь, где кончишь;
Не знаешь, поверить кому.
Все рвешься мучительно к свету
И снова приходишь во тьму.*

*И боязно снова и грустно!
Так часто бывает во сне:
Идешь по таинственным залам
В зловещей, немой тишине!*

*Идешь от порога к порогу,
От темных ворот до ворот
И чувствуешь: кто-то незримый
Вослед за тобою идет.*

*Не видишь конца лабиринту
Волшебных дверей и аркад,
Идешь и томишься тоскою,
Боясь оглянуться назад.*

*И с каждой минутой страшнее
Предчувствием сердце болит,
От страха уйдешь без оглядки —
Как ужас в погоню бежит!*

Стремишься по лестницам тем-
ным,
Стучишься в замкнутую дверь,
А кто-то, как демон, хохочет:
"Не скрыться, не скрыться те-
перь!"

Дрожишь — и не можешь
проснуться,
Готов погибать без надежд,
Пока не откроешь в испуге
Для жизни ослабленных вежд...

А как же от жизни проснуться
Изнывшему в трудной борьбе,
Где смерть, точно демон, хохочет:
"Не скрыться, не скрыться те-
бе!.."

Февраль 1893

ВЕСЕННИЕ СЛЕЗЫ

*Весна румяная украдкой
Блеснула в окна с высоты,
И в робком сердце болью сладкой
Отозвались ей мечты.*

*И в светлых грезах умиленья
Уже доступней для меня
И речи, полные значенья,
И взоры, полные огня.*

*Гляжу — вокруг свеваает слезы
Порабощенная зима,
И плачут белые березы,
И плачет елок бахрома...*

*Весь лес в слезах! Припоминая
Цветы, поблекшие в пыли,
Он чует светлый праздник мая
И возрождения земли!..*

*В чертах заплаканной природы
Весну былую узнаю,
И новых дум теснятся всходы,
И гимн сквозь слезы ей пою!..*

Март 1893

ПРЕДЧУВСТВИЕ

*Я знаю, кто за мной следит без-
звучной тенью,
Кто дышит холодом в горячее ли-
цо,
И учит робкий дух тяжелому
смятенью,
И сторожит мое беспечное
крыльцо.*

*Я знаю, почему с тоскою и любо-
вью
Ты смотришь на мои поблекшие
черты;
И знаю, кто порой, приникнув к
изголовью,
Мучительно поет про славу и цве-
ты.*

*Я знаю, почему, когда огонь вечер-
ний
Нам зажигать пора, смолкаю и
грущу,
И с каждым вечером нежней и
суеверней*

Знакомую звезду я на небе ищу.

*Я знаю, почему во мраке сновиде-
нья*

*Разгадку тайную грядущего лов-
лю...*

*Мне страшно!.. Я молю продлить
мои волнения!*

*Мне страшно потому, что жизнь
еще люблю!*

Август 1893

НА СМЕРТЬ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

*Там, в стране великой братства и
свободы,*

*Где свершали праздник дружеской
отчизне,*

*Ты угас, маститый, ты, в былые
годы*

*Призывавший к свету и величью
жизни!..*

*Сеятель прекрасный, ты на ниву
знанья*

*Истины и правды рано бросил се-
мя,*

И тяжелой мукой долгого стра-
данья
Искупил как жертва роковое вре-
мя.

Но промчалась буря, минул мрак
ненастный,
И склонились слушать радостные
внуки
Голос нежной музыки, песнею пре-
красной
Молодость зовущий к знамени на-
уки.

Пусть же светит солнце из моги-
лы тесной,
Светоч твой зажженный — веч-
ной правды гений.
До свиданья, добрый! До свиданья,
честный,
В бесконечных зорях новых поко-
лений!

30 сентября 1893

*** Есть много навсегда забытых
впечатлений, ***

*Есть много навсегда забытых
впечатлений,
Никем не понятых, никем не оце-
нимых...
Они исчезли сном прошедших по-
колений
В волненьях призрачных, в меч-
тах неуловимых.*

*Ни разу никогда не выданные ре-
чи —
Ни смелому резцу, ни кисти, ни
струне,
Они таились, как под сосудом све-
чи,
И свет их, догорев, померкнул в
тишине.*

*Не радовали взор и слух не услаж-
дали
Те чувства, те мечты, погасшие
впотьмах,
И грустно ищем мы в потерян-
ных веках*

Развенчанных идей отвергнутой
скрижали.

1893

ИДОЛ

Из камня создал я кумира,
И с ароматами кадил
Я все дары земного мира
У ног бесчувственных сложил.

В часы тоски ему я выдал
Все, чем кощунственно грешил,
Но был к мольбам безмолвен
идол
И скорбь души не усладил.

Он принимал мои молитвы,
И фимиамы, и цветы,
Не усмиряя дерзкой битвы
На играх шумной суеты.

Больнее жгли меня страданья,
Чернее хмурились дни,
И в горький час негодования
Я перед ним задул огни;
Сорвал убор с него блестящий,

*Цветы и жертвы разметал, —
И прахом жизни настоящей
Его бессмертие назвал...*

*И что ж! Едва холодный камень
Разбил я в мертвые куски, —
Как в нем зажег и жизнь, и пла-
мень
Моей озлобленной тоски!..*

1893

ЦВЕТЫ

*Прими мои цветы — невинный
дар полей,
Они еще полны, как память, аро-
мата;
На них слеза росы, на них тепло
заката...
Прими мои заветы — дар памяти
моей!*

*Когда они, склонясь покорно к увя-
данью,
Опустят лепестки узорные
свои, —
Прими их смерть, как жизнь, вни-*

*мая их
прощанью,
Дыханием своим их стебли напои.*

*И знай, что для тебя цветы иные
всходят, —
Иные, полные бессмертной красо-
ты, —
И в песни нежные любовь их пере-
водит...
То — память о тебе!.. Прими мои
цветы!*

1893

БЕЗУМНЫЙ

*Он мрачен был. По бледному челу
Катился пот холодными струя-
ми.*

*Он все пытал безумными очами
Далекую загадочную мглу.*

*И вдруг, подъяв измученные руки,
Он лепетал невнятные слова,
В них слышался и смех тяжелой
муки,
И гордый вопль земного торже-*

ства!

*Во глубине страдальческого взора
Вдруг вспыхивал мятущийся
огонь,
Как яркий блеск ночного метеоро-
ра...
Он прижимал горячую ладонь*

*К своей груди, как будто бы ста-
ралс
Биенье сердца буйного унять...
В незримое ль проникнуть он пы-
тался,
Иль зримое стремился разга-
дать?*

1893

БЕГЛЯНКА

*От полуночи весенней
До ликующей зари
Кто-то в дверь мою стучится:
Отвори да отвори!*

*Голос жалобный лепечет:
"Путь мой вьюга замела,
Буря вызвала до света
Из родимого угла.*

*У меня огни сияли
И дымилась алтари,
И дышали ароматом
Розы в пурпуре зари...*

*Но померк мой рай лучистый,
Потускнели небеса,
И земной развеял опыт
Неземные чудеса...*

*Обессилена борьбою,
Я несу в твой уголок
Светоч, бурю задутый,
И увядший свой веноч.*

Если есть хоть искра в сердце
Благостыни и любви,
Ты дохни — и мертвый факел
Новым светом оживи!

Если слезы состраданья
Ты сберег от черных дней,
Их росой жизненной
На цветы мои пролей...

И роскошно, и душисто
Зацветет венок, и вновь
Станем лирой пробужденной
Славить счастье и любовь...”

Муза плачет, Муза дрогнет
За порогом в час ночной...
Что ж я дверь не отворяю
Торопливою рукой?

Что ж к отвергнутой беглянке
Я навстречу не спешу,
Не прошу у ней надежды
И забвенья не прошу?...

В сердце тихо, как в могиле,
Стынет кровь, хладеет ум...
Слезы высохли от зноя

1893

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

*Вечером темным, грозой взволнованный,
Ожил заплаканный сад;
Ветки друг к другу в объятья
склоняются,
Тихо вершины шумят.*

*Точно друзья после бури промчавшейся,
После мучительных лет,
Листья друг друга лобзают с рыданием,
Шепчут горячий привет.*

*Сердце поверило ласкам несбыточным...
Чудятся гордым мечтам
Встречи счастливые, речи свободные,
Гимны правдивым борцам.*

Вспомнилось все, что забыто,

что молодо,
Всё, чем когда-то дышал:
Первой любви обаяние нежное,
Первая жажда похвал,

Тихая ночь над столицей уснув-
шею,
Милые лица вокруг,
И недосказанной речи пророче-
ской
Сердцем дослушанный звук.

1893

ЧУДОВИЩЕ

Зловещее и смутное есть что-то
И в сумерках осенних и в дожде.
Оно растет и ширится везде,
Туманное, как тонкая дремота...

Но что оно? Названья нет ему...
Оно черно, но светит в полутьму
Неясными, свинцовыми очами,
И шепчется с вечерними тенями

На языке нам чуждом, потому
Что смысл его загадочен и стра-

нен
И, как мечта, как тень, непосто-
янен.
Оно старей, чем солнце и луна...

И нет ему ровесников и сверст-
ниц,
И в сумраке неосвященных лест-
ниц,
У тусклого, прозрачного окна
Оно стоит, и вдруг стремится
выше,

Услышав шаг иль кашель, точно
вор...
Глядит в пролет, и дышит в тем-
ной

нише
И слушает унылый перебор

Глухих шагов по ступеням отло-
гим,
Ужасное своим молчаньем стро-
гим!..
Бледней известки выбеленных
стен,
Под сводами больничных коридо-
ров

Оно блуждает, полное измен...
Отчаянье и страх недвижимых взо-
ров

Устремлены с мольбою на него...
Но, не щадя на свете никого,

К мольбе людей и к воплям
равнодушно,
Оно скользит печально и воздуш-
но...

То слушает, как прядает струя

Из медных кранов в звучные бас-
сейны
Широких ванн... То сном небытия
Оно лежит, белея, и кисейный
Его покров недвижим... Перед ним

Горит свеча, и желтый воск бес-
кровней

Его чела... То веет гробовым
Безмолвием в притворе, над ча-
совней...

Но что оно? Названья нет ему!

Кем вызвано? Когда и почему?
Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом сне меня...

Оно везде, во всем, ежеминутно,

И в сумраке, и в ярком свете дня...

*Оно дрожит в лохмотьях, на со-
ломе,*

*При ночнике... Рыдает в мертвом
доме,*

И, грустное, за стенами темниц,

Оно поет о воле невозвратной,

А иногда весною ароматной,

При ласковом мерцании зарниц,

*Оно мечтой мгновенною несет-
ся...*

*Похитив жар двух любящих сер-
дец,*

Иронией над клятвами смеется

*И ревностью мстит счастьем на-
конец!*

1893

*** Как стучит уныло маятник, ***

*Как стучит уныло маятник,
Как темно горит, свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!*

*Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Не домолвлены слова.*

*Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречались
И расстанемся без слез.*

*Только что-то не досказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.*

*Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?*

*Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?*

1893

*** Я сказки медленней пишу, ***

*Я сказки медленней пишу,
Чем жизнь свою переживаю.
Я насладиться не спешу,
Но каждый час и день — страдаю.*

*Кто много чувствовал, тому
Судьба дала волненья множить,
И жизни суетную тьму
Пытливый разумом тревожить.*

*И, если жизнь течет ровна,
Как усыпленная волна,
Не зная шума дикой бури, —
Душа тоскует и зовет
К своей безоблачной лазури
Грозу и тучи непогод...*

1893

СНЕГУРКА

*Весной мне снился сон чудесный:
Живей струилась в сердце кровь,
И ты, мой ангел поднебесный,
Сулила счастье и любовь.*

*Цвел майский вечер, я был молод,
Я верил клятвам, жизнь любя
Прошла весна... В природе холод,
И холод в сердце у тебя!*

*И что же! Тонкою иглою
Живописующий мороз
Всё то, чем грезил я весною,
На стекла дивно перенес.*

*Тут всё: прозрачные ущелья,
И лес у белого ручья,
И ты, в жемчужном ожерельи,
Снегурка бледная моя...*

*** Не знаю почему, но только мне
легко, ***

*Не знаю почему, но только мне
легко,
Как после долгого, тяжелого ры-
данья.
Пусть счастье и любовь умчатся
далеко, —
Я больше не хочу ни счастья, ни
желанья...*

*Я грустно примирен с тяжелою
судьбой,
Как робкое дитя с испугом и тре-
вогой...
В грядущее ль смотрю — и жизнь
передо мной
Уныло стелется знакомою доро-
гой.*

*Лишенья и борьбу, утраты и пе-
чаль
Я вынес на щите, как черную до-
бычу
Из битвы пламенной — и, озаряя
даль,*

Не юность, не друзей — забвение я
кличу...

7 марта 1894

ВСЁ ТАЕТ

*Все тает, все каплет, все тает!..
Снега помутнели, и с крыши
Серебряный дождь упадет...
Всё тает... все тише и тише!*

*Последние слезы мороза
Румяное солнце лобзает,
Последняя зимняя греза
Звенит и дымится — и тает!*

*Всё тает, как сны пред рассве-
том,
Как вздохи глубокой печали...
Леса почерневшим скелетом
Навстречу весне закивали!*

*И, внемля весеннему бреду,
Яснее на синем просторе
Заря торжествует победу
И рощет бурливое море...*

*Всё тает... но грустно и больно
Внимать пробужденному шуму...
Встречая весну богомольно,
Я тяжкую думаю думу, —*

*Всё тает, надежды и годы...
И память о милом когда-то,
Как лед пробужденной природы,
Растает... уйдет без возврата.*

*И дружба, как счастье, не вечна,
И сердце, как слезы, остынет,
И всё, что лелеем сердечно,
Усталую память покинет!..*

Март 1894

*** Мне кажется порой, во мне
страдает кто-то, ***

*Мне кажется порой, во мне страда-
ет кто-то,
Другой — отзывчивый, другой та-
кой же я,
И у него всегда, как у меня, забо-
та,
И у него любовь к волненьям бы-
тия.*

*Он часто мне дает ответы на во-
просы,
Которые меня смущают, как раз-
лад,
В котором рои дум, как волны об
утесы,
Разбитыми бегут, отпрянувши
назад.*

*Но я не раб его, и он не мой вла-
ститель,
Он только часть меня, я — толь-
ко часть его.
Он страшен и любим, как демон и
хранитель,*

И я в бессилии погас бы без него.

*В его очах — гроза, в его дыха-
нии — нега,
Он робок, как дитя, и властен,
как творец.
Он так же, как и я, он — Альфа и
Омега,
Он мудрость и любовь! Начало и
конец!*

Май 1894

МЕЛОДИИ

*Я вижу, сыплется в избытке кра-
сoty
Душистый снег весны — черемухи
молочной
Весенние цветы, как девы непо-
рочной
Отвергнутой любви невинные
мечты.*

*Душистый снег весны — опавшие
цветы!
Я вижу в золоте, в румянце обла-
ков*

Последние лучи — вечернее сия-
нье.

Длиннее тень легла, слышнее тре-
петанье

Поникнувших ветвей и слаще
вздых цветов, —

Последний аромат — последнее
прощанье!

Я слышу, как весна, боясь мечты
своей,

И дышит и дрожит в цветущем
упоеньи,

И слышу, как в кустах рыдать о
наслажденьи

Проснулся на заре вечерний соло-
вей —

Рыдающий певец в стыдливом
пробужденье!

И чувствую — под песнь рыдаю-
щей любви

Растет моя печаль, растут вос-
поминанья,

И нет им отзвука, и нет в них
очертанья,

И слабо тлеет жизнь в хладею-

щей крови, —
Отцветшая любовь ожившего
страданья!..

Май 1894

*** Светает; за окном моим ***

Светает; за окном моим
Деревья тощие трепещут
И небеса уныло блещут
Без солнца светом гробовым.

Убого всё в деревне грязной,
И вдоль проселочной земли,
Как след морщины безобразной,
Колени топкие легли.

Здесь бледен луч скупого солнца,
И равнодушного чухонца
Жизнь сиротливая тиха.
Здесь только слышен пастуха

Жестокий бич, мычанье стада,
Да в глине вязнущих колес
Тяжелый скрип. Здесь слез не на-
до,
Здесь самый смех достоин слез!

*И тут же рядом, теша око
Своим стремленьем кочевым,
Несется поезд издалёка
И стелет призрачный свой дым.*

*И долго длится свист протяж-
ный,
И утомительный и важный,
Напомнив мрачному в глуши,
Что где-то есть пышней природа,
Что есть полнее жизнь души
И благотворнее свобода!*

Июнь 1894

ОСЕННЕЕ

*В мутном тумане почила земля,
Темные тучи над жнивьем навис-
ли...
Падают листья с сухого стебля,
Падают поздние мысли,*

*Друг мой, я жду не дожждуся огня...
Вечер зарю не затеплил ошиб-
кой...
Ты, мое солнце, осветишь меня
Поздней и нежной улыбкой.*

Август 1894

*** Ты помнишь ли, подруга юных
дней, ***

*Ты помнишь ли, подруга юных
дней,
Ты, черных дней звезда любви пре-
красной,
Свиданий час — не пел нам слад-
когласный,
Не пел влюбленный соловей.*

*Встречались с тобой мы в улицах
туманных,
Осенним днем иль утром золо-
тым,
Когда над городом из очертаний
странных
Ткал город облачный, бегущий к
небу дым.*

*Не музыка лесов широколистным
воем
Приветствовала нас, а грузный
лязг колес,
И барабанный бой солдат, идущих
строем,*

И крики торгашей, как шум
несметных ос.

Нас в душном городе теплом го-
степриимным
Всё грело, всё влекло... И весь
нестройный гам
Звучал мелодией, звучал побед-
ным гимном
Еще доверчивым сердцам!

И в тесной улице, как в галерее
длинной,
Картина пестрая сменялася кар-
тиной,
Не ужасая ум бессмертной сует-
той, —
Всё взоры тешило мечтательно-
стью яркой:

Усталый продавец под рыночную
аркой,
Застенчивый бедняк с протяну-
той рукой,
Салопница, идущая с кухаркой, —
Неторопливая расчетливым
умом,

*И над рассыпанным желтеющим
овсом
Веселых голубей откормленная
стая —
Все радовало нас, восторгом опья-
няя,
Как шумно брызжущим вином.*

*Не проклинали мы волнующийся
город:
Моложе ты была, и твой поэт
был молод,
От жизни малое просили мы то-
гда,
Ведь жизни впереди казалось так
много.*

*И вот прошли года... тяжелые го-
да...
К нам постучалась забота — и
нужда
Стоит, как сторож, у порога.*

*Желания растут в измученной
груди,
От них в ней тесно стало сердцу,
И жизни кажется все меньше впе-
реди,*

1894

ОТТЕПЕЛЬ

*Гудит в обезлиственных ветках,
Безумствуя, ветер;
Косматые тучи несутся
По серому небу.*

*Снега замутились и тают...
Смятенье природы
Приветствуют гомоном пти-
цы, —
Пахнуло весной!*

*Прозрачно, загадочным светом
Лучи золотые
Тепло обещают, и сердце
Надеждами греют...*

*Мне слышатся тихие вздохи
Любви улетевшей
В журчаньи и рокоте влажном
Серебряных капель.*

Душа отогрета, и счастьем

Наполнились думы...
И точно заря сквозь вершины
Нахмуренных сосен,

Прощальная юность сияет
Сквозь бремя заботы...
И в сердце, и в памяти слезы,
И слезы — в природе!..

1894

*** Не мигают зарницы вечерние, ***

*Не мигают зарницы вечерние,
Не поет соловей по ночам, —
Только сердце мое суевернее,
Только верю несбыточным снам.*

*Зашумит ли дубрава зеленая,
В туче месяц блеснет ли щитом,
Или бурей волна опенённая
Загудит на просторе морском, —*

*Взоры вспыхнут, и сердце мятеж-
ное
Просит бури безумных страстей,
Точно горе его неизбежное —
Горе леса, небес и морей...*

*И душа разверзается страстная,
Как от молний ночных вышина,
И природа ей вторит согласная,
Как покорная думам струна...*

1894

ТИШЕ, МУЗА!

*Тише, Муза! Мы в потемках —
Между грязи, на обломках
Обесславленной земли.
Вкруг болота, мхи и елки...*

*Тише, Муза! Слышишь, волки
Воют жалобно вдали?
Мы озябли, мы устали,
Сердце грезы истерзали,
Путь наш долог и уныл.*

*Нет огней, знакомых взору,
Лишь вблизи по кособору
Ряд темнеющих могил.*

*Где же край обетованный,
Путь лучистый, путь желанный,
Мир восторженных прикрас?
Не того с тобой мы ждали,*

Как поутру без печали
Повстречались в добрый час!

Ты любить еще умела,
Ты так нежно песни пела,
В даль волшебную влекла;
И пред нашими очами
Вся сквозящая лучами
Золотилась полумгла.

Нам цветы нежней дышали,
И о славе лепетали
Водометы и ключи.

А теперь — теперь в потемках,
На поруганных обломках,
Муза, плачь или молчи!..

24 июня 1895

У ПРИЛИВА

*Я помню вечер и луну,
Над морем грусть дышала.
Волна баюкала волну,
Волна волну качала.*

*В душе, как море к берегам,
Теснился дум избыток.
Душа читала по складам
Былого темный свиток.*

*Я видел юность, красоту...
И всё, чем жил сначала...
Мечта баюкала мечту,
Мечта мечту качала.*

*За новым сном забытый сон
Вставал, как друг давнишний,
А вечер гас со всех сторон,
Таинственный и пышный.*

*Звучали волны, чуть дыша,
Темнели краски в море,
И мнилось вечером — душа,
Как жизнь, погаснет вскоре!..*

Июль 1895

ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ

1

*Падают желтые листья с ветвей,
Падают грустно, бесшумно они.
Вот уж и вечер... зажглися огни —
Много вечерних огней!*

*В церкви, под купол, на поздний
ночлег,
Шумно слетается стая галчат.
Серые тучи по небу скользят,
И безмятежен их бег.*

*Грустно и тихо в душе у меня,
Грустно в затишье померкших
аллей;
Падают желтые листья с ветвей, —
Слезы осеннего дня!*

*Близкая ночь не пугает грозой,
В небе ни звезд, ни зарницы из туч.
Вечер осенний угрюм и пахуч
Мертвою, желтой листвой...*

2

Тускло блещет солнце на закате
Из осенних облаков;
Веет тленьем в крепком аромате
Увядающих цветов.

В темных соснах сумрак молчаливый.
Над водой дымит роса,
Ночь плывет, рукой неторопливой
Застилая небеса.

Ночь плывет, и тени ткет и дышит,
И душе забвенья нет.
И в осенней ночи сердце слышит
Улетающий привет.

Август 1895

*** В ее душе разлад, ***

*В ее душе разлад,
Печаль в ее мечтах;
Кому же нежный взгляд,
Улыбка на устах?*

*Все ждет и ждет она —
Неведомо кого;
И в час, когда грустна, —
Не знает отчего.*

*Вчера, когда закат,
Алея, догорал
И на больничный сад
Прозрачный саван ткал,*

*Как лилия бледна,
Блуждая в полусне,
Запела песнь она
В решетчатом окне.*

*Та песнь была не песнь,
А слезы или кровь,
Ужасна, как болезнь,
И знойна, как любовь.*

Ноябрь 1895

*** Не смейся над моей иронией
холодной, ***

*Не смейся над моей иронией хо-
лодной,
Привета не ищу язвительным ре-
чам.
Я сам давно смеюсь над скорбью
безысходной,
И горек мне любви сожженный
фимиам.*

*Но если иногда восторженное
слово
Сорвется с уст моих — не радуйся
ему,
Я восторгаюсь порою и тому,
Что, кажется другим несносно и
сурово.*

*Не избалован я капризною судь-
бой,
И счастье мое счастливому —
ничтожно.
Но то, что я куплю лишением и
борьбой, —*

Счастливому купить — и сча-
стьем невозможно!

1895

NOTTURNO

*Полосы лунного света легли;
Белый туман поднялся от земли.
Тощий кустарник и мшистые пни
Ожили, точно пигмеи, в тени.*

*Ветка нависла, как темный ру-
кав,
Тянутся корни, как змеи, из трав.
Лунные пятна в вершинах скво-
зят,
Дремлет, и бредит, и движется
сад.*

*Тайная жизнь, прозябая кругом,
Дышит и сыплет холодным ог-
нем.
Веет и грезит, и мнится: сейчас
Мир, как виденье, умчится из
глаз.*

1895

* Я населил таинственным мечтаньем

*

*Я населил таинственным мечтаньем
Надзвездные миры;
В них вдунул жизнь, облек очарованьем,
Принес свои дары.*

*Я острова цветущие раскинул,
Пустыни и леса;
И в радугах над ними опрокинул
Иные небеса.*

*Там я возвел причудливые горы
Из льдов и янтаря
И светлых рек текущие узоры
Влил в ясные моря.*

*Но только что дерзнул воображеньем
Создать бесплотных я —
Мой новый мир наполнился смятеньем
И воплем бытия.*

*Развеялся туман очарованья:
Постигнуть я не мог —
Жизнь без борьбы, и счастье без
желанья,
И радость без тревог!..*

1895

НОЧЬЮ

*Ночь в открытые окна лениво
струит
С ароматом цветов утомитель-
ный жар.
Я не сплю; надо мною докучно
жужжит,
И кружит, и жужжит залетев-
ший комар.*

*Ночь трепещет в тени задремав-
ших берез,
Бледным светом луны золотит
облака;
Мне не спится — и очи пылают
без слез,
И без слез об утраченном счастье
тоска,*

Ночь уходит; с ее звездоносных
порфир
Исчезает, как призрак, лукавая
тень.
Скоро вновь озарит безмятеж-
ный эфир
Лучезарной улыбкой ликующий
день.

Но из сердца холодная ночь не уй-
дет,
Не спугнет ее блеск ароматного
дня,
И чарующих снов золотой хоровод
Для надежд и любви не разбулит
меня.

⟨1896⟩

*** Прозрачный вечер тих, но всё еще
не мог он ***

*Прозрачный вечер тих, но всё еще
не мог он
Померкнуть и затмить ликую-
щего дня,
И матовым свинцом мерцает в
стеклах окон,
Как очи тусклые без мысли и ог-
ня.*

*Померкла молодость, но грезы
упованья
Погаснуть не спешат в задумчи-
вой глуши,
И светит бледное мечтам воспо-
минанье,
Как счастье позднее измученной
души.*

⟨1896⟩

*** Как вздох земных морей в
небесную мечту ***

*Как вздох земных морей в небес-
ную мечту
На небе претворен, рождая облак
дымный,
Так претвори, поэт, в свой стих
гостеприимный
Всю горечь юности, всей жизни
полноту.*

*И если иногда грозою шумной
жизни
В горячее лицо дохнет бывшая
страсть
Весеннею росой, — живая песня,
брызги
И сердца услади мучительную
власть!*

⟨1896⟩

*** Чем смертоносней влага в чаше, ***

*Чем смертоносней влага в чаше,
Тем наслаждение полней,
И чем страшней бессилье наше,
Тем жажда жизни тяжелей.*

*Наш век больной, — в его безверьи
Мы вопли веры узнаем;
И, стоя к новому в преддверьи,
Влачим, как пытку, день за днем,*

*Горды надломленные крылья,
И смел коснеющий язык...
И грустно мне, что в дни усилья
Наш век бессилием велик.*

⟨1896⟩

*** Пришла румяная весна ***

*Пришла румяная весна —
Воскресший сад певуч и весел.
И клен, зацветший у окна,
Зеленой сеткой даль завесил.*

*У камня мшистого, где пруд
Покрыла ржавчина и плесень,
Кувшинки белые растут
И ждут улыбки или песен.*

*И на расшатанный плетень
Дубок приник в изнеможеньи.
Везде прекрасен вешний день,
Еще прекрасней — в запустеньи!..*

⟨1896⟩

* Святые детские порывы *

*Святые детские порывы
Весенних дум, весенних слез,
Я пережил ваш день счастливый,
И вас я в песни перенес.*

*Сквозь душный мрак тяжелой
жизни
Для опечаленной земли
На небесах, в святой отчизне,
Вы маяки свои зажгли.*

*И чем шумнее жизни бури
И чем страшнее сердца тьма,
Тем вы яснее на лазури,
Тем вы отрадней для ума.*

*Не угасайте, озаряя
Страдальца шаткие шаги,
Чтоб я мог в ночь огнями рая
Возжечь земные очаги.*

*** Я хотел бы верить в прозу жизни, ***

*Я хотел бы верить в прозу жизни,
В темную игру земных побед,
Но душа, смутившись, в укоризне
Требует на каждый вздох — от-
вет.*

*Каждый шаг на жизненной доро-
ге,
Каждый день, утраченный в борь-
бе,
Как раба, душа в немой тревоге
Отвечает совести — рабе.*

*Казнь моя — бесплодные сомне-
нья,
Гордая, бессильная тоска.
Мимо жизни шума и волненья
Мчит меня без пристани река.*

*Нет границ реке быстротекущей,
Но и нет простора для мечты;
Только сердце жаждет воли пуще,
Только горше вопли суеты...*

ДВА БЕСА

*Мне не страшен ночью темной
Бес, явившийся некстати,
Что кивает так потешно
С глупой миной у кровати.*

*Это призрак и к тому же
Слишком немогущий для мира,
У него два темных рога,
Как у древнего сатира.*

*Не его уму лукавить,
Не пред ним дрожать в испуге, —
По всему в нем видно мужа
Благодетельной супруги.*

*Я боюсь другого беса:
Он не высох в лихорадке,
Рожки шляпою прикрыты,
Когти спрятаны в перчатки.*

*Он танцует очень ловко,
Разговаривает сладко,
Но в очах его злодейство,
Но душа его — загадка.*

*Легкомысленный и дерзкий,
Не бояся громовержца,
Он, того гляди, похитит
Нечто милое из сердца...*

⟨1896⟩

*** Дай мне звуков, дай музыки
стройной; ***

*Дай мне звуков, дай музыки
стройной;
Пусть на миг я душой оживу;
Пусть, что было лишь грезой
знойной,
Разрешится, как жизнь, наяву.*

*Я хочу в эти дни голубые,
В ароматные майские дни,
Позабить свои думы больные,
Что, как змеи, таятся в тени.*

*В той тени, леденящей мне душу,
Где лучом догоревшей мечты
Только мрачную тьму я нару-
шу —
Как создаст ее ночь суеты.*

Горькой мукой, бессильной борь-
бою,
Злой обидой врагов и друзей,
Где один я стою под грозой
С беззащитною Музой моей...

⟨1896⟩

ДВА ГЕНИЯ

Их в мире два, они — как братья,
Как два родные близнеца,
Друг друга заключив в объятия,
Живут и мыслят без конца.

Один мечтает — сильный духом
И гордый пламенным умом.
Он преклонился чутким слухом
Перед небесным алтарем.

Внимая чудному глаголу
И райским силам в вышине,
Он, как земному произволу,
Не хочет покориться мне.

Другой — для тайных наслажде-
ний
И для лобзаний призван в мир,

*Его страшит небесный гений;
Он — мой палач и мой вампир.*

*Они ведут свой спор старинный,
Кому из них торжествовать;
Один раскроет свиток длинный,
Чтоб всё былое прочитать.*

*Читает гибельные строки,
Темнит чело и взоры грусть;
Он всё: тоску мою, пороки —
Как песни знает наизусть.*

*И все готов простить за нежный
Миг покаянья моего...
Другой — холодный и мятеж-
ный —
Глядит, как демон, на него.*

*Он не прощает, не трепещет,
Язвит упреками в тиши
И в дикой злобе рукоплещет
Терзанью позднему души.*

*** Дай горе выплакать! Дай вынести
одному ***

*Дай горе выплакать! Дай вынести
одному*

*Всю ревность, злость мою и му-
ку!*

*Ты видишь, я мечусь и окликаю
тьму,*

Пытая дерзкую разлуку...

*Напрасно сердцу вновь, как легко-
верный друг,*

Рассудок шепчет утешенье.

*Душа моя в огне; в ней пламень и
недуг,*

*В ней жажда счастья и смяте-
нье!*

*И холодно в огне, и ропотно в ти-
ши,*

Как будто я делю страданья

*Другой, измученной, но любящей
души*

Под гнетом долгого изгнанья...

ГИМН ОТСТРАДАВШИМ

*Они отстрадали на грешной земле,
Все лучшие песни отпели.
И тихо уснули в таинственной
мгле,
В подземной своей колыбели.*

*Года за годами прошли и пройдут.
Мир в гордом величьи лукавит;
Но вечные розы в их звуках цветут
И вечная память их славит.*

*Их слава растет!.. В непогожую
ночь
Так смелый прибой, ударяя
О берег, бежит, рассыпаяся,
прочь,
Все гульче и гульче вздыхая...*

⟨1896⟩

ЛЕТО

*Июнь. Пронизан мрак полночный
Душистым запахом теплиц,
Спадает яблонь цвет молочный,
Мерцают отблески зарниц.*

*Над полем жаворонок вьется,
Во ржи синеют васильки,
И солнце весело смеется
В прозрачном зеркале реки.*

*Светло и радостно и пышно!
Повсюду зной и жизнь и цвет...
Но соловья уже не слышно,
И гуще ночи полусвет.*

*Прекрасно в солнечном июне,
Но зноем мы утомлены...
Прекрасней было накануне —
Душистым маем — в дни весны!*

*Тогда звучней журчали воды,
Перекликаясь с соловьем,
И краски юные природы
Сияли новым торжеством.*

*Тогда по саду негустому
Бродили сны, восторги, лень...
Теперь тропинка гуще к дому,
Но там — раздумье целый день.*

*И с первым цветом опадает
Мечта — весны моей звено...
Так все светлей, что обещает,
И все темней, что свершено!..*

Январь 1896

*** Сегодня в ночь весна-колдунья ***

*Сегодня в ночь весна-колдунья
На молодое новолунье
Снега последние смела,
Серезки ивы растрепала*

*И окаймлять цветами стала
Озер сквозные зеркала.
Зажглась румянцами по тучам,
Прошла дождем в лесу дремучем*

*И бальзамичною смолой
По хвоям елок проблеснула,
Шум ободряющего гула
Неся в их сумрак вековой...*

Апрель 1896

АЛЛЕЯ ОСЕНЬЮ

*Пышней, чем в ясный день расцвет-
та,
Аллея пурпуром одета.
И в зыбком золоте ветвей
Еще блистает праздник лета
Волшебной прелестью своей.*

*И ночь, сходящую в аллею,
Сквозь эту рдяную листву,
Назвать я сумраком не смею,
Но и зарей — не назову!*

1896

РАКЕТА

*Взвилась летучая ракета
Из темной зелени ветвей,
И сноп рассыпчатого света
Мелькнул и скрылся от очей;
Вослед ее летит другая,
Огни цветные рассыпая,
И брызги легкие огня
Чертят и брызжут в тьме лазур-
ной,
Но шум и блеск и бег их бурный
Не принесет живого дня.*

*Напрасно в дерзости надменной
Стремятся чадные огни
Туда, где тихо свет нетленный
Льют звезды в сладостной тени.
Им не затмить звезды прелест-
ной,
Сверкнувшей с чуждой высоты,
Как не затмят любви небесной
Земные, бурные мечты!..*

ГРУСТЬ СОСЕН

*Шел я весною, в сумерках туман-
ных,
Рощей сосновой, тихую дорогой.
Хмурые сосны в думах неустан-
ных
Вслед мне шептали с тайною
тревогой:
"Грустно нам, грустно, соснам
молчаливым,
Грустно нам думать думы веко-
вые!*

*Снежной метелью, вечером тоск-
ливым
Мы одевались в ризы ледяные;
Пели нам, пели зимние метели;
Слаще их птицы майские споют
нам!*

*Вот из-под снега воды зашумели,
Птицы щебечут в гнездышке
уютном.
Долго и долго солнышко нас гре-
ло!
Встретили много белых зим и*

осен,
Долго росли мы, тихо и несмело,
Много погибло нас, косматых со-
сен...
Много сорвало бурями сердито...
Плачем смолою, если вечер зноен!

Радостное солнце нами позабы-
то,
Траур наш темен, ропот наш
нестроен”.
Так мне шептали сосны-велика-
ны,
Шлемы колебля в воздухе румя-
ном...
Дымно вставали влажные туман-
ны,
Плыли над ними тучи караваном.

В роще сосновой хвоем и мохом
Почва дышала в трепете уны-
лом...
Плакало сердце; с облегченным
вздохом
Слезы катились о далеком ми-
лом!..

ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ

*Весной, в лучах, при шуме вод,
Кружится легкий хоровод
Нарядных светлых мотыльков
Над влажной зеленью лугов.*

*И, видя их счастливый рой
Над отогретою землей, —
Во дни весны и торжества
Дерев засохшая листва,
Гонима ветром кочевым,
Стремится к бабочкам цвет-
ным...*

*Летит листва, шумит: и мы
Расторгли плен своей зимы,
И мы проснулись с лучом!..
И мы летаем и живем!..*

*Так вы, убитые в глуши,
Мечты истерзанной души,
На краткий миг оживлены
Восторгом чуждой вам весны!*

*И, видя счастье и любовь,
Вы окрыляетесь вновь —*

*И мчитесь мертвою толпой
Навстречу юности чуждой!
И упадаете опять
На прахе прахом истлевать!..*

1896

В РОЩЕ

*Раннею весною роща так тиха,
Веет в ней печалью, смутною кру-
чиною;
И сплелися ветками, словно пау-
тиною,
Белая береза, серая ольха.*

*Дремлет в вязкой тине неподвиж-
ный пруд,
Дремлют камни старые, жел-
тым мхом покрытые,
И в тени под соснами солнцем по-
забытые
Перелески синие медленно цве-
тут.*

*Если на закате вспыхнут небеса,
Роща оживает под лучами алы-
ми,*

*И блестит рубинами и горит опа-
лами
На траве и мохе ранняя роса.*

*И кружит воронкой мошек чер-
ный рой,
И косые тени, пылью осребренные,
Охраняют молча ветки, прекло-
ненные
Над землю, веющей сыростью
грибной.*

⟨1897⟩

*** Я не вижу врагов, не могу
враждовать, ***

*Я не вижу врагов, не могу враждо-
вать,
Что такое вражда — не могу я
понять.*

*Не враждует же волк, если голо-
ден он
И ягненка берет в свой кровавый
полон?*

Не враждует же волн разыграв-

шийся бег,
Если слабым пловцам дно гото-
вит ночлег?

Не враждует же смерть, если си-
лы запас
В зябком теле иссяк, в робком
сердце погас?

Не враждует же бог, если гибель-
ный гром.
Освежая поля, опалит нас огнем?

Я не вижу врагов, не могу враждо-
вать,
Что такое вражда — не могу я
понять!

Март 1897

*** Пел соловей, цветы благоухали. ***

*Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кру-
гом.
На небесах, как на остывшей ста-
ли
Алеет кровь, — алел закат огнем.*

*Он был один, он — юноша влюб-
ленный,
Вступивший в жизнь, как в роко-
вую дверь,
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней, — и раньше и
теперь.*

*И мир пред ним таинственным
владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безли-
кой
И сладкою весною напоен.*

*Он ждал ее, в своей разлуке скорб-
ной,
Весь счастье, весь трепет и меч-*

та...

*А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста.*

Май 1897

*** Как воздух свеж, как липы ярко ***

*Как воздух свеж, как липы ярко
Румянцем осени горят!
Как далеко в аллеях парка
Отзвучья вечера дрожат.*

*Не слышно птиц, не дышит роза,
Врываясь, мчатся в мрак деревьев
Свист отдаленный паровоза,
Удары башенных часов.*

*Да прозвучит в траве росистой
Кузнечков поздних тяжкий скрип,
Меж тем как вьется лист огнистый,
Без шума упадая с лип.*

*Все полно смерти предстоящей,
И в тишине тягучих струй
Уж стужа осени дрожащей*

Запечатлела поцелуй...

Октябрь 1897

*** Еще повсюду в спящем парке ***

*Еще повсюду в спящем парке
Печально веет зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.*

*Их греет солнце... Скоро, скоро,
Под лаской девственных лучей,
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.*

*И, торжествуя счастьем новым,
Любовью новой веселя,
Травой и запахом сосновым
Вздыхнет усталая земля.*

1897

УХОДЯЩАЯ ЗИМА

*Тепло почувствовав и влагу
Уже растаявших снегов,
Поет задор, поет отвагу
Семья весенних воробьев.*

*С ветвей намокших тянет пре-
лью,
Свежее сосен бахрома.
Весну к родному новоселью
Зовет слезливая зима.*

*И, тая тихими слезами,
В лучах от сладострастных нег,
Зима под треснутыми льдами
Торопит волн упрямый бег.*

*Заходят воды, вздуют льдины,
Надышат ветры и туман,
И в пробужденные долины
Слетит весна из южных стран.*

*И встретит север гостью юга —
И перед ней рассыплет он,
Как дар измученного друга,
Цветы и блеск со всех сторон...*

*** День гаснет зарею, свиваясь с
теньями; ***

*День гаснет зарею, свиваясь с те-
нями;
В пустынных аллеях глубокая
тишь.
И только как призрак, ширя кры-
лами,
Порою промчится летучая
мышь.*

*С деревьев, вечерней росой отяг-
ченных,
И каплет, и брызжет, как будто
они
Заплакали молча, в мечтаниях
сонных,
Встречая опять теплотворные
дни.*

*Ни звука, ни страсти в душе уми-
ленной,
Глубокая тишь осенила меня;
Как в дали, весеннею мглой осреб-
ренной, —*

*В ней зреют восторги грядущего
дня.*

1897

ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ

*В осеннем холоде мерцающего
дня
Сквозят ряды аллей, как колонна-
ды арОК;
Багряный их навес так нежен и
так ярОк,
Как будто соткан он для ветра из
огня.*

*Вот налетит сейчас дыхание зе-
фира —
Задует светочи, развеет в прах
листву,
Где осень пышная, подобно божес-
тву,
Вершит и празднует еще поминки
мира.*

*Печальный реквием звучит повсю-
ду мне:
И в шорохе листов, шуршащих под*

ногами,
И в шуме поздних пчел над позд-
ними цветами,
И в крике журавлей, летящих в
вышине!

Прощай до вешних дней, суровая
краса
Таинственных лесов! Прощайте,
небеса
С улыбкою зари! Прощайте вы,
зарницы;

Прощай, раскат громов, — я верю,
будет день,
Ты снова прогремишь, чтоб вы-
звать из гробницы
Развенчанной весны оправданную
тьень!..

1897

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

*Сейчас был гром, и дождь обиль-
ный*

*Смочил засохшие поля,
Омыл листву бузины пыльной
И освежил побег стебля.*

*С полей несетя запах хлеба
В разгоряченное лицо,
И опоясало полнеба
Румяной радуги кольцо.*

*Цветы полны алмазной влаги,
И фимиамы их слышней.
Гремят весенние овраги
Волною мутною своей.*

*Шурша листвою прошлогодней,
Лягушки прыгают в лесу.
Благословен ты, гром господний,
Принесший волю и красу!..*

*** Как будто раннею весною, ***

*Как будто раннею весною,
В дни поздней осени — светло.
Озер прозрачное стекло
Блестит румяной синевою.*

*Лучи последние свои
Закат в полях роняет косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучат трескучие колеса...*

*Последний блеск, последний шум
В дыханьи осени так внятн,
Холодный воздух так угрюм
И так спокойно ароматн, —*

*Что сердце в чуткой тишине
Предсмертным снам природы
внемлет
И, очарованное, дремлет,
Весну почуяв в полусне...*

Январь 1898

СТАНСЫ

*Пусть говорят: она пропала,
Пусть к ней закрыта крепко
дверь;
Она в душе моей сияла,
Она сияет и теперь!*

*Мой друг! У твоего преддверья
Стою я, полный новых сил, —
Мертвы иступленные перья
В холодном трауре чернил.*

*И всё еще порою снится:
С тобою снова буду жить,
Чтоб смутной ревностью упить-
ся,
Чтоб вновь восторги заслужить!*

Апрель 1898

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

*Гроза прошла. В обрывках туч
Уже горит вечерний луч
Кудрявым заревом... Левкоев
Душистей сладкий аромат.
У дачных сумрачных покоев
Открыты окна в мокрый сад.*

*Балкон под влажной парусиной
Еще пустынен, хоть на нем
Накрыт для чая стол, кругом
В живых цветах... Меж тем в го-
стиной
От ранних свечек блеск сколь-
зит...
Раскрыт пюпитр, рояль звучит.*

*И бурно льется музыкальный
Этюд. В саду же, на песке,
Играют дети в бильбоке,
И шар, как маятник печальный,
Вперед качаясь и назад,
Ложится в лузу невпопад.*

*Темнеет в мягкой сени сада,
А на балконе — самовар*

Еще все медлит. Летний жар
Остыл. Вечерняя прохлада
Ко сну смежила цвет гвоздик
И листья клевера... Поник
И замер сад. Скрипит калитка,
Звучат живые голоса.

Раздался визг веселый пса,
Бегущего навстречу прытко
Толпе нарядной... Говор, смех...
Непринужденны все и бойки.
Фасоны платьев модной кройки,
И лица — радостны у всех.

Блеснула лампа на балконе,
И самовар внесен... Слышать,
Как людям стали отвечать
Стаканы в мягком перезвоне...
Свет в сад упал. Деревьев сень
Чертит и движет по аллее
Свою обманчивую тень.

Стал разговор еще живее,
Еще наивней юный смех
Среди безоблачных утех.
О, здесь, конечно, есть влюблен-
ный,
И есть влюбленная. Чете

*Смеется даже сад зеленый
В своей неверной темноте!*

*Здесь дышит все кануном сча-
стья,
И, может быть, когда-нибудь,
Тогда, как черное ненастье
Заворожит счастливым путь, —
Им будет радостным виденьем
Казаться улетевший рай,
Балкон с вечерним освещеньем
И запоздалый этот чай.*

Июнь 1898

УТРО

*Еще как будто сновиденью
Безмолвно внемлет старый сад;
Еще, облиты смутной тенью,
Вершины темные молчат, —
А влажной ночи содроганье
Уж день пророчит. Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!*

*Там, за вершинами густыми,
Свод неба ясен и стыдлив,*

Там тучки льдинами седыми
Бегут в оранжевый залив.
И птиц веселых щебетанье
Вещает счастье... Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!

Как пышно в розовом эфире!
Как будто умерло в сей час
Всё угнетающее в мире,
Всё убивающее нас!
Как будто зло и гнев насилья,
Вокруг царящие года,
Расправив бешеные крылья,
Умчались в Тартар навсегда!

Но нет, напрасно заблужденье!
И это утро, как любовь,
На миг подарит наслажденье
И к ночи нас обманет вновь.
Опять заплачут чьи-то очи,
И кто-то будет вновь стра-
дать, —
И перед тьмою грешной ночи
Святому дню не устоять.

Июль 1898

СТАНСЫ

*Всё пережито, что возможно,
Всё передумано давно,
И всё так бледно, так ничтожно!
Чего желать? Не все ль равно!*

*Рассудок чувству не уступит,
А чувство ум клянет назло,
И память страстью не искупит
Того, что время отняло!*

*Не смей любить, не смей оби-
деть,
Не смей желать во цвете лет,
Не знать, не чувствовать, не ви-
деть, —
Ужели блага выше нет?*

Август 1898

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

*Как будто поцелуй горячий
Деревья пламенем обжиг;
Один, перед пустынной дачей,
Дворовый пес, грустя, прилег.*

*Листва осыпала дорожки,
И позабытая метла
Покорно дремлет у сторожки,
Где в кучу мусор намела.*

*Всё облетело, все поблекло,
Поник обветрившийся сад...
Сквозь отуманенные стекла
Билеты бельмами торчат.*

*Где прежде был в мажорном тоне
Веселый смех и разговор,
Петух горланит на балконе
И жадно разгребает сор.*

*И лишь, склонясь к цветам увя-
лым,
Глядит вербены алый цвет
В раздумье тихом и усталом,
Как меланхолик юных лет...*

*** Сумерки шире спадали, ***

*Сумерки шире спадали,
Ткали покров для ночлега;
Белые мухи летали —
Белые звездочки снега!*

*Белым ковром расстилалась
Даль, застывая несмело;
Сердце как птица металось,
Сердце надежду не пело.*

*Чутко и грустно прикован
К снежному сумраку, — снова
Был я на миг очарован,
Только без слез и без слова.*

*Только мечты погасали,
Словно прощальная нега...
Белые пчелы летали —
Белые звездочки снега...*

*** Белый снег мутнеет в блеске, ***

*Белый снег мутнеет в блеске,
Всё теплее день от дня,
И звучней сквозь занавески
Канареек трескотня.*

*Веет негой воздух сладкий,
И журчит волна снегов
Над поставленною кадкой
Из железных желобов.*

*За решеткою ограды
У оттаявших кустов
Скачут, оттепели рады,
Стаи резвых воробьев.*

*В мутных сумерках бульваром
Проходя, я вижу вновь
По очам и юным парам
Пробужденную любовь.*

*Мне взгрустнулось... Что такое?
Как душа моя полна!
Здравствуй, солнце молодое!
Здравствуй, юность и весна!*

1898

*** Ветер ласковый при встрече ***

*Ветер ласковый при встрече
Розу только поцелует,
Одуванчики ж, как свечи,
Поколеблет и задует.*

*Налетит, как ветер, горе,
Сердце юное — чуть тронет,
А в отцветшем сердце вскоре
Всё убьет, все похоронит...*

1898

*** Бежит волны кипучий гребень. ***

*Бежит волны кипучий гребень.
Поет стремлению хвалу
И, разбиваясь о скалу,
Приносит ил, песок и щебень.*

*Не так ли юности порыв
Шумит, бежит, нетерпелив,
Поет хвалу земной отваге...*

*Но властный опыт разобьет
Его вольнолюбивый ход,
Как жесткий берег — пену влаги...*

1898

A. С. ПУШКИНУ

*Твое рожденье здесь, и сердце
здесь твое
Забилось первым впечатленьем.
Благодарю тебя! Ты скрасил бы-
тие
Своим волшебным вдохновеньем.*

*Я, раб твой преданный, так любя-
щий тебя,
Бессилен высказать, что ты тво-
рил, великий!
Сойди, благослови незримо и любя
Под благодарственные клики.*

*Здесь вижу облик твой: бессмерт-
ный и простой,
Стоишь ты грустно молчали-
вым,
Еще задумчивый над суетной
толпой,
Но созванной твоим призывом!*

*Вокруг тебя гремит стоустая
молва...
И верь, благой пророк зиждитель-*

ного слова,
Не раз благодарить придет тебя
Москва,
И Русь, и целый свет — еще, опять
и — снова!

24 мая 1899
Москва

*** Желтыми листьями дети играли... ***

*Желтыми листьями дети играли...
Осенью были те листья посеяны,
Ветром с тоскующих веток рас-
сеяны
Желтые листья, как слезы печали.
Желтыми листьями дети играли;
Листья шумели и листья роптали.*

*Поздними грезами сердце играло...
Были те грезы когда-то пленительны;
Были, как щедрость любви, упои-*

тельны...

Юность их сеяла — горе пожало...

Поздними грезами сердце игра-
ло, —

Молодость плакала и улетала...

Сентябрь 1899

*** Деревня скрылася... И нивы ***

Деревня скрылася... И нивы

Уже от взора отстают.

Речонки быстрые извивы

К Заставе города ведут.

Вот город. Крашенные дома,

Казармы белые, бульвар...

Клочки разбросанной соломы,

В сенях дымящий самовар.

Здесь из пекарен запах хлеба,

Здесь стук колес и гам людской,

И зарумяненное небо

Румянит лужи мостовой.

И снова странное волненье,

И вновь знакомая печаль

От простодушного селенья

1899

*** Вечера всё белей и беззвездней, ***

*Вечера всё белей и беззвездней,
И прозрачно и тихо в лесу,
Только слышен малиновки поздней
Робкий щебет в девятом часу.*

*Как свежо! Но свежо без тумана.
Вечер дремлет раздумьем в кустах,
Заживает душевная рана,
Сохнут слезы в усталых очах.*

*О, блаженство бессмертной природы!
Узнаю я дыханье твое,
И твоей безграничной свободы
Осенило меня бытие.*

*Словно счастья я снова достоин,
И оно улыбнулось вдали...
Я молитвенной грустью спокоен,
Только грустью не здешней зем-*

ли...

1899

*** Сколько веток поломано бурей, ***

*Сколько веток поломано бурей,
Сколько птичьих разрушено
гнезд!
Но зато как лучист и блистате-
лен
Этой радуги огненный мост!*

*Сколько роз недоцветших уроне-
но,
Сколько пыли навеяно в сад...
Но зато от цветов распустив-
шихся
И пышней и пьяней аромат.*

*О, недаром гроза благодатная
Пронесла над землей ураган;
Воздух сладко уснул, убаюканный,
И уплыл тяготевающий туман,*

⟨1900⟩

ПРОШЕДШЕЕ "Я"

Неясной дымкой даль объята,
К закату клонится мой день.
И я не тот, как был, когда-то,
И прежний "я" следит, как тень,
Следит всегда, следит повсюду,
Не отступает ни на шаг,
И говорит мне: не забуду
Тебя, мой друг, тебя, мой враг!

Тебя я нянчил в колыбели,
С тобою в детстве я играл,
С тобой мы вместе песни пели,
Когда во мне ты расцветал!
Ты первый выпил за здоровье
Моих надежд и юных сил,
Твое слезами изголовье
Не я ли первый оросил?

Чем ты старше год от года,
Тем я моложе день от дня.
Твоя любовь, твоя природа
Цветет и зреет для меня.
Союз наш верен и чудесен,
Ты голос мой, и я — твой звук,
И первый я умру без песен,

И ты второй — умрешь от мук.

*Недаром мы сжились с тобою,
Недаром вместе рождены.
Ты — дух, творящий под грозой,
Я — дух забытой тишины.
Недаром страсти в нас метались,
И после смерти роковой,
Как в довременности сливались, —
Сольемся в вечности одной...*

⟨1900⟩

ОСЕНЬ

*Уж холодом веет осенним.
И мнится, вершины шумят:
"Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко-пурпурный наряд".*

*И мнится, цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют молча, головки склоняя,
Как в день роковых похорон.*

И вечер осенний так кроток,

*И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма камильного мгла.*

*Природа устала, и скоро
Ко сну ее клонит недуг,
Но жизнь суетная для взора,
Для сердца все та же вокруг.*

*Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней,
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.*

*Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула
В окне красноватым пятном.*

*И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвой.*

⟨1900⟩

СТАНСЫ

*Мой друг, у нашего порога
Стучится бледная нужда.
Но ты не бойся, ради бога,
Ее, сподвижницы труда.*

*При ней звучнее песнь поэта,
И лампа поздняя моя
Горит до белого рассвета,
Как луч иного бытия.*

*И мир иной перед очами,
То мир восторгов и чудес,
Где плачут чистыми слезами
Во имя правды и небес.*

*То мир, ниспосланный от бога
Для утешенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачет бледная нужда!*

⟨1900⟩

ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

*Темно, темно! На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и
долго
Путь стелется, к теплу огней ве-
дя.*

*В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и свет-
лей.
На небе тьма, а солнце жжет до-
лины,
И солнце то взошло в душе моей!*

*Пустынно все, но там журчат
потоки,
Где я иду незримою тропой.
Они в душе рождаются одиноки,
И сердца струн в них слышится
прибой.*

*Не сами ль мы своим воображе-
нием
Жизнь создаем, к бессмертию*

идя,
И мир зовем волшебным сновиде-
нием
Под музыку осеннего дождя!..

Октябрь 1900

*** О, горе, горе тем, кто с отроческих
лет, ***

*О, горе, горе тем, кто с отроче-
ских лет,
Забыв волненья дерзкой прозы,
На небо устремит свой взор и, как
поэт,
Начнет петь соловьев востор-
женно и розы.*

*Их дар не признают не эти и не
те,
И гибнут русские поэты —
Под пулею, в нужде, в изгнании,
клевете,
И песни не допев, и не свершив за-
веты...*

Июнь 1904

*** "Тебя поймут, тебя поймут! — ***

*"Тебя поймут, тебя поймут! —
Мне шепчет голос сладкий, —
И тихих дум певучий труд
Тогда глупцы не назовут
Туманною загадкой!"*

*Меня баюкает тот зов,
Тот зов надежды сладкой,
Я снова свеж, я вновь здоров,
Я верить истине готов,
И плачу я украдкой.*

*Светло в душе, тепло в уме,
Теплей в природе милой.
И точно луч в сырой тюрьме,
И точно свет в крошечной тьме,
Мне жизнь сияет силой.*

*Бодрей струится в жилах кровь...
Слезами умиленья
Уже приветствую я вновь
Весну, восторги и любовь
И праздник возрожденья!*

16 октября 1904

СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ

*Месяц всходит выше... выше...
Снег посеребрил.
Тень легла на снег от крыши,
От резных перил.*

*От амбара и от бани
Тени на дворе.
Небо, будто бы в тумане,
В млечном серебре.*

*Облака бегут... Крепчает
Молодой мороз.
Месяц искры зажигает
На ветвях берез.*

12 декабря 1904

В ДОРОГЕ

*Мой голос слаб, мой факел те-
мен,
Иду неверною ногой.
А ночь глуха, а мир огромен,
И смотрят звезды надо мной.*

*Где сеять мне? Какое семя?
Кого мне зернами питать?
Господь! Пошли иное время,
Чтобы посеять и пожать.*

*Вокруг безлюдье... Снились тени
Глубокой тьмы, как щит врага.
Слабеет взор, дрожат колени,
Скользит над пропастью нога.*

*О боже мой, внемли страданьям
Души, идущей за тобой!
Не усыпи ее молчаньем,
Не разбуди ее грозой!*

СЕАНСЫ

Другу

*Судьбой холодной и жестокой
Еще вполне несокрушим,
Мой милый друг, мой друг дале-
кий,
И я озлоблен и гоним!*

*Бегу, ищу, желаю пристань,
И говорю уже себе:
"Сожгися мозг и сердце выстынь,
Не покорившись судьбе!"*

*И слышу я в ответ, как эхо
Моей мятущейся судьбы, —
Ответ иронии и смеха,
Как молвят вещи гробы:*

*"Ты не уйдешь от пут жестоких,
От клеветы и от могил,
Погибнешь в муках одиноких
За то, что много возлюбил!.."*

13 апреля 1906

ПЕРЕД ЗАРЕЙ

*Чего хотим? И что мы ловим,
Идя озлобленным путем?
Не жизнь ли новую готовим,
Не сердце ль новое куем?*

*От родников, где прежде жили,
Ушли мы к новым родникам,
И прежних дум, и прежней были,
И прежних грез не надо нам!*

*Зарю увидели, и дружно
Мы к ней пошли, окрылены.
Иные падали недужно,
Еще иные — спасены!*

Июнь 1906

В ГОРЕ

*И шум и грусть в родной столице.
Мой младший брат сидит в
тюрьме,
Моя жена лежит в больнице,
При этом — не в своем уме.*

*Двух дочек взяли по приютам,
А старший сын, совсем дурак,
Мне угрожает или кнутом,
Или под нос сует кулак.*

*Моя же муза, в самом деле,
Дрожит, как люди под замком,
Или в редакторском портфеле,
Или под цензорским ножом!..*

24 сентября 1906

*** Я хотел бы страдать, но не в силах
страдать, ***

*Я хотел бы страдать, но не в си-
лах страдать,
Я хотел бы любить, но любить не
могу.
Раз умершим цветам можно
вновь расцвести —
Даже в дождь и во тьму на осен-
нем лугу.*

*Раз угасшему дню можно снова
взойти,
Озаряя лучам, и небес вышину, —
Но что раз потерял на житей-
ском пути,
Нам того не иметь, нам того не
найти,
Как в сиянии дня золотую луну.*

29 декабря 1906

*** В мире душно и позорно, ***

*В мире душно и позорно,
И обидно жить.
Обрывается покорно
Быстрой Парки нить.*

*Что цвело — того не станет,
Все оденет тьма;
И за гробом нас обманет
Даже смерть сама.*

*Поколения другие
Нашу жизнь сметут;
Кратки помыслы святые,
Жалки мысль и труд.*

*Всё пройдет и всё обманет...
Жалок, кто живет,
Жалче тот, кого не станет
В омуте забот!*

1906

НА ПРОСПЕКТЕ

*Каменный дом, точно клетка
огромная,
Щелями окоп тускло глядит.
Лестница длинная, лестница
темная
Вьется все выше и звонко молчит.*

*Чьи-то шаги раздаются поспеш-
ные
По невеселым, крутым ступе-
ням...
Чувства неверные, помыслы греш-
ные,
Тут зарождаются, гаснут не там.*

*Много здесь окон и много — стра-
дания,
Много открытых и тайных две-
рей.
Слышатся звуки то слез, то лоб-
зания,
Видятся скорбь и отвага очей.*

*В улице шум и движенье грехов-
ное,*

*Мечутся люди, спешат и спешат,
К силе телесной стремится ду-
ховное,
К раю стремится низвергнутый
ад...*

1906

СТАНСЫ

*Когда пройдут стремленья моло-
дые,
Остынет кровь, поработится
ум, —
Опять взгляни на звезды золотые,
Опять ручья подслушай тихий
шум.*

*И вновь найдешь душе успокое-
нье, —
Они всё те ж, все так же молоды,
У них нет дум, заботы и гоненья,
Для них мечта — и битвы и тру-
ды!*

*Свободный дух им вызвал жизнь
однажды:
Хор ясных звезд — светить земле*

в ночи,
Ручей — поить измученных от
жажды...
Всё тот же плеск и те же все лу-
чи!

А ты, дитя смеющейся природы,
Ты много раз меняешься душой:
То просишь дней ликующей свобо-
ды,
То цепь куешь для жизни моло-
дой.

Твой взор погас, чело твое в мор-
щинах,
Ты слаб и хил, любовь твоя про-
шла.
Ты — точно раб на шумных име-
нинах,
И жизнь тебе, как прежде, неми-
ла!

А помнишь ли — и ты был прежде
молод,
Ты зло клеймил, свободу создавал,
Грозил врагам... Повеял жизни хо-
лод
И умертвил, как сад, твой идеал!

Припомни же стремленья молодые,
Свою борьбу, отвагу первых дум!
Опять взгляни на звезды золотые
И у ручья подслушай прежний шум!

1906

ЗИМОЙ

Тишина. Снега в долине.
Месяц в мирной половине
Наклонился над землей.
Редких звезд сверкают глазки,
И хрустальные, как в сказке,
Дерева свои подвязки
Опустили с бахромой.

В белоснежной зимней ночи
Неподвижность видят очи
Да луны полукольцо.
Прохожу немую степь я,
Все полно великолепья,
И алмазные отрепья
С веток падают в лицо.

Всё в беззвучном бреде дремлет,

*Сердце спит. Оно не внемлет
Полумертвой тишине.
Дремлет разум молчаливо,
Но природа боязливо
Притаилась, и ревниво
О забвеньи шепчет мне...*

1906

ЛОМКА

*Ломка! Новая Россия
Из развалин — старых груд —
Появилась как стихия,
Люди грабят, бьют и жгут.*

*И померк Восток наш Дальний
С блеском царского венца
Перед новой наковальней
Рокового кузнеца.*

*И кузнец тот — поколенье,
Народившееся вновь,
Новой мысли откровенье,
Новой жизни плоть и кровь!*

*Прикоснувшись к старым ранам,
Поколеблет, потрясет,*

*Пронесется ураганом
Новой жизни смутный ход.*

*И, сметая пережитки,
Предрассудки старых дней,
Развернет на новом свитке
Торжество иных идей.*

*И, как феникс величавый,
Из мгновенного костра
Русь воспрянет с новой славой
В час свободы и утра.*

1906

*** Я весла опустил, плыву я по
течению ***

*Я весла опустил, плыву я по тече-
нию
Все дальше, дальше вниз, и неда-
лек к падению,*

*Где злой круговорот бесчувствен-
ной волны
Все шире яму вьет из влажной
глубины.*

Я падаю почти, я изнемог, я
стражду!
Но все не гибели, а жизни больше
жажду,

И перед бездною щемящею пучин,
Как прежде, остаюсь оставлен
и — один!

Где силы взять еще для бешен-
ства невзгоды?
Я знал печальные, мучительные
годы,

Но хуже я не знал жестокого
мгновенья.
Я весла опустил! Паденье — так
паденье!

1906

ОСЕННЕЕ

Заглохший сад усыпан весь листвою.

Прощальный луч глядит из-за ветвей.

*Не нагляжусь вечернею зарею,
Не надышусь дыханием аллея.*

*Как нежный сон воспоминанья,
сладок*

Моим мечтам день осени сырой...

*Немая грусть, и немощь, и упадок
Везде, на всем, с прощальной красотой.*

*Заглохший сад мне шепчет ото-
всюду:*

Была весна, и встречу вновь весну.

*И в тишине я радуюсь, как чуду,
И сумраку, и немощному сну.*

1906

ЦЕПИ

*Пройдут года, пройдут народы,
Но не пройдет одна любовь, —
В хаосе гибнущей природы
Она живой воскреснет вновь!*

*Я как-то видел сон печальный:
На мне бряцали кандалы,
А надо мной, в лазури дальней,
Кричали дикие орлы.*

*Я изнывал от тяжелой жажды
И, полн мучительной тоски,
Бессильно падал не однажды
На раскаленные пески.*

*Но торопил мой шаг тяжелый
Медносверкающий конвой,
А день, горячий и веселый,
Дышал уж близкою грозой!*

*И вот огонь блеснул за тучей,
Загромыхал протяжно гром,
Песок завихрился сыпучий,
И полил светлый дождь ручьем.*

*Пахнуло влагой благодатной
На утомленное лицо;
Пронесся ветер ароматный,
Сверкнуло радуги кольцо.*

*Не знаю, тучи шли откуда,
Но, лишь промчалася гроза,
Свершилось радостное чудо,
И жизнью вспыхнули глаза.*

*Замолк последний рокот стона,
И цепи ржавые, в пыли,
Как жезл священный Аарона,
Гирляндой пышной расцвели!*

1906

ЭЛЕГИЯ

Склонилась жизнь моя к закату,
Я слаб, я чаще нездоров...
Иду по смолкнувшему скату
Завечеревших берегов.

Воспоминаний нет со мною,
Зачем их пустые листки?
Они полны печальной мглой
Обид, позора и тоски.

Прощаюсь с днем без сожаленья,
Встречаю вечер без слезы,
Молю я сил, молю терпенья
Навстречу будущей грозы.

Иду, погоду замечая,
Потупив грустное чело.
Далеко туча грозовая,
Закатом — небо обожгло.

И там, где смерклось на востоке,
Вокруг оплаканных жилищ,
Я вижу пламенные строки
Пожарищ, битв и пепелищ!

ПЕСНИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

ВСТРЕЧА

*Как в чудном сне арабской сказки,
С тобою встретились мы вновь.
Вновь для разлуки, не для ласки —
Мое блаженство и любовь!*

*Взглянули мы друг другу в лица,
Благословляя потому
Ты — первый шаг свой из больни-
цы,
Я первый шаг в свою тюрьму.*

*У нас судьба волны капризней,
Но не робеем мы пред ней.
Есть много так же грустных
жизней,
Но вряд ли есть еще смешней!..*

12 января 1907

КАМЕРА

*На стене рисунок чей-то,
Точки, профили зверей.
Коридор звучит, как флейта,*

Из отверстия дверей.

*За окном — решетки, точно
Клеть курятника. Кругом —
Всё высоко, плотно, прочно,
Свод — что грот под потолком.*

*Только легкие тенета
У окна и по углам.
Разве мушек здесь без счета,
Что так любо паукам?*

*Да к тому ж теперь не лето,
Паутина здесь вокруг.
Наспех символ создал этот
Очарованный паук!*

12 января 1907

ТЕРПЕНИЕ

*Коль призван жить, твори и мысли,
И беды все переживи,
И все страдания исчисли
Во имя бога и любви.*

*Не умирай от испытаний,
От тяжких, будничных забот.*

*Есть много светлых заклинаний,
Могуч терпения полет!*

*Терпенье вечности подобно:
Оно и так же холодно,
Спокойно так же и незлобно,
И так же с небом заодно!*

12 января 1907

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

*За решеткой окно...
Серый каменный пол
Ты измерил давно,
Много раз обошел.*

*Вот железная дверь,
Вот с решеткой окно,
Мерь шагами и мерь,
Хоть измерил — давно.*

*Много раз ты прошел,
И не сбился досель.
Хоть отбросить бы стол,
Переставить постель!*

*Но — привинчено всё!
И в окне небосвод,*

Как в ходу колесо,
Все плывет и плывет.

Взглянет день — синева,
На закате — пожар.
Ночь крадетя едва,
Тень — с углов и от нар,

Тяжело и легко
Созерцаешь себя.
Где-то там, далеко,
Уж не ждуют ли, любя?

Январь 1907

СТАНСЫ

О, замолчи, воспоминанье,
К себе бывшее не зови!
Печально вспомнить дни страда-
нья,
Еще печальней — дни любви!

Накинь, душа, покров забвенья
На всё, на всё! Я жить устал.
Мне даже скучно вдохновенье —
Мой лучший жизни идеал!

Темней, мой день! Гасись, лампа-

да!
Закат мой бледный, догорай...
Не здесь блаженство и отрада,
Не на земле счастливый рай!..

6 апреля 1907

*** Бело. Восходит зимний день, ***

*Бело. Восходит зимний день,
Румяно и морозно,
Встают на труд нужда и лень,
Разгул заснул безгрешно.*

*Движенье в окнах. Дым печей,
Смотрящие фасады,
И зимних утренних лучей
Веселые лампы.*

*Люблю я зимнего утра
И шум и трепетанье,
И трепет мертвого вчера,
И завтра ожиданья.*

Декабрь 1907

*** Я иду, вокруг — всё избы, ***

*Я иду, вокруг — всё избы,
Все луга, поля вокруг...*

*Через тощий палисадник
Балалайки слышен звук.*

*Ночь июньская прозрачна,
Полный месяц без лучей.
Тянет запахами сена,
Сладким клевером полей.*

*Трели поздние зарянки
Где-то сыплются в кустах,
Веет что-то молодое
В пробудившихся мечтах.*

*Месяц — точно одуванчик
В степи неба голубой.
А из трав в сырой канавке
На него глядит другой!*

1907

*** Последних дум, последних лет, ***

*Последних дум, последних лет,
Последних песен переливы,
Капризны, вольны и игривы,
Еще несут душе привет.*

*Еще порой в блаженстве нежном
Мечта пророчит ясный день,*

*Хотя сомнением мятежным
Все гуще, гуще жизни тень.*

*Так в осень дни темней, короче,
Зато цветы пышней тогда,
И в темноте осенней ночи
Светлей вечерняя звезда!*

1907

*** Кругом прозрачный, кругом
полночный ***

*Кругом прозрачный, кругом пол-
ночный
Стеклянный свет.
Спадает с яблони молочный
Весенний цвет.*

*Как ясен запад, как все лилово
Там от зари.
Молчи, ни звука! Молчи, ни слова
Не говори!*

*И что за запах! Цветут сирени,
И цвет их нежен, как аромат.
Вкруг полукраски, вкруг полуте-
ни,
Ты целовала б, но я не рад.*

*Но я боюсь твоих лобзаний,
В них жало смерти, и яд — огонь.
Уйди, не надо! И от страданий
Избавь, не надо! Уйди, не тронь!..*

Июнь 1908

*** Догорает мой светильник ***

*Догорает мой светильник.
Всё стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут;*

*Точно капли упадают
В бездну вечности — и тают, —
И опять, опять живут!*

*Ночь морозна. Небо звездно,
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама.*

*Сад в снегу, беседка тоже,
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрома...*

1908

*** Какая грусть могильная ***

Какая грусть могильная

*В селених немом!
Грязна дорога пыльная,
Омытая дождем...*

*Прошли стада мычащие,
Проехал сонный воз...
Вдали огни блестящие
Роняет паровоз.*

*Порою глухо слышится
Далекий лай собак.
Вершины чуть колышутся,
Встречая тихий мрак.*

*Даль — серая, туманная,
В окошках кое-где
Огни зажглись ранние,
Туман встал на пруде.*

*И вот звезда далекая
Зажглась, как мудрый глаз.
Святыня светлоокая,
Тебе ль увидеть нас?*

*Нас, бедных, нас, осмеянных,
Жестоких и больных,
Разбросанных, развеянных
На всех путях земных!*

ЭЛЕГИЯ

*Папироса... Еще и еще папироса...
Я курю и в окошко смотрю.
Над водою все ласточки кружат-
ся косо.
Покурил. Закурил. И курю.*

*Мысли — злы. Для мучений боль-
ного вопроса
Нет ответа, иль бледен ответ.
Папироса. Еще и еще папироса...
А забвения думам мучитель-
ным — нет.*

*Пепел стол весь усыпал... С тупо-
го откоса
В пруд сбегают утята толпой.
Папироса. Еще и еще папироса...
Как все глупо, старо, боже мой!..*

24 января 1909

*** Уж более полжизни пройдено... ***

*Уж более полжизни пройдено...
Иду, согбен под ношею терпенья...
В глазах зияет черной смерти*

дно,
В лицо пахнуло веянием тленья.

Всё кончено, чем наша жизнь
красна.
Любовь, мечты, надежды улете-
ли.
И даже в дни, когда цветет весна,
В моей душе суровые метели.

Склонив чело, одна, полубольна,
Порой ко мне заглянет Муза в
угол.
Святым огнем наполнится душа,
И улетит чудовищный рой пугал.

18 мая 1909

*** В исканьи истины и бога ***

В исканьи истины и бога
Мы сбились в сумерках с пути.
Хотя дорог есть старых много,
Зато нам новых не найти!

Идем, себя не разумея,
Идем в потемках, наобум,
Но сердце бьется, пламенея,
И жадно ищет новых дум.

Мы без компаса, без огнива,
А до рассвета — далеко!
И очи косятся пугливо,
И груди дышат нелегко.

Когда ж рассвет блеснет на-
встречу,
Стряхнут собратья тяжкий сон
И жадно бросимся мы в сечу
За честь поруганных знамен?

13 января 1910

СНЫ ЦВЕТОВ

Я люблю в ночные новолунья
Бледный сон заплаканных цветов
Снятся им веселая шалунья —
Королева трепетных их снов.

Снятся им — румяный вечер мая,
И встает застенчиво она,
Королева эта голубая,
Чтобы взять их жизнь и семена.

И цветы ликуют и трепещут,
Сладко плачут фимиамом
слез, —
И опять им снится, что забле-

*щут
Грезы их, светлее детских грез.*

18 марта 1910[1]

БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ[2]

В СЕЛЕНИИ

*Уже закрыты лавочки,
На небе серп луны.
Ночные реют бабочки,
Как сказочные сны.*

*Повеяло прохладою,
Дорога не пылит.
Хрустальной лампадою
Ночь майская сквозит.*

*Всё небо точно кознями
И тайнами полно,
Но звездочками поздними
Не искрится оно.*

*И не о них ли пламенно
Один в тоске своей
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?*

В ПАРКЕ

*Воздух сладко дышит липами,
Веет влагой от ручья.
Дальний поезд дерзко хрипами
Заглушает соловья.*

*Ночь грустит и словно мается,
Спят заглохшие пруды.
Небо вешнее купается
В мутном холоде воды.*

*Вид печальный, вид пленитель-
ный,
Грезит былью старый сад,
И с тоскою усыпительной
Рошчет быстрый водопад.*

28 мая 1910

*** У леса есть птицы и гнезда, ***

*У леса есть птицы и гнезда,
У сердца желания есть.
У синего неба есть звезды,
Которых вовеки не счесть!*

*У моря есть вольные струи,
На дне его — перлов не счесть.
У юности — есть поцелуи,*

У старости — грусть одна есть!

10 июня 1910

ОПЯТЬ

*Опять? Опять! Все это было,
Когда-то было и прошло:
И так же солнце нам светило,
И так же было мне светло.*

*Ложилась тень от лип и кленов,
И мрамор белых балюстрад,
И пышный плющ у павильонов
Нам веселил и тешил взгляд.*

*Мы были юны, точно боги,
Едва создавшие миры,
И после дум и мук тревоги
Свои нашедшие дары.*

*И ничего мы не хотели,
Довольны ясной лаской дня...
Сияло солнце, птицы пели,
И пело сердце у меня.*

6 июля 1910

*** В городке небольшом, в переулке
глухом, ***

*В городке небольшом, в переулке
глухом,
Тянет влажною тиной с болота.
Между старых берез пятна алых
полос, —
Догоревшего дня позолота.*

*Там, в саду, у плетня, притаясь,
не звеня,
Колокольчик лиловый склонился,
И на тусклом стекле, на балконе,
во мгле,
Перламутром закат отразился.*

*Летний вечер хорош. Дальше —
нивы и рожь,
И сияет лесок на просторе.
Я до леса дойду, в море ржи пропа-
ду,
И созвучья подслушаю в море...*

28 июля 1910

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Как будто в первый день призна-
нья
Любви, взаимной и святой,
В душе легко. И покаянья*

Звучат наивною мольбой.

*Кругом все вдруг помолодело,
Светло очам, легко уму.
Как маска сброшенная, тело
Предстало духу моему.*

*Я не ропщу, не негодую,
Иду — куда не знаю сам,
От поцелуя к поцелую,
От неба к новым небесам.*

*Обломки свергнутых кумирен
Я собираю не спеша:
Мой путь далек, мой путь эфирен,
И крылья чувствует душа.*

Июль 1910

НА ВЗМОРЬЕ

*Все необозримыми далями белется,
Тонет взор в безбрежности и отрадно дышится,
Там заря вечерняя, точно уголь,
тлеется,
Море, как ребенок, в небесах колышется.*

Тихо челны движутся, чуть белея
парусом,
Вод крылом касается чайка бело-
снежная.
Облака, что кружева, ярус встал
за ярусом,
Но зефир развеет очертанья неж-
ные.

Встанут горы серые, вместо ба-
шен города,
Львы сереброгривые поползут, по-
тянутся...
Взморье! Ты и вечером хорошо и
молодо,
И тобой утешатся, и тобой об-
манутся.

Солнце! Ты спустилося тихо в
ширь подводную,
И она румянится под твоим лоб-
занием.
Утолишь, горячее, влагою холод-
ною
И согрей поутру нас вновь очаро-
ванием!

Август 1910

*** Как много в жизни скучной прозы ***

*Как много в жизни скучной прозы,
Как мало ясных дней любви!
Уже давно померкли грезы,
Уже давно не льются слезы,
И веет холодом в крови.*

*Иду в раздумьи, а за мною
Могилы ранние друзей...
И что был свет, то стало
тьмою,
И опечалился душою
Я на заре закатных дней.*

*Все, верно, осенью встречали
Такие дни: светло кругом,
Но лес в багрянце и печали,
И вся дорога, как из стали,
Звучит под тяжким колесом.*

*И, как в теплице разоренной,
Прозрачно в ясной пустоте,
И лишь на грядке засоренной
Подсолнух, солнцем озаренный,
Корону тянет к высоте!*

Октябрь 1910

ЧУДИЩЕ

*Идет по свету чудище,
Идет, бредет, шатается,
На нем дерьмо и рубище,
И чудище-то, чудище
Идет — и улыбается!*

*Идет, не хочет кланяться:
"Левей!", — кричит богатому.
В руке-то зелья скляница;
Идет, бредет — растянется,
И хоть бы что косматому!*

*Ой, чудище, ой, пьяница,
Тебе ли не кобениться,
Тебе ли не кричать
И конному и пешему:
"Да ну вас, черти, к лешему —
На всех мне наплевать!"*

1910

*** Так полно, так полно ***

*Так полно, так полно
Любил я в мечтах быстрокры-
лых, —
И долго, безмолвно
Томиться в мечтах был не в си-*

лах.

*Так свято и страстно
Я веровал в песни и звуки,
Но верил напрасно —
От слова рождались муки.*

*Душа отстрадала
В безмолвии тяжком и гордом, —
Но жалко ей стало
Расстаться с последним аккор-
дом,*

*И стоны, и слезы
Вдруг хлынули дерзко наружу...
И с сердцем, как розы,
Увяла в осеннюю стужу.*

1910

*** В день своего рожденья ***

*В день своего рожденья
Зачем ты не со мной?
Убито вдохновенье,
Охвачен я тоской.*

*Дней счастья и свободы
Затмилася звезда.*

Ушли былые годы,
Как вешняя вода.

Стою я у развалин
Былого очага,
И хмур и опечален, —
Мне жизнь не дорога!

И скука в сердце томном,
Как, в тереме пустом,
Холодном и огромном,
Где все объято сном.

И слышен однозвучно
Шаг смерти в тишине...
Ужель тебе не скучно,
Не скучно так, как мне?

22 февраля 1911

*** Под сосной косматой вырос ***

Под сосной косматой вырос
Ландыш северной весной.
Лес шумел, и речка вскрылась,
Сосны плакали смолой.

И упала смоляная
Капля, жаркая слеза,

*В сердце ландыша, где, тая,
Распылалась, как гроза.*

*И цветок весны душистой
Загрустил, в бреду ослаб,
И увял он в день лучистый
У корней сосны, как раб.*

Февраль 1911

ВОЛНЫ

*Повеял ветер с запада,
Растет волна студеная,
Идет, гудет холодная,
Балтийская волна.*

*Несутся громом выстрелы
От Петроградской крепости,
Проснулись люди бедные,
Столичные, от сна.*

*Повеял воздух с запада.
Столица ошалелая
Полна молвой и модами
И криками: "Виват!"*

*Вставайте, наши кормчие,
Вожди вставайте смелые,*

*Проснись и бодрствуй, праведный
Рабочий, друг и брат!*

*Несем для вас мы верные
Скрижали вдохновенные —
Хранить вас в многотрудные
Немые времена.*

*И пусть, как в дни крещенские,
Омоет правдой вечною,
Своею чистой влагою
Народная волна!*

Апрель 1911

*** Мелькают, как птицы, моторы ***

*Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И кажется, камни дрожат.*

*Под бешеный ритм завыванья
Во тьме исчезают густой —
То милые в шляпках созданья,
То с важною миной герой.*

*Горды молньепышущим лётном,
Напыщенны блеском своим,*

Жизнь, чуждую горьким заботам,
Они расточают, как дым.

И хочется крикнуть: куда вы?
В погоню ль безумных страстей,
В погоню ль безумной забавы
Иль к плахе позорной своей?...

1 мая 1911

*** Вечерняя звезда, звезда моей печали,**
*

Вечерняя звезда, звезда моей печали,
Зажглася и горит меж дымных
облаков, —
Навстречу ей огни земные забли-
стали, —
Огни труда, молений и пиров.

Но не для них мучительно и
властно
В моей душе мечта пробуждена;
Земная ложь с мечтами не со-
гласна
И песнями не тешится она.

Меня влечет звезда моей печали,

*И песни ей пою я в полусне,
Ее лучи мне тайну нашептали
Иных огней в волшебной стороне,*

*Иных огней на алтаре небесном
Пылающих измученным очам
Земных борцов сияньем неизвест-
ным,
Лишь в смутных снах являющим-
ся нам...*

ОСЕНЬЮ

*Снова крепким ароматом отцве-
тающего лета,
Словно ласкою забытою, пахнуло
мне в лицо.
День осенний смотрит отблеска-
ми мертвенного света
И осыпал желтым листом, точ-
но трауром, крыльцо.*

*С тихой жалобой и лаской и с
мольбою покаянной
Я хотел склонить бы голову на
любящую грудь,
Как склоняет ива ветки в пруд хо-
лодный и туманный,
Чтоб пред долгою разлукой о себе*

ему шепнуть.

*Как осенний день, окутано туманами грядущее,
Назревающими соками развенчанной весны.*

*Только совесть — это солнце, это око вездесущее —
Смотрит с грустной улыбкой из сердечной глубины.*

1897

НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

*У косогора за деревней,
Где деды лапотки плетут,
Есть, окружен оградой древней,
Последний праотцев приют.*

*Там ивы, тощи и горбаты,
Семьею грустной расцвели,
Могилы, временем пожаты.
Не всех жнецов уберегли.*

*Страдальцы спят, без хмеля пьяны;
Забыты горе и мечты.
Как были серы их кафтаны,*

Так ныне серы их кресты.

Душа скорбит, тоской объята...
Вдруг — безымянные холмы...
Здесь разве брат отыщет брата,
Как милый образ в царстве
тьмы?...

Здесь воздух полн очарований,
И в этой чуткой тишине
Как будто тысячи молчаний
Кипят и плещутся извне.

Да лист сухой, спадая с клена,
Прошелестит, к земле припав,
Да прогудит, как эхо стопа,
Пчела-работница из трав.

С весною силою волшебной
Жизнь вызывает теплота...
Вон там пушистой почки вербной
Белеет кокон у креста.

Пригретый — лопнул кокон неж-
ный,
И пестрокрылый мотылек
Вспорхнул, и путь его безбрежный
Так лучезарен, так широк!

*Из надмогильного покрова
Не пресмыкаться, а летать,
Он возродился к жизни снова,
Стал вольной волею дышать.*

*О, если б то же возрожденье
Вам, отошедшим, было вновь...
И сердце плачет от волненья,
Но плачет молча, как любовь...*

*** Мысли мятежные, ***

*Мысли мятежные,
Нет вам забвения
В мире, страдающем
Жаждой стремления.*

*Гордо подыметесь
К небу свободному,
Шумно опуститесь
К морю холодному.*

*Молнией вспыхнете,
Скалы изроете;
Чрево земное,
Как книгу, раскроете!*

*Звездами блещете,
Тучами таете,*

*Таймы нескромные
Разоблачают!*

*Но за пределами
Мира заочного
Не успокоите
Сердца порочного;*

*Не разгадаете,
Мысли мятежные,
Страсти кипучие —
Тайны безбрежные!*

*И отчужденные
Светом живущего,
В мраке потонете
Сна всемогущего!..*

1893

ДУША ПОЭТА

*Таинственный сумрак
В глубокой пещере;
Там гении неба
И хищные звери.*

*Там веет цветами
Забывтого рая;*

Там сырость могилы
И бездна земная.

Там два есть колодца
С кристальной водою:
С мудростью здравой
И с ложью больною.

Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокошет;
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.

Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампы, —
Скрываются в норы
И змеи, и гады.

Пещера сияет,
Как храм величавый,
И небо в ней блещет
Нетленною славой.

Узорами радуг
Свивается плесень
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Июнь 1897

*** К тебе, у твоего порога, ***

*К тебе, у твоего порога,
Я постучался, ангел мой,
Но ты гостил тогда у бога,
В его ложнице голубой.*

*Ты ткал воздушные одежды
Из радуг, солнца и луны.
Мою любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!*

*И, грустью новой опечален,
Вернулся я с твоих высот, —
Бродить среди земных развалин,
Во мраке горя и забот.*

*И встретил гения иного, —
Он был не ты; угрюм и зол,
Не зная неба золотого,
Сквозь гром и пламень он пришел!*

*Он завладел душой морю, —
Земного торжища дитя,
И вновь молиться я не смею,
И вновь не смею жить шутя.*

Как тень, блуждаю я над бездной
Без упования к мечте.
Но ты покинул мир надзвездный,
Ко мне возвал из суеты!

С небес принес свои скрижали,
Вещая проповедь добра, —
Но я в борьбе, но я в печали, —
Не мне сияние утра!

Меня слепят твои одежды,
И улетают, смущены,
Моя любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

*** Весна! но что мне принесеть ***

Весна! но что мне принесеть
Расцветъ весны?.. Ея приходъ
Встрѣчалъ я пѣснями бывало,
Когда для юности живой
Еще любви не доставало...

Весна смѣнялася весной;
Пришла любовь — и ураганомъ

За нею шумно протекла
Съ мечтами, съ радуж-
нымъ обманомъ,
Заботъ и думъ тяжелы-
хъ мгла...

Встрѣчая грустными оча-
ми
Опять приходъ весны жи-
вой,
Я плачу тихими слезами —
Какъ надъ могилою род-
ной —
Надъ обманувшими мечта-
ми.

Поэмы

КАМЕНОТЕС

Японская сказка

*В Японии, под небом раскаленным,
Трудился день и ночь в каменоломне
Каменотес; он старился в работе,
А, ни богатств, ни почести, ни славы
Не наживал тяжелыми трудами.*

*И много раз в безмолвном мраке
ночи,
В часы бессонниц он мечтал о счастье
И много раз завидовал богатству,
Когда ему случайного доводилось
Кортеж вельможи знатного увидеть.*

*Как он хотел возлечь бы горделиво
На затканые золотом носилки,*

Под яркий пурпур зонтиков широких!

*И тайно он молился небесам...
И небеса слышали молитву:*

*И раз, уснув простым каменотесом,
Проснулся он властительным царем.*

*Его рабы душистыми водами
Опрыскали и легким опахалом
С его лица докучных мух согнали
И, возложив на пышные носилки,
По городу смиренно понесли.*

*Был душный день. Палило зноем
солнце,
Деревья никли пыльною листвой;
От каменных строений, как от
печки,
Тепло струилось; гладь реки зеркальной
Расплавленным сверкала серебром;*

*Пыль золотя, слепило очи солнце,
Недвижным блеском в воздухе,*

разлившись.
Уже семь суток не было дождя;
Уже семь суток солнце так палило!

Напрасно царь из звонкого кувшина
Прохладным зельем смачивал
гортань;
Его рабы напрасного помавали
Над головой венчанной веерами
Зеленых пальм, — царя томило
солнце
И жгло гортань и ослепляло взор.

Он солнцу стал завидовать и думал:
"Как хорошо бы на небе далеко,
В безбрежном море синего эфира
Бросать лучи и быть непобедимым!
О небеса, зачем я не светило!"
И небеса услышали молитву...

И раз, уснув царем под балдахинном.
Резного ложа, поутру вставал он
В мерцании багровом на востоке

*Средь сонма звезд, бледнеющих
пред ним.*

*Он солнцем стал, и от его дыха-
нья*

Лилось тепло, лучами исходя;

*И взор его блистающий и жгучий
Проникнул в рощи сквозь густые
кедры,*

Затрепетал на зыби океана

*И сжег пески безжизненных пу-
стынь.*

Он, из зерна пшеницы вывел колос,

Из желудя — величественный дуб,

*Душистым соком брызнул в ана-
насы*

И отвердил кокосовый орех.

*Но вот однажды воздух, утомив-
шись*

*Тяжелым зноем, стал собирать
от моря*

И от озер, разлившихся широко,

*Прохладный пар, и быстро беглый
ветер*

Сгустил пары в седые облака;

И облака сплотились грозного в

тучи,
Диск солнечный скрывая от лю-
дей.
И не могло пробить лучами солн-
це
Воздушную броню тяжелой тучи
И с горькою воскликнуло досадой:

"Бессильно я пред тучею бродя-
чей!
О небеса, зачем я только солн-
це, —
Не лучше ль быть властительни-
цей-тучей!"
И небеса услышали молитву...

И раз, зашедши алою зарею,
Наутро солнце разлилось в тучу.
Как черное руно овцы гигантской,
Седая туча двигалась по небу
И ткала тени в воздухе сгущен-
ном,
И двигала сердито главы пальм.

И вот она нахмурилась ужасней:
В ее волнистых змеевидных склад-
ках
Сверкнул язык мигающей стре-

лы, —

Так блещет взор из-под ресницы
грозной...

И грянул гром, и звучно град за-
прядал,

Клоня колосья рисовых полей.

Взметнулась пыль по вспыхнув-
шей пустыне,

Надулися зоба челнов крылатых,

Запенилися воды океана;

И стаей львов серебряных с рыча-
ньем

Они ползли к задумчивой скале,

Которая спокойно возвышалась

У берегов разъяренного моря,

Как бы смеясь над бешенством
волны.

И вспыхнула суровее стихия,

Увидя мир скалы непобедимый,

И, как котел, огнями разогретый,

Метнулись волны злые океана

И на скалу с размаху набежали,

Но не могли слизнуть они скалу.

И, в бешенстве раскатываясь гро-
мом,

Сказала туча в зависти дрожащей:

"О небеса! зачем я не скала!"

И небеса услышали молитву...

Медлительно умчавшаяся туча

Проснулася гранитною скалою.

И вот скала, в оцепененьи смутном

Вперивши взор на землю и на небо,

Заметила, что у ее подножья

И день и ночь какое-то созданье,

Едва-едва заметное вершине,

Стучит тяжелым молотом, как будто

Добиться слова хочет от гранита.

И чувствует скала, что с каждым годом

Она худеет, что гранит подножья

Болит от ран, что с каждым днем слышнее

И тяжелей удары молотка.

И думает скала в оцепененьи:

"О небеса, зачем я прозябаю!"

*И, чувствуя у ног своих тяжелых
Ужасного врага, я не могу
Ему ответить мстью роковою!
Меня не в силах сокрушить при-
бой;*

*Могучих волн не в силах уязвить
Живучие и злые крокодилы,
Лизавшие гранит моей подошвы;
И коршуны, воздушные тираны,
Не в силах грудь мне расклевать,
а это
Ничтожное и злое существо
Меня с годами силится разру-
шить...
О небеса! зачем я не оно!”*

*И небеса услышали молитву...
Проснулася скала — каменоте-
сом
В убогом шалаше на жестком ло-
же.
Лучи зари приветно проникали
Сквозь желтую солому ветхой
кровли,
И вспомнил всё седой каменотес.*

Он вспомнил дни, когда он, недо-

вольный,
Завидовал могуществу и славе.
Как был царем, и тучею, и солн-
цем,
Как, наконец, дремал скалой
недвижной
И как опять он стал каменоте-
сом.

И, вспомнив все, он труд благо-
словил;
И, молот взяв в мозолистые руки,
Промолвил он с задумчивой улыб-
кой:
"У каждого могущество свое!"

Июль-ноябрь 1885

СТАРЫЙ ДУБ

Посвящается И.И. Ясинскому

*Как причастница нарядна,
Вся в снегу, как в чистой шали,
Дремлет липа молодая
В очарованной печали.*

*Перед нею дуб, как старец,
Убеленный сединами,
Наклонился и колышет
Оснеженными ветвями.*

*А вокруг все бездыханно,
Мертвы снежные поляны,
И, в лесу по мерзлым веткам
Бродят зимние туманы.*

*И, дремля, в волшебной грезе,
Липа дубу шепчет тайно:
"Посмотри, как в чаще леса
Хорошо необычайно!"*

*Посмотри, вдали алеет
Зорь румяных позолота.
Слышишь шорох звонких капель?*

Это юный бродит кто-то.

Не весна ли это бродит,
Отряхая иней белый?"

— "Полно вздор болтать, малютка, —

Дуб промолвил престарелый. —

Это запад остывает,
Алым пламенеет истекши...
Этот шорох торопливый
От прыжков неловкой векши.

До весны еще далёко,
Да и много ли в ней толку?
Поучись терпенью, глядя
На выносливую елку!"

И замолк сурово старец
Под своею ризой снежной,
И задумалася липа
О весне в тоске мятежной.

Дни идут, теплее солнце
С каждым днем в лазурь восхо-
дит
И проталины по снегу
Тенью легкою обводит.

Липа к дубу снова с речью:
"Что задумался так, старче?
Посмотри, весна приходит,
Воздух стал звучней и ярче.

Слышу я, как надо мною
Разогретый снег сочится,
Как поутру, пробуждаясь,
Лес чернеет, и дымится!"

Но на речь веселой липы
Грустно шепчет дуб унылый:
"Как землю нынче пахнет,
Точного вырытой могилой!"

Дни идут... Апрель румяный
Из ветвей глядит лукаво,
Сыплет светом цветоносным
И налево и направо.

Дуб нахмурился сердито,
Липа юная ликует:
У нее в ветвях сегодня
Тайно горлинка ночует.

И в восторге липа шепчет
Сквозь весеннюю истому:
"Посмотри, как ходят тучи

По эфиру голубому,

*Точно лебеди по морю...
Видишь, май идет лесами,
Раздвигая мокрый ельник
Лучезарными перстами.*

*Как свежо зеленым веткам,
Как тепло пригреты корни,
Мотылек сегодня утром
Перепархивал на дерне.*

*Я за ним следила долго,
Он весь белый был, как иней.
Наряжается фиалка
Для него в кокошник синий!"*

*Но печально дуб косматый
Слышит юной липы шелест:
Не влечет его, как прежде,
Мая девственная прелесть!*

*И нежнее шепчет липа:
"Посмотри, жак яркие почки,
Сколько тайны молчаливой
В ароматах этой ночки..."*

Как стекло, прозрачно небо!

Будит эхо в боре дальнем
Сиротливая кукушка
Кукованием печальным...

От избытка чар и страсти
Я сама запеть готова!”
Но на лепет нежной липы
Дуб нахмурился сурово...

Он дрожащею вершиной
Все глядит к востоку жадно
И, вдыхая душный воздух,
Что-то шепчет безотрадно.

Там, вдали, как темным флером,
Омрачилось небо тучей,
И порой в нем пробегала
Искра молнии летучей.

Зашатался лес косматый —
Испугался тучи черной, —
И поплыл в его вершинах
Ропот гневный и проворный...

В небе звучно и протяжно
Рокотанье пронеслося,
И вдали дрожащей сеткой
Дождь упал, волнуясь косо.

Ближе, ближе влажный рокот!
Шумно рвется в лес прохлада,
И раскапались по листьям,
Барабаня, капли града...

В туче молния сверкнула,
Небо гром потряс сердито,
Точно рухнули там скалы
Из тяжелого гранита.

Пошатнулся дуб маститый,
Наклонился головою
И упал, грозой спаленный,
Перед липой молодою.

Туча медленно промчалась,
И, смотря на жатву бури,
Мирно радуга сияла
На безоблачной лазури.

И, смотря на остов дуба,
Липа сумрачно вздыхала:
Поняла она, что старца
Так тревожно волновало!..

4 ноября 1887

ВОЛКИ

Рождественский рассказ

*Посвящается
А.В. Жиркевичу*

*В праздник вечером, с женою,
Возвращался поп Степан,
И везли они с собою
Подаянье христиан.*

*Нынче милостиво небо,
Велика Степана треба:
Из-под полости саней
Видны головы гусей,*

*Зайцев трубчатые уши,
Перья пестрых петухов
И меж них свиные туши —
Дар богатых мужиков,*

*Тих и легок бег савраски.
Дремлют сонные поля,
Лес белеет, точно в сказке,
Из сквозного хрустала.*

Полумесяц, в мгле морозной,

Тихо бродит степью звездной
И сквозь мглу мороза льет
Мертвый свет на мертвый лед.

Поп Степан, любуясь высью,
Едет, страх в душе тая;
Завернувшись в шубу лисью,
Тараторит попадья.

"Ну, уж кум Иван скупенек, —
Дал нам зайца одного,
А ведь, молвят, куры денег
Не клевали у него!

Да и тетушка Маруся
Подарила только гуся,
А могла бы, ей-же-ей,
Раздобрится пощедрей!

Скуп и старый Агафоныч,
Не введет скребя в изъян..."
— "Что ты брехаешь за пол-
ночь!" —
Гневно басит поп Степан.

Едут дальше. Злее стужа;
В белом инее шлея
На савраске... Возле мужа

Тихо дремлет попадья.

Вдруг савраска захрапела
И попятилась несмело,
И, ушами шевеля,
В страхе смотрит на поля.

Сам отец Степан в испуге
Озирается кругом...
"Волки!" — шепчет он супруге,
Осняяся крестом.

В самом деле, на опушке
Низкорослого леска
Пять волков сидят, друг дружке
Грея тощце бока.

Гневно ляскают зубами
И пушистыми хвостами,
В ожидании гостей,
Разметают снег полей.

Их глаза горят, как свечи,
В очарованной глуши.
До села еще далече,
На дороге — ни души!

И, внезапной встречи труся,

Умоляет попадья:
"Степа, Степа, брось им гуся,
А уж зайца брошу я!"

— "Ах ты господи Иисусе,
Не спасут от смерти гуси,
Если праведный господь
Позабудет нашу плоть!" —

Говорит Степан, вздыхая.
Всё ж берет он двух гусей,
И летят они, мелькая,
На холодный снег полей.

Угостившись данью жалкой,
Волки дружною рысцой
Вновь бегут дорогой яркой
За поповскою четой.

Пять теней на снеге белом,
Войском, хищным и несмелым,
Подвигаясь мирно в ряд,
Души путников мрачат.

Кнут поповский по савраске
Ходит, в воздухе свистит,
Но она и без острастки
Торопливо к дому мчит.

Поп Степан вопит в тревоге:
"Это бог нас за грехи!"
И летят волкам под ноги
Зайцы, куры, петухи...

Волки жадно дань собирают,
Жадно кости разгрызают,
Три отстали и жуют.
Только два не отстают,

Забегают так и эдак...
И, спасаясь от зверей,
Поп бросает напоследок
Туши мерзлые свиней.

Легче путники вздыхают,
И ровней савраски бег.
Огоньки вдали мигают,
Теплый близится ночлег.

Далеко отстали волки...
Кабака мелькают елки,
И гармоника порой
Плачет в улице глухой.

Быстро мчит савраска к дому
И дрожит от сладких грез:
Там найдет она солому

И живительный овес.

*А в санях ведутся толки
Между грустною четой:
"Эх, уж, волки, эти волки!"
Муж качает головой.*

*А супруга чуть не плачет:
"Что ж такое это значит?
Ведь была у нас гора
В санках всякого добра!*

*Привезли ж — одни рогожи,
Что же делать нам теперь?"
— "Что ж, за нас, на праздник бо-
жий,
Разговелся нынче зверь!.."*

15 декабря 1887

ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

*С природою искусство сочетав,
Прекрасны вы, задумчивые парки:
Мне мил ковер густых, хранимых
трав
И зыбкие аллеи прохладных арки,
Где слаще мир мечтательных за-
бав,
Где тень мягка и где лучи не ярки,

Где веет всё давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.*

*Сад, как вино, — чем старше, тем
милей,
Тем больше в нем игры и арома-
та.
Особенно он дорог для очей,
Когда искусство несколько помя-
то
Завистливым соперником лю-
дей —
Природою, которая богата

Неряшеством и чудесной красо-
той,*

И гордостью, доступной ей одной!

*Таких садов близ царственной
Невы
Довольно есть. Сады увеселений —
Кумирни мелкой прессы и мол-
вы —
Затмили их... Так фокусника ге-
ний
Свет разума и мудрость головы
Тмит мудростью лукавою движе-
ний.*

*Но славу тех резвящихся садов
Переживут сады больших двор-
цов.*

*Меланхоличен Царскосельский
сад,
И тем милей мечтателям угрю-
мым.
Он вас чарует прелестью баллад,
Приветствует спокойно-важным
шумом,
В нем вечером люблю встречать
закат,
Предавшись своим невучим ду-
мам.*

Войдемте же в него мы. Много в
нем
И выходов и входов есть кругом.

Ведущие в ласкающую даль,
Как хороши тенистые аллеи!

Там, что ни шаг, то будят в вас
печаль
Угасших лет невинные затеи.
То пруд блеснет, прозрачный как
хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи
На вас глядит, кокетливо гру-
стя, —
Столетнее бездушное дитя!
А там, в тени благоуханных лип,
Стена и вал искусственной руины,

Где бледный мох и толстогубый
гриб
Уже выросли для полноты карти-
ны.

Мы нечто там еще встречать
могли б,
Когда бы страж таинственной
долины,

Ютящийся в развалине с семьей,
Не наблюдал за скромной чистотой.

А дальше ряд душистых цветников,
Подстриженных акаций изгородки,
И мостики над зеркалом прудов,
А на прудах — и лебеди, и лодки,

И в сумраке задумчивых кустов
Печальный лик склонившейся красотки.

Она грустит над звонкою струей,
Разбив кувшин, кувшин заветный свой.

Она грустит безмолвно много лет.
Из черепка звенит родник смиренный,
И скорбь ее воспел давно поэт,
И скрылся он, наш гений вдохновенный,
Другим певцам оставив бранный свет.

А из кувшина струйка влаги пенной

*По-прежнему бежит не торопясь,
Храня с былым таинственную
связь.*

*О, время, время! Вечность родила
Тебя из мглы бесчувственного ло-
на.*

*Ты вдаль летишь, как легкая
стрела,
И все разишь: чужда тебе препо-
на!*

*Давно ли здесь кипела и цвела
Иная жизнь? У женственного
трона*

*Писатели, министры и князья
Теснились, как важная семья.*

*То был рассвет и вкуса, и ума.
От Запада текло к нам просвеще-
ние,*

*Императрица, мудрая сама,
Устав от дел, искала вдохнове-
нья:*

*И роскошь мод, как сладкая чума,
Объяла всех восторгом увлеченья,*

И жизнь текла, как шумный кар-

навал,
И при дворе блистал за балом
бал.

И снится мне, что ожил старый
сад,
Помолодели статуи в нем даже.
У входов стройно вытянулись в
ряд
Затейливых фасонов экипажи;
В аллеях томных вкрадчиво шумят...
Мелькают фижмы, локоны, плю-
мажи,

И каламбур французский заклю-
чен
В медлительный и вежливый по-
клон.

Огни сверкают факелов ночных,
Дрожащий свет скользит в ку-
старник тощий,
Меж гордых жен в нарядах доро-
гих,
Украшивших искусственные рощи,
Подобного рою бабочек цвет-
ных, —

Одна скромней, приветней всех и
проще,

И белое, высокое чело
Ее, как день безоблачный, светло.

Года прошли... Погибли все давно
Под легкую секирою Сатурна.
Всем поровну забвение дано,
Но не у всех промчалась жизнь
бурно,
Не каждому все земное свершено,
Не каждого оплакивалась урна,
И люди вновь родились, чтоб
опять
Злословить, петь, влюбляться и
страдать.

Да, жизнь — вечна, хоть бродит
смерть кругом!
Не знает мир, состарившись,
утраты...

На рубище природы роковом
Мы — новые, непрочные заплаты.
В нас даже пятница, старые при-
том:
Из лоскутков отброшенных мы

взяты.

Ах, экономна мудрость бытия:
Всё новое в ней шьется из старья!
И снится сон другой душе моей:

Мне чудится — во мгле аллеи
старинных,
На радостном рассвете юных
дней
Один, весной, при кликах лебеди-
ных,
Мечтатель бродит... Блеск его
очей
Из-под бровей, густых и соболи-
ных,
Загар лица, курчавый пух ланит...
Всё в нем луше так много гово-
рит!

Рассеянно к скамье подходит он,
С улыбкою он книгу раскрывает,
Задумчивостью краткой обра-
чен,
Недолго он внимательно чита-
ет...
Из рук упал раскрытый Цицерон...
Поэт поник, и что-то напевает.

*И вот, смеясь, набросил на листе
Послушный станс невинной красо-
те.*

*Святая тень великого певца!
Простишь ли мне обманчивые
грезы?*

*Уж ты погиб, до горького конца
Сокрыв в груди отчаянье и слезы.
Но — вечен луч нетленного венца
Во тьме глухой житейских дум и
прозы,*

*И славные могилы на земле,
Как звезды в небе, светят нам во
мгле.*

*Счастливые! Их сон невозмутим!
Они ушли от суетного мира,
И слава их, как мимолетный
дым,
Еще пьянит гостей земного пира.
И зависть зло вослед смеемся им,
И льстивый гимн бренчит
небрежно лира.*

*Но клевета и лесть, как жизнь са-
ма,*

Не тронут им ни сердца, ни ума!

*А сколько лиц без славы в глубь
могил*

*Ушло с тех пор, как этот парк
унылый*

Гостеприимно сень свою раскрыл!

*Здесь мальчиком когда-то брат
мой милый*

Гулял со мной... Расцвел — и опочил!

*Он, нежный друг, согретый юной
силой,*

*Желавший жить для дружбы и
добра,*

Он смертью взят от кисти и пера...

*Прости, прощай, товарищ дет-
ских лет!*

*Под бурями мучительного рока
Слабею я, в глазах темнеет свет:
Я чувствую, что срок мой недале-
ко!*

*Когда в душе предсмертный
вспыхнет бред,*

Увидит ли тебя больное око?

Придешь ли ты, чтоб в мир теней
вести
Усталого на жизненном пути?!

1889

Царское Село

РЕВНИВЫЙ МУЖ

Народная былина

*Не заря с зарей сходилася,
Синим морем заглядысь;
На красавице боярышнике
Молодой женился князь.*

*Да недолго с нею нажился,
В очи ясные глядел;
Променял он ложе брачное
На колчаны вражьих стрел.*

*Подступила к стогнам киевским
Печенежская орда,
И поехал князь на врага
Тратить силы и года.*

*Бьется долго ли, коротко ли,
Возвращается домой.
Растерял дружину верную,*

В мыле конь его лихой.

*Повстречались две странницы,
Молвят: "Здравствуй, славный
князь!*

*Ты к княгине-бесприданнице
Поезжай не торопясь.*

*Там не много встретишь радо-
сти,*

Мы из терема сейчас.

*В честь твоей ли, княже, младо-
сти*

Меды пили там не раз?

Ты оставил много золота,

Много всякого добра...

Да в недобрый час случилось

Ехать князю со двора!

Из подвалов клады ценные,

Из конюшен кони все

Утекли куда — неведомо,

Словно грезы по росе.

Свет-княгиня платье красные

Износила без тебя,

Жарче солнца разгоралась,

Друга нового любя!”

*Князь нахмурил брови черные,
Шлем надвинул на глаза.
То не волны расшумелися —
В сердце вспыхнула гроза.*

*Он быстрее ветра буйного
В терем княжеский идет
И затворы самодельные
Размыкает у ворот.*

*Спят покои сном таинственным,
Только грустная луна
Смотрит в окна, как преступни-
ца
Уличенная, бледна.*

*Входит князь во дверь дубовую,
По царьградскому ковру —
В спальню, к пологу желанному,
К заповедному одру.*

*Крепко спит княгиня юная,
В грезах дышит горячо.
Точно змеи, косы черные
Упадают на плечо.*

Славный князь глядит, нахмурился,
В сердце холод и тоска,
И взялась за меч воинственный
Задрожавшая рука.

Он глядит и думу думает,
Злобу темную тая:
"Ты ждала ль меня, изменница,
Подколотная змея?"

Наложу печать я мертвую
На горячие уста,
Побледнеешь ты, румяная,
Как венчальная фата".

И на шею лебединую
Тяжко рухнул княжий меч.
И, не белая жемчужина —
Голова упала с плеч!

А красавица княгинюшка
Честь, как схимница, блюла,
Всё ждала супруга милого,
Всё до нитки сберегла.

В кладовых лежит нетронутым
Все хозяйское добро:

В бочках пиво, меды крепкие,
Жемчуга и серебро.

Красны платья не изношены,
Утварь звонкая цела,
И шелками скатерть вышита
Для дубового стола.

Спят покои сном таинственным,
Только тихая луна
Светит в окна, как покойница
Неподвижная, бледна.

Грустно князю одинокому,
Ретивое жжет укор.
Он коня седлает быстрого,
Выезжает на простор.

Выезжает в поле чистое,
Пышет жизнью вольный конь.
А у князя взор туманится,
Душу высушил огонь.

То не призраки холодные,
Не туманы от земли —
Две наветчицы, две странницы
Показались вдали.

*"Стойте, лютые разлучницы!
Здесь устанете вы навек!" —
Молвил князь и вещим странни-
цам
Гневно головы отсек!*

Март 1892

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

1

*Когда они сошлись, ей было два-
дцать три.
Ему — семнадцать лет... Расши-
лив темный локон
И тканями гардин завесив стекла
окон,
Она делила с ним восторги до за-
ри.*

*Ей нравилось в нем неловкое сму-
щенье,
Невинность важная, и первые
томленья,
И слезы ревности в потупленных
очах,
Когда она друзей, смеясь, имено-
вала
И медленной рукой альбом пере-*

бирала,
Где лица строгие во фраках, в ор-
денах
Таились: все дельцы, артисты и
вельможи,
Иные лысые, в задумчивых очках,
Непогрешимостью на схимников
похожи.

А он в ней все любил, все нрави-
лось в ней, нежной,
Порой мечтательной, капризной
иль небрежной:
Ее язвительный и скромный раз-
говор,
Душистый будуар, ковры и занавески,
И ваз затейливых расписанный
фарфор
Восточной прихотью в цветные
арабески.

И нравилось ему, что, скрытая
от всех,
Их страсть была полней в таин-
ственном романе,
Что негою звучал ее картавый
смех,

Что имя у нее ласкательное —
Фанни.

Как часто проводил, бывало, с ней
вдвоем

Он, юный, влюбчивый, зимою ве-
чер длинный.

И было все полно в мерцающей го-
стиной

Ее присутствием, как тихим бо-
жеством.

Порой ее черты мгновенная тос-
ка

Темнила: прошлое ль вставало из
тумана?

Она, смотря в камин, молчала и
слегка,

Как спугнутым крылом, смущен-
ная рука

Играла веером с решеткою экра-
на.

И вдруг, согнав с чела, как облако,
печаль,

Садилась весело за томную рояль.

Он подымал пюпитр, спешил рас-
крыть ей ноты,

Накинуть на плечи оброненную

шаль.

И вот мелодия, исполнена дремоты,
Сперва едва слышна, как тайная
печаль.

Потом она журчит, рыдает и
трепещет,
Как в наслаждении изнывшая любовь,
И снова чуть звенит и, разгораясь,
плещет
И тихой жалобой вдали смолкает
вновь.

2

А утром снова был он в корпусе,
счастливый,
С улыбкой тихою на розовых
устах,
С горячей бледностью в взволнованных
щеках,
В движениях медленный, как
лень — неторопливый;

И как он был хорош, влюбленное
дитя,
Когда, склонив чело, угрюмо сдви-

нув брови,
Забывши свой урок, смолкал на
полуслове,
Ресницы темные, как дева, опу-
стя.

Наставник хохотал, тряслися ак-
сельбанты:
"Должно быть, с барышней вчера
играли
в фанты", —

Он говорил, смеясь, и, потрепав
шутя
За робкое плечо, он прибавлял:
"Довольно!"
Но, добродушием смущенный ста-
рика,
Виновный юноша краснел до слез
невольной,
И горечь слез глотал, стыдясь ду-
хов платка.

3

Расцвел зеленый май. Он ехал вме-
сте с ней
В плетеном тильбюри. Души-
стый сумрак парка

Пронизан был вокруг, томительно
и ярко,
Прозрачным золотом полуденных
лучей.

Впервые жизнь весны ему казалась
полной.
Любовью светлую, надеждами богат,
Он мир благословлял, и зелени
был рад.
Но ей в лицо глядел, счастливый и
безмолвный;
Как удочка, поник склоненный
хлыст
В ее руке, обтянутой перчаткой, —
Порой с ветвей, как бы склонясь
украдкой,
Ее щеки касался свежий лист.

Вдруг на одном из поворотов сада
Раздался топот, мчалась кавалькада,
Вздымая пыль, и стройный бег коней
Перебивал звучащий говор звонко
И резвый смех: то мчались в

*глубь аллеи
Три всадника, и с ними амазонка.*

*Один из них, учтиво приподняв
Лоснящийся цилиндр, смеялся
Фанни взглядом
И, удержав коня, поехал с нею ря-
дом.*

*"Ах, боже мой, вы здесь, опять в
России,
граф", —
Смущенно просияв, она ему сказа-
ла.*

*А граф на юношу прищурился сна-
чала,*

*Потом, в своей руке держа ее ла-
донь,*

*Он медленно прижег на ней два
поцелуя.*

*Меж тем, под седоком волнуясь и
танцуя,*

*Расчесанным хвостом махал го-
рячий конь.*

*"Я здесь всего три дня, и вновь
уюду скоро".*

*И полился родник живого разгово-
ра,*

Парижского "козри" изысканный
язык.

И Фанни, оживясь, как птица ще-
бетала,

Ее влюбленный паж алел, как
мак, сначала,

Потом он побледнел, нахмурился,
поник,

И трепет и борьба в душе его тре-
возной, —

Сменилася любовь тоской ревни-
вых дум,

Какой он стал смешной, какой он
стал ничтожный!

Уж он не друг ее, он только жал-
кий грум.

Граф обещал бывать у Фанни на
обедах

И вечер проводить по-прежнему в
беседах,

Припомнить старину, забытую в
пять лет.

А юный паж ее молчал, чело на-
хмуря.

От ревности бледней, чем лилий
внешний цвет,

Темнее, чем волна, когда кипит в

ней буря,
Он молча хоронил в душе своей
упрек,
Он ревности своей робел, как пер-
вой ласки,
А Фанни делала приветливые
глазки
И юношу влекла в свой летний
уголок,
Где за плетнем живым подстри-
женных акаций
Палаццо высится, сверкает чи-
стый пруд,
Где розы ранние пестреют и цве-
тут
Перед подножием окаменелых
граций.

4

И вот они втроем. Весенний
мрак — прозрачен.
В румяных небесах сошлась заря с
зарей.
Граф ласков и шутлив, но паж
влюбленный
мрачен,
А Фанни — весела... Небрежную
рукой

Ей граф открыл рояль. Склоняясь
к Фанни нежно,
Ой просит, чтоб она сыграла
что-нибудь
Из прежнего, когда так дружно,
безмятежно
Они вступали в жизнь, как на по-
бедный путь.
И Фанни, бледная, очей не подни-
мая,
Садится за рояль в прозрачном
блеске мая.
В окне открытом упоенный сад
Задумчиво дремал в ночном по-
кое;
К ним в комнату струили аро-
мат
Росистые сирени и левкои.
И вот, из мрака выпорхнув
стремглав,
Покинув ложе благовонных трав,
В окно влетел веселый мотылек,
И биться стал о белый потолок,
И, очертив волнообразный круг,
На пламень свечи налетел он
вдруг.
Он налетел, — раздался звук глу-
хой —

Так чикают ружейные осечки, —
И мертвым пал, обманутый меч-
той,
На стеарин обтаявшей свечи.
А музыки торжественный прилив
Всё выше рос... кипел и волновал-
ся...
Над смертью звук ликующий сме-
ялся
И жизнь будил, надежды схоро-
нив.
В своем углу, угрюм и одинок,
Как бурею расшатанный челнок,
Весь ревностью мучительной око-
ван,
Весь звукам, и разбит и очарован,
Влюбленный паж томился и мол-
чал.
И блеск свечей, все дальше уплы-
вая,
Его очам денницу зажигал
Прекрасного, но гибельного рая...
И вот аккорд... Еще один аккорд,
И смолкло все! Как изваянье блед-
ный,
Он все молчал, угрюм мечтой по-
бедной
И ревностью мучительною горд...

Все кончено! Яснеет небосклон.
Шатаясь, от Фанни вышел он, —
И ночь не спал: всё плакал, всё томился,
И утром, на заре, он с жизнью
простился,
И с громом выстрела исчезла
жизнь, как сон.
Рассеялся дымок, и вместе с синим
дымом
Исчезла страсть пажа в дыму
неуловимом,
Как греза бледная, как звук из-под
курка, —
Развевалась любовь, развевалась
тоска!
Он умер! Почему? У всех один ответ,
Мучительный, как ложь: причина —
неизвестна!
Ужели юности в просторном мире
тесно?
Ужели тесным дням простора в
жизни нет?

5

И вот пришла весна... За той весной сияет

Весна, еще весна. Промчалось
пять лет.

Надгробный крест подгнил, и на-
сыпь оползает,

Где юноша зарыт, едва увидев
свет.

О нем забыли все; любовь роди-
тель нежный,

Вздыхая, перенес на младших сы-
новей.

Товарищ молодой кончиною мя-
тежной

Недолго волновал изменчивых
друзей,

Как утренний туман он в памяти
их таял...

Косясь на ветхий крест, могиль-
щик говорил

Другому: "Мне отец Порфирий но-
не баял —

Могилку эфту скрыть, вишь дож-
дик всю размыл!"

Весна живила все чарующим при-
ходом,

Но каждая весна, под ясным небо-
сводом

Даря свои мечты, даря свою лю-
бовь,

*С уходом все брала, все скупо уносила.
И каждая весна, как новая могила,
Надежды хороня, цветы рождала
вновь...*

Апрель 1892

ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

Баллада

*Жил маленький принц в позлащенном чертоге,
Его осеняла с младенческих дней
Счастливая доля; не знал он тревоги,
Ни строгих упреков, ни робких детей.*

*Без сверстников рос он, не видел он сверстниц,
Его замыкал очарованный круг;
Он видел лишь стражу на мраморе лестниц
И видел поклоны блистающих слуг.*

Прелестные рощи дворец окружали.

В душистой прохладе тенистых аллей

Из каменных гротов каскады журчали,

И шум их падучий был вихря звучней.

Над зеркалом вод, окаймленных цветами,

Мосты выгибали узоры перил.

Из вазы бассейна, серебрясь под лучами,

Фонтан поднимался и брызги дробил.

Все было забавой для юного принца:

Лужайки, и гладь серебристых озер,

И кроткие звери, под сенью зверинца,

Ему услаждали и тешили взор.

Где высились пихты на мягких пригорках,

Бродила кудрявых барашков се-

мья,
Ручные лисицы в искусственных
норках
Пугливо дремали, лукавство тая.

Под алой, попоной ушатый осле-
нок
С веселой газелью неловко играл.
Задумчивый аист, и важен и то-
нок,
У плетня резного как сторож дре-
мал.

Отбившись от рук замечтавшейся
няни,
Царевич бежал к бессловесным
друзьям.
К нему подбегали покорные лани,
И корм подносил он к их влаж-
ным губам.

Бежал он к озерам, где стройно
темнели
Кусты молодые, теснясь в полу-
круг,
Где, быстры, как змейки, стека-
лись форели
И крошки ловили из царственных

рук.

*Как весело было малютке тере-
бить
Росою обрызганный куст у пруда,
Где вдруг был разбужен испуган-
ный лебедь,
И шумно от крыльев вскипала во-
да.*

*Но только все чаще, асе больше с
годами
Счастливого принца темнили
мечты.
Он думал: зачем за моими сада-
ми
Возвысились стены, как вражьи
щиты?*

*Те стены его ограждали от мира,
От гневной борьбы, от несчаст-
ных людей,
А принц жил для счастья: венец и
порфира
Должны быть невинней небесных
лучей.*

Со взором ребенка, с душою по-

эта,
Смиранный наставник ему гово-
рил,
Что там, за стеною, сокрыта от
света
Толпа светозарных, таинствен-
ных сил.

Они ему ткут кружева на подуш-
ки,
И шелк для одежды, и ткань на
ковры.
И феи оттуда приносят игрушки
Ему с недоступной, высокой горы.

"А можно их видеть?" — принц
спрашивал робко.
"Нельзя, недоступно!" — он слы-
шал в ответ.
И детским разбегом пробитая
тропка
Все шире к стене пролагала свой
след.

Чуть ветер вершины дерев зару-
мянит,
Ребенок бежит к неприступной
стене,

На цоколь статуи задумчиво
встанет
И долго мечтает в немой тиши-
не.

Какие счастливицы живут за сте-
ною?
О, если хоть раз заглянуть бы ту-
да!
И много видений лучистой тол-
пою
В уме проплывают, бегут без сле-
да.

И долго сидит у стены он, взды-
хая.
Он мнит, что под вечер взойдет
за стеной
Луна в небесах, но луна не такая,
Какую он видит всегда над собой.

А там, за стеной, суетою и тор-
гом
Жизнь дико шумела, как в море
гроза.
Он ждал, он кипел непонятым
восторгом,
Уста улыбались, пылали глаза.

На пряжках чулок развязались
банты.

Темнело. Туман поднимался с
земли.

Вечернюю зорю играли куранты;
И звуки, как слезы, в затишье тек-
ли.

День снова ушел. Он, как прежде,
не знает,

Что скрыл так ревниво стеною
чертог?

Когда ж он загадку свою разгада-
ет,

Когда же отпустят за темный
порог?

И слышит в ответ он: увидит, по-
спеет!

Увидит, что скрыто за крепкой
стеной

Тогда лишь, как пух над губой за-
чернеет

И ростом он будет с дубок моло-
дой.

И вот над губою усы затемнели,
Он строен, он вырос с дубок моло-

дой,
Заздравные кубки в чертоге звене-
ли,
Приветствуя принца с расцвет-
шей душой.

Но, чокаясь дружно ответным
бокалом,
Улыбкой даря обольщенных го-
стей,
Принц нежною думой следит не
за балом,
И ждет не дождется рассветных
лучей!

Он жаждет увидеть желанное
чудо,
Что скрыто стеною, как мраком
завес.
Какие он перлы добудет оттуда,
Чем гордость насытит из мира
чудес?

Он ждет и трепещет огнем лихо-
радки,
Он кудри пышной разметал по
плечу,
Оправил плаща драгоценные

складки,
И весь он сияет, подобно лучу.

По лестницам звучным принц шествует бодро,
Он рад, что дождался свободного дня,
И треплет коня горделивые бедра...
Вот шпорами брякнул, — и сел на коня.

Раскрылись стены. Принц едет —
и что же
Он видит, свергая тяжёлый запрет?
Как мало все это на грезы похоже,
На сны золотые младенческих лет!

Сырая дорога чернеет неровно:
У стен заповедных теснятся кругом
Какие-то камни, и щебень, и бревна,
Кирпич и рогожи, и кучи с песком.

*В тяжелых одеждах поспешные
люди
Снуют с озабоченным мраком ли-
ца...
Так вот о каком он загадывал чу-
де!
Так вот что скрывалось за пар-
ком дворца!*

*Он едет в селенье. Как мрачно! За-
ране,
Приветствуя славного принца
приход,
Спешит в драпировки, гирлянды и
ткани
Скрыть ветхую бедность тща-
тельный народ.*

*Но что ж не скрывает он копоть
одежды,
Убогие дровни и жалких коней?
Царевич бледнеет, и меркнут на-
дежды
Пред горькою правдой прозревших
очей.*

*Так вот эти гномы, кем созданы
парки,*

Кем создан его величавый чертог.
Так вот эти феи, что слали по-
дарки
К нему, чтоб он счастьем насы-
титься мог!

Задумчиво едет царевич обратно.
И грустно он входит под своды
дворца.
Теперь ему стало несчастье по-
нятно,
И нет ему счастья под кровом
отца.

Он бархат свой роздал, он меч
свой забросил,
Былые забавы постыли ему.
На лодке любимой не слышен
плеск весел,
Не будит звук арфы вечернюю
тьму.

Он чаще, все чаще чертог покида-
ет,
Он учится жизни в иной стороне.
И радость былая дымится и та-
ет,
Как воск ароматный на ярком ог-

не.

Беднее одежда на ласковом принце,
Грустнее мерцанье стыдливых очей,
И перстень не блещет на белом мизинце:
Он голоду брошен в пучину страстей.

Принц темные кудри остриг; как невольник,
До ночи глубокой скрывается он,
Где жизнь и жужжит и хлопочет, как пчельник,
Как будто бы ищет умчавшийся сон.

И скоро покинут был принцем печальным
Дворец заповедный. Напрасно гонцы
Искали по странам, и ближним и дальним,
Надменно стучая в чужие дворцы.

*Принц — сгинул! Исчез, как залетная птица,
В рассветном тумане... Как вздох отошел!
И если погиб он, то где же гробница?
И если живет он, то где же престол?*

1897

ПОЭЗИЯ — БОГ

*Посвящается памяти
А. С. Слуцкого*

*Когда его судьба не мучила сурово
И в небеса мечты волшебные
влекли,
Как часто повторял он с детства
это слово:
"Поэзия есть бог в святых мечтах земли".*

*Тогда он жизнь любил и веровал
так страстно
В поэзию, в добро, в свободу и любовь,*

Что даже родители подшучивали
властно
И на его восторг — нахмуривали
бровь.

Он с ранних лет стал петь, все
больше о небесном:
О вечности, любви, о грезах и цве-
тах;
Он в мире не хотел исчезнуть
неизвестным,
Кончина ранняя вселяла тайный
страх.

Наивный юноша, он думал, что со
славой
Богатстве и почет к нему вер-
нутся в дверь,
И вот чрез тридцать лет, с мучи-
тельной отравой,
С отчаяньем в груди, терзается
теперь.

Меж тем как где-нибудь в забро-
шенном селеньи
Счастливый юноша досужим ве-
черком
Восторженно твердит в его сти-

хотвореньи
Созвучья легкие, склоняясь над
столом;

Меж тем как стих его, затвер-
женный украдкой,
Девуца юная строчит в альбом
подруг
И говорит о нем в мечтах с улыб-
кой сладкой:
"Как счастлив, кто создал такой
волшебный звук!

Должно быть, он красив и сме-
лым взором ясен.
О если бы его увидеть, хоть вда-
ли!..
И это потому, что мир мечты
прекрасен:
Поэзия есть бог в святых мечтах
земли!"

А он, создатель строф, волну-
ющих так нежно,
Певец восторженной любви и кра-
соты, —
Нахмурен, голоден, одет всегда
небрежно,

Не может выбиться из бед и нищеты.

Подруга, что, пленясь прекрасными строфами,
С ним разделяла жизнь, насмешливо ушла
И музу прокляла, игравшую сердцами, —
Затем что бедностью истерзана была.

Ей надоело жить в священных недостатках,
Блестящей прозой ее с ума свели;
И шепчет вновь она в алмазах и перчатках:
"Поэзия есть бог в святых мечтах земли!"

Поэта же язвят то клеветой, то сплетней.
Укоры рвутся с уст и сердце боль щемит.
О, лучше б жизнь прожить глупей и незаметней,
Чем вечно ощущать позорный жар ланит!..

Вот и теперь идет он городом
огромным;
Вновь скоро Рождество и скоро
Новый год.
Морозит... Снег хрустит... И силу
этом темным
Поспешно тень его озябшая идет.

Повсюду суета... Движение на
рынках...
Пред конками толпы, разносчики
кричат
И машут новыми журналами в
картинках.
Весь в белом инее Александрин-
ский сад.

Здесь бюстов много есть писате-
лей-собратьев...
Счастливые! Им нет забот зем-
ного дня!
И крепко держит их мороз в своих
объятьях,
Но крепче их металл — без крови
и огня!

И, голову склонив, как бы пугаясь
дали,

Певец "Светланы" здесь... Остано-
вись, внемли!
Ты видишь письма на сером пье-
дестале:
"Поэзия есть бог в святых меч-
тах земли!"

А дальше в золотом шеломе Иса-
акий,
Адмиралтейства шпиг вознесся,
как стрела.
Мороз крепчает все... Торопится
не всякий.
И медленно толпа на Невский по-
плыла.

В редакции тепло. Свет льется из
камина.
Канторщики гремят "ренгтон-
кою"... Часы
Уныло тикают. К нему идет
мужчина,
Изящен, надушен, закручены усы.

"У нас довольно есть из вашего... К
тому же,
Редактор обещал не помещать
стихов..."

Авансы не даем: дела у нас все хуже!" —

Раскланялся, сказал: "pardon" — и был таков!

И вот поэт опять на улице холодной.

Движенье, суета... Зажглись огни вдали...

И едут, и идут... И мыслит он, голодный:

"Поэзия есть бог в святых мечтах земли!"

Толкнулся в новую редакцию. В ней — то же.

И подозрительно курносый господин

Смотрел через очки, как будто думал: божже,

Уже не сыщик ли от кружковых дружин?

Зашел к приятелю... Тот хмурится — без денег,

Бранит издателей, пальто стащил в ломбард.

Опять схватил бронхит, бродя

весь день без денег,
И не на что побрить проросших
бакенбард.

И вот поэт идет к приятелю дру-
гому...
Тот — как сапожник пьян и пот-
чует вином.
Напился и поэт. Идет, шатаясь, к
дому.
И на ночлег попал он в полицей-
ский дом.

Он бредит, он не спит, он брошен
в яму волчью,
Косматые тела вокруг него лег-
ли,
И шепчет кто-то злой, с иронией
и желчью:
"Поэзия есть бог в святых меч-
тах земли!"

Сочельник... В окнах свет. Повсю-
ду на витринах
Сверкает мишура для елочных
прикрас.
Как шумно в улицах! Как людно в
магазинах!

Трамваи движутся... Уже деся-
тый час!

Нет денег ни гроша у бедного по-
эта,
Все строго косятся, смущаяся
его.
И в озлоблении он думал: песня
спета!..
Не нужен никому! Не надо ниче-
го!..

И, грустный, он пришел в холод-
ную каморку.
Насмешливо глядят портреты со
стены,
Как будто говорят: глодай сухую
корку!
Забудь, забудь свои осмеянные
сны!

И, в бешенстве рукой бессильно
потрясая,
Бросает он в огонь тетради про-
шлых дней
И говорит, смеясь: "Да, муза доро-
гая,
Поэзия есть зверь, пугающий лю-

дей!”

А ночь уже плыла над городом
блестящим,
Спокойно ночь плыла над льди-
стою рекой,
Плыла над рощами, светила
мерзлым чащам,
Светила кладбищу усопшею лу-
ной.

И там, на небесах, в созвездиях
Медведиц,
В лучистом бисере, в сверкающей
пыли
Серебряных миров, услышал пес-
нопевец:
"Поэзия есть бог в святых меч-
тах земли!"

1900

Переводы

Вильям Шекспир

Сонеты[2]

107.

*Ни собственный
мой страх, ни дух, что мир тре-
вожит,*

*Мир, замечтавшийся о
будущности дел,
Любви моей года опреде-
лить не может,*

*Хотя бы даже ей гото-
вился предел.*

*Смертельный месяц
мой прошел свое затменье,*

*И прорицатели смеют-
ся над собой,*

*Сомнения теперь смени-
ло уверенье,*

*Оливковая ветвь прино-
сит мир благой.*

*Благодаря росе, ниспав-
шей в это время,*

Свежей моя любовь и

смерть мне не страшна,
Я буду жить назло в
стихе, тогда как племя
Глупцов беспомощных
похитить смерть должна,
И вечный мавзолей в
стихах, тобой внушенных,
Переживет металл ти-
ранов погребенных.

108.

Что может мозг со-
здать, изобразить чернила,
Как может передать
мой дух восторг любви,
Что нового сказать; где
творческая сила,
Чтоб выразить любовь
и качества твои?
Ничто, мой юноша пре-
красный, — но порою
Счастливо повторять я
каждый день готов
Все то же самое молит-
вою святою:
Твоя любовь во мне, в
тебе моя любовь.
То вечная любовь, ее не

разрушает
Стремленье времени завистливым серпом,
Перед морщинами она
не отступает
И старость делает навек своим пажом,
Предчувствуя, что
мысль любви рождается там,
Где внешностью любовь
подобна мертвецам.

109.

О нет, не говори, что
сердцем пред тобою
Я изменил, хотя слабей
в разлуке пыл.
Скорей расстануся без
страха сам с собою,
Но не с душой, что я в
тебе похоронил.
Любовь моя — очаг, и если я скитаюсь,
То возвращаюсь вновь к
нему, как пилигрим;
Сам приношу воды, с дороги омываюсь,
Стирая пятна, пыль, —

и греюсь перед ним.

*И если есть во мне те
слабости, так трудно,*

*Так горячо у всех волну-
ющие кровь,*

*То и тогда не верь, чтоб
мог я безрассудно*

*Растратить без тебя
всю страсть и всю любовь, —*

*И верь — вселенную я ни
во что не ставлю,*

*Тебя, о роза, я одну люб-
лю и славлю.*

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих Юноша у ручья[3]

юный

полн,

кая,

плеске волн.

мчатся,

У ручья красавец

Вил цветы, печали

И глядел, как, увле-

Гнал их ветер в

"Дни мои текут и

чейке,
юность,
венке!

му я
шой
улыбнулось
весной.
чий,
весне,
волнуя,
во мне.

пока

Словно волны в ру-
И моя поблекла
Как цветы в моем

Но спросите: поче-
Грустен юною ду-
В дни, когда все
С новорожденной
Эти тысячи созву-
Пробуждаясь по
Пробуждают, грудь
Грусть тяжелую

Утешение и радость
Мне не даст весна,
Та, которую люблю

я,
ка...
тоскуя, руки, —
кий бред...
женство —
нет!

И близка и дале-
К ней простер,
Но исчез мой слад-
Ах, не здесь мое бла-
И покоя в сердце

О, покинь же, доро-
Гордый замок над
Устелю твой путь
Подаренными вес-
При тебе ручей яс-
Слышны песни в
Высоте, —
просторно
те".

Очарованной че-

Биография

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ родился 18 (30) мая 1862 в Петербурге. Дед его, как сообщает сам Фофанов, «был привезен в Петербург двенадцатилетним мальчиком из Олонецкой губернии», работал «мыльщиком в бане», но в конце концов выбился в люди — стал «купцом третьей гильдии и уже имел кожевенную лавку». «Отец... имел лесной двор». Систематического образования не получил — учился в дешевых частных пансионах, много читал: «десяти лет почти знал наизусть Горе от ума и обожал Пушкина».

Писать стихи начал в отрочестве, в четырнадцать лет подражал Некрасову, в шестнадцать-восемнадцать увлекся Библией и написал множество стихотворений на библейские темы в возвышенно-народническом духе. Одно из них в 1881 появилось в газете «Русский еврей» под псевдонимом. Другое, Таинство любви, написанное в 1885 и напечатанное в 1888 в журнале «Наблюдатель», вызвало разбирательство в Синоде и закрытие журнала. Оно было уже едва ли не сотой публикацией:

Фофанов постоянно печатался в иллюстрированных изданиях и в суворинской газете «Новое время», а в 1887 почти все написанное было собрано в книге «Стихотворения». За год до этого поэт «безвременья» 1880-х годов С.Надсон приветствовал в лице Фофанова «большое дарование чисто художественного оттенка». Литературный обозреватель «Нового времени» В.Буренин, со своей стороны, противопоставлял «наивную, небрежную, даже порой неряшливую музу» Фофанова «фразистой рутине» Надсона и надсоновщины. Первый же сборник Фофанова привел в восторг И.Репина, который познакомился с поэтом, написал в 1888 его портрет и оставался другом Фофанова до конца его дней. При активной поддержке Я.П.Полонского сборник был выдвинут на соискание Пушкинской премии Академии наук, которой, впрочем, не получил из-за языковых и стилистических вольностей автора. Их отмечали и более снисходительные читатели (в том числе Толстой, Лесков и Чехов), но относили за счет поэтической непосредственности.

Мечтательная меланхолия, устремлен-

ность в «сказок мир воздушный», «поэзия полутонов и полузвуков, передающая душевное состояние, промежуточное между радостью и горем» (Г.Бялый) — все это было вполне созвучно «сумеречной» эпохе, и недаром время от смерти Надсона (1887) до смерти Александра III (1896) критики именуют «фофановским» периодом истории русской поэзии. Первый сборник имел умеренный, но несомненный успех, и издатель «Нового времени» А.С.Суворин, не без оснований считавший Фофанова своей креатурой, выпустил в 1889 его вторую книгу под тем же непритязательным заглавием. Третья книга Фофанова называлась «Тени и тайны» (1892). В том же году в издании «Московской иллюстрированной газеты» вышла его пространная повесть в стихах. Барон Клакс — своего рода переделка Евгения Онегина. Итоговым можно считать стихотворное собрание в пяти частях, выпущенное в 1896 тем же Сувориным; его дополняет сборник «Иллюзии» (1900).

В 1887 году поэт женится на Лидии Константиновне Туполевой — красивой девушке, самоотверженно любившей его. История люб-

ви была романтична. Они познакомились, когда она была 14-летней восторженной гимназисткой, увлеченной его стихами.

Переживший в начале 1890-х годов тяжелое психическое заболевание и страдавший алкоголизмом Фофанов прожил последние десять лет жизни — первую декаду нового столетия — в пьянстве и нищете. По-прежнему многочисленные стихи его (всего им написано свыше 2000 стихотворений, не считая поэм, сказок, баллад и т. п.) печатались в массовых газетах и журналах; он подготовил к печати еще два сборника: «Эфиры» (стихотворения 1901–1906) и «Крылья и слезы» (стихотворения 1907–1911), но издателя для них не нашлось. Удалось опубликовать лишь две тоненькие брошюры: После «Голгофы» (1910) и поэму в октавах «Необыкновенный роман» — опять-таки «переделку» пушкинского Домика в Коломне. Читатели Фофанова остались в прошлом; стихи в лучшем случае не имели отклика (Блок в 1910 назвал их явлением «нововременской культуры»). Однако же и Мережковский, и Брюсов, и Горький относились к нему с почтением и безусловной симпатией.

ей; сын его, взявший звучный псевдоним Олимпов, был вместе с начинающим Игорем Северянином основателем «эгофутуризма», предтечами которого Северянин провозгласил Фофанова и поэтессу М.Лохвицкую. И программа, и самое существование «эгофутуризма» крайне сомнительны; однако некоторая преемственность все же наблюдается. К поэзии Северянина в немалой степени относится типологическая характеристика, данная творчеству Фофанова в Очерках по истории русской литературы (СПб, 1907) С.Венгерова: «Он почти никогда не берет русских сюжетов, а удаляется — за море, в Японию, в Палестину, в Скандинавию, в сказочное царство царевича Триолета, потому что это освобождает его от обязанности описывать точно и определенно... в его видениях реют только эльфы, феи, мелькают заморские царевичи, рыцари... часто стихотворения его обуславливаются не содержанием, а музыкальными особенностями того размера, который его в данный момент пленил». Отмечает Венгеров и «нарядность поэтического стиля, переходящую в крайнюю вычурность». При всех этих свой-

ствах творчество Фофанов признается, однако, своеобразным, существенным и в известной мере плодотворным явлением русской поэзии конца 19в.

Умер Фофанов в Петербурге 17 (30) мая 1911.

Фофанов К. М.: Библиографическая справка

ФОФАНОВ, Константин Михайлович [18(30).V.1862, Петербург — 17(29).V.1911, там же] — поэт. Отец — выходец из крестьянской семьи, купец в первом поколении, мать — крестьянка. Ф. не получил систематического образования, хотя начинал учиться в частных пансионах Эме и Кестнера, а также в городском училище Петербурга, но учебу оставил, не закончив 2-го класса. Творческая биография Ф. складывалась как бы вопреки господствующему литературному этикету. Первое его стихотворение было напечатано в газете "Русский еврей" (1881.- 8 июля), затем благодаря поддержке П. И. Вейнберга он публиковался в "Литературном обозрении", имевшем либеральную репутацию. В конце же 80 гг. он становится постоянным сотрудником газеты "Новое время", издаваемой А. С. Сувориным, от которой с 1888 г. получал постоянное жалованье и др. финансовую под-

держку. Но связь с этим изданием на протяжении всей жизни не мешала Ф. печататься в журналах различной ориентации: "Век", "Живописное обозрение", "Всемирная иллюстрация", "Устой", "Игрушечка", "Родник", "Новь", "Звезда", "Восход", "Север", "Наблюдатель", позднее — "Северный вестник", "Московская газета", "Наше время", "Русское богатство", а также во многих иллюстрированных изданиях. Почти все сборники стихов Ф., кроме первого — "Стихотворения" (1887) и третьего — "Тени и тайны" (1892), были изданы у Сувориной: "Стихотворения" (1889), "Иллюзии" (1900), а также вышедшее в 1896 г. собрание стихотворений в пяти частях (Ч. 1 — "Маленькие поэмы"; Ч. 2 — "Этюды в рифмах"; Ч. 3 — "Снегурочка"; Ч. 4 — "Майский шум"; Ч. 5 — "Монологи"). Жизнь Ф., несмотря на постоянную поддержку высоко ценивших его талант деятелей культуры (И. Е. Репина, К. К. Случевского, А. К. Шеллер-Михайлова, А. С. Суворина), протекала в бедности и нищете. Ф. являлся единственным кормильцем большой семьи, где было 9 детей, и при этом страдал хроническим алкоголизмом. В конце 80 гг. перенес на

этой почве галлюцинаторное помешательство, окончательно подорвавшее его здоровье. Современникам Ф. запомнился в образе "глубоко несчастного, приниженного жизнью, надорванного человека — образ, так странно контрастирующий с впечатлением от его лучших вечно-юных стихов" (Перцов П. П. Литературные воспоминания, — М.; Л., 1933. — С. 189). Умер Ф. в полном одиночестве.

"Поэт милостью божией" — эти слова чаще всего использовали для характеристики Ф. Но в них следует видеть не только восхищение природной одаренностью, но и признание очевидного факта, что всем лучшим в своих стихах Ф. был обязан исключительно природному дару: ни образования, ни широкого кругозора, ни способности к саморазвитию у поэта не было. Все поклонники Ф. видели в нем не только осуществленные, но и погибающие возможности. Напр., А. Н. Майков, назвав Ф. "самым лучшим, самым талантливым, самым крупным поэтом, приближающимся к Пушкину", посетовал: "В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и, будь он начитан и образован, это была бы гордость рус-

ской литературы" (Наша старина.- 1916.- № 6. — С. 517).

Ф. редкий для конца XIX в. поэт города по преимуществу, где протекала большая часть его жизни. Но его урбанизм не имеет нарочитого и программного характера. Приметы городской жизни: "газовые рожки", "общественные кареты", "сумрак неосвещенных лестниц" — вплетаются в его стихи наряду с грезами, соловьями и розами. Не эти реалии сами по себе определяют целостный смысл стихотворений Ф., главное в которых — богатая и причудливая фантазия поэта, способная преобразить самую прозаическую обстановку: "Не правда ль, все дышало прозой, / Когда сходились мы с тобой? / Нам соловьи, пленившись розой, / Не пели гимны в тьме ночной... / А посмотри — в какие речи, / В какие краски я облек / И наши будничные встречи, / И наш укромный уголок!.." ("Не правда ль, все дышало прозой...", 1885). В свойственном стихам Ф. свободном соединении возвышенной действительности и прозаических реалий современники видели дисгармонию. Критики возмущались прозаизмами в стихотворении

"Дачная прогулка" (1881), где сказано: "Верно, давно поджидает нас дома / Чай золотистый со свежую булкой... / Глупое счастье, а редким знакомо!" "Поэзией резких и мучительных диссонансов" назвал стихи Ф. Д. Мережковский (О причинах упадка и о новых течениях современной русской поэзии. — Спб., 1893. — С. 87). Но поэт, во многом предвосхитивший блоковскую тему "мещанского житья" блоковских стихов о городе, не ощущает дисгармонии, в его стихах, исполненных подчас самых прозаических подробностей, слышится "все тот же безумно-вдохновенный, юношески-восторженный тон" (Гриневиц П. Ф. — С. 308). Даже известный призыв Ф. уйти "от пыток будничных минут" "в лазоревые гроты фантазий и причуд" (стихотворение "Блуждая в мире лжи и прозы...", 1887) для самого поэта не содержит трагического противопоставления мечты и действительности, поскольку в его воображении они свободно соединяются. По тонкому наблюдению Ивана Коневского, в поэзии Ф. "горят самые жгучие терзания сердца и бьют ключом страстные ликования в каком-то необъятном и внутренне уравнове-

шенном кипении" ("Северные цветы" на 1901 год. — М., 1901. — С. 186–187). Внутренняя уравновешенность мировосприятия Ф. как бы снимала антитезы, примиряла дисгармонию отдельных образов.

Лирика Ф. чужда проповедничеству, чем резко отличается от поэзии С. Я. Надсона. "Ф. не принес с собой в литературу какой-нибудь идеи, которую он мог бы или должен был проповедовать, отстаивать, защищать" (Кранхфельд В. В мире идей и образов. — Спб., 1912. — Т. 2. — С. 188). У Ф. нет высказываний программного характера, он никогда не пытался систематизировать и изложить свои взгляды. Исключением следует назвать отрывок из письма А. Кауфману (опубл. после смерти Ф.), где поэт излагает свое кредо: "Мы, живущие в больших городах, бегущие в погоне за призраками благополучия, мы часто теряем свою нравственность, душу свою, как теряют зонтики и галоши в швейцарских при большом съезде гостей... Народ и его простой, доверчивый труд всегда служит и служил маяком нашему обществу" (Вестник литературы. — 1921. — № 8 (32). — С. 5).

С. А. Венгеров писал, что творчество Ф. "почти отрешено от условий места и времени. Он живет в своем особом мире неясных видений и смутных настроений и отдается песнопению почти бессознательно..." (Венгеров С. А. — С. 141). В. Я. Брюсов включил статью о Ф. в раздел "Поэты-импрессионисты" сборника "Далекие и близкие" рядом со статьями об А. А. Блоке и И. Ф. Анненском, хотя сам Ф. о существовании импрессионизма вряд ли подозревал. Прихотливые образы в стихах Ф. связываются единством настроения, поэта мало заботит достоверность подробностей; критика неоднократно иронизировала над его образом "луны двурогий диск", появившемуся задолго до брюсовского "всходит месяц обнаженный при лазоревой луне..." ("Тень несозданных созданий..."). "Как вам нравится определение сказок — "задумчиво-чудные"? — писал П. Ф. Якубович о стихотворении Ф. "Звезды ясные, звезды прекрасные..." (1885). — Не все ли это равно, что, например, сказать: "твердо-грустные" или "желто-холодные"?" (Гриневич П. Ф. — С. 303). Лирическая зыбкость образной структуры, мелодичный и

легкий стих, а также любовь к снам, фантазиям, сказочным образам, ко всему, где содержалась некая недосказанность, делало поэзию Ф. близкой импрессионизму. Но наряду с этим у Ф. было немало стихов сюжетных, повествовательных, каковы рассказы в стихах "Барон Клаке" (1892) и "Необыкновенный роман" (1900); поэмы "Старый дуб" (1887), "Волки" (1889), "Ревнивый муж" (1892), сказки "Каменотес" (1885) и "Очарованный принц" (1900).

Литературной репутации Ф. очень вредило многописание, это был один из плодовитейших поэтов, оставивший почти полторы тысячи произведений. При этом Ф. был вынужден ради заработка печатать почти все, что писал. Поэтому его творчество, взятое в целом, очень неравнозначно, наряду с замечательными стихами есть слабые и банальные. Но в избранных стихах Ф. предстает как поэт большой, оказавший заметное влияние на современников. П. Перцов даже называл "фофановским" целый период развития русской поэзии, начиная от смерти Надсона (1887) и до появления первых характерных

произведений символистов (1895), подчеркивая этим определяющее воздействие Ф. на современников.

Несмотря на то что Ф. принадлежит обличительное стихотворение "Декадентам" (1900), где звучит грозная инвектива в адрес символистов, он оказал существенное влияние на творчество модернистов разных поколений. Брюсов печатал его стихи в символистском альманахе "Северные цветы" и называл в числе предтеч и учителей. Культ Ф. создали эгофутуристы, посвятив ему ряд стихов и специальный сборник: "Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова" (Пб., 1912). Ревностным поклонником Ф. был Игорь Северянин, чьи первые шаги в литературу совершались при поддержке Ф., а также сын Ф. Константин, печатавшийся под псевдонимом Константин Олимпов.

В истории поэзии творчество Ф. наряду с творчеством К. К. Случевского стало соединительным мостом между классической русской поэзией, традицией, идущей от А. А. Фета, и лирикой русского модернизма.

Соч.: Стихотворения / Вступ. ст. М. Клема-
на. — М., 1939: Поэты 1880-1890-х годов / Вступ.
ст. Г. А. Бялого. — М.; Л., 1964; Стихотворения /
Вступ. ст. Г. Цурикова. — М.; Л... 1962.

Лит.: Брюсов В. Я. К. М. Фофанов // Собр.
соч.: В 6 т. — М., 1975. — Т. 6; Венгеров С. А.
Очерки по истории русской литературы. —
Спб., 1907. — С. 139–143; Гриневич П. Ф. (П. Ф.
Якубович). Очерки русской поэзии. — Спб.,
1911. — С. 300–308.

Е. В. Иванова[4]

ФОФАНОВ, Константин Михайлович[5]

Фофанов (Константин Михайлович) — даровитый поэт. Родился в Санкт-Петербурге 18 мая 1862 г. Дед его был крестьянин Олонецкой губернии, отец торговал дровами и записался в Санкт-Петербургские купцы. Крайняя нервная возбужденность составляет отличительную черту семьи. Ф. не получил систематического образования и только некоторое время учился в частных пансионах. Уже в 8 — 10 лет он стал подбирать рифмы; в печати его стихи впервые появились в "Русском Еврее" 1881 г. С тех пор он исключительно посвятил себя литературной деятельности и поместил огромное количество стихотворений в разных изданиях, преимущественно в иллюстрированных журналах и в "Новом Времени". Отдельно вышли сборники: "Стихотворения" (Санкт-Петербург, 1887); "Стихотворения" (Санкт-Петербург, 1889); "Тени и Тайны" (Санкт-Петербург, 1891); "Стихотворения" (Санкт-Петербург, 1896, в 5 небольших частях,

под особыми заглавиями: "Маленькие поэмы", "Этюды в рифмах", "Майский шум", "Снегурочка", "Монологи"); "Иллюзии" (Санкт-Петербург, 1900). В 1900 г., в одном из томиков лейпцигской "Universal Bibliothek" Реклама, появился немецкий перевод его стихотворений, принадлежащий Ф.Ф. Фидлеру. Поэзия Ф. представляет собой редкий образчик творчества, почти отрешенного от условий места и времени. В одном из лучших своих стихотворений, служащем эпиграфом к первому сборнику его, он говорит о себе: "Звезды ясные, звезды прекрасные нашептали цветам сказки чудные, лепестки улыбнулись атласные, задрожали листья изумрудные. И цветы, опьяненные росами, рассказали ветрам сказки нежные — и распели их веты мятежные над землей, над волной, над утесами. И земля, под весенними ласками наряжаяся тканью зеленой, переполнила звездными сказками мою душу безумно влюбленную. И теперь, в эти дни многотрудные, в эти темные ночи ненастные, отдаю я вам, звезды прекрасные, ваши сказки, задумчиво чудные". Эта высокопоэтическая автобиография дает точное ука-

знание источников творчества Ф. Как поэт, он не от мира сего, живущий в своем особом мире неясных видений и смутных настроений. Если он часто говорит о цветах, о садах, о лесах, то это все понятия почти отвлеченные, без тех более точных признаков, которые сообщают индивидуальность описанному предмету. О никогда невиданном юге он говорит несравненно чаще, чем о родной северной природе. В его стихах почти нет ни русской природы, ни русской истории, ни русского быта. Отрешенность его от среды так велика, что даже в переложениях разных легенд и сказаний, он почти не берет русских сюжетов, а удаляется далеко за море, в Японию, в Палестину, в Скандинавию, в сказочное царство царевича Триолета, потому что это освобождает его от обязанности описывать точно и определенно и дает возможность ограничиваться только общими, смутными контурами. Самый язык этого сына и внука крестьянина, в чисто художественном отношении прекрасный, не имеет в себе ничего специфически русского; в аксессуарах его нет русских поверий и русского быта, в его видениях реют

только эльфы, феи, мелькают заморские царевичи, рыцари и т. п. Отсюда чрезвычайная нарядность его поэтического стиля, в стихотворениях неудачных переходящая в крайнюю вычурность. Ф. чужд каких бы то ни было "тенденций", не принадлежит ни к каким литературным лагерям. По общему складу поэзии его зачисляют в школу "чистого искусства", но вместе с тем в нем нет и следов того тенденциозного и чисто полемического убеждения от "гражданских" тем, которое составляет характерную черту многих новейших представителей школы "искусства для искусства". Напротив того, в те редкие минуты, когда Ф. спускается на землю, он говорит подчас о "вздохах нищеты больной", сочувственно относится к тому, что муза, которая прежде "не внимала крику человеческих страстей", теперь "братства, мира и свободы вокруг бросает семена" и стала "гением прекрасным пробираться на чердак". — Отсутствие тенденциозности в Ф. находится в тесной связи с тем, что он — яркий представитель почти бессознательного творчества, отдающегося песнопению, по немецкой эстетической форму-

ле, wie der Vogel singt. Отдельные фразы и рифмы как бы сами собой у него складываются; часто стихотворения его обуславливаются не содержанием, а музыкальными особенностями того размера, который его в данный момент пленил. Это сказывается и в том, что Ф. совершенно лишен способности отделять свои стихотворения; сборники его полны поразительных недостатков и прямых курьезов. Все указанные особенности придают поэтической деятельности Ф. характер очень своеобразный, но далеко не к выгоде общего впечатления. Одаренный от природы безусловно оригинальным и самобытным талантом, который, при большей выдержанности, можно было бы назвать огромным, владея по временам стихом с высокой виртуозностью, давая отдельные образы редкой красоты и пластичности, Ф. почти лишен единства и цельности. Стихотворения его, в огромном большинстве случаев — ряд отдельных аккордов, звучных и красивых, но песня получается очень редко. Вдобавок ему чрезвычайно вредит многописание. Он самый плодовитый русский лирик, написавший более 2000

лирических стихотворений; неудивительно, что он так часто впадает в полнейшую банальность. — Любители поэзии заметили Ф. очень скоро, когда он еще печатался исключительно во второстепенных иллюстрированных изданиях (ср. "Литературные очерки" Надсона, приветствовавшего Ф. еще в 1884 г.). Известностью он стал пользоваться с 1887 г., когда появление первого сборника дало критике возможность обратить внимание большой публики на его свежий и оригинальный талант; но дальнейшая, чрезмерно плодovitая поэтическая деятельность не была в состоянии удержать интерес к нему на прежней высоте. С. Венгеров.

* * *

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге. Отец поэта был небогатым купцом, торговавшим в столице дровами, дед — олонецкий крестьянин. Воспитывался Фофанов в дешевых частных пансионах, хорошего образования не получил. Печататься начал с 1881 г., первая книга его стихотворений вышла в 1887 г. Мрачные десятилетия 80-90-х годов, время политической реакции в стране,

время упадка сил и идейного разброда среди русской интеллигенции, наложили на творчество Фофанова свою резкую печать. Фофанов выступал глашатаем "чистого искусства", стремился в своих стихах уйти от пошлой и грубой действительности в мир волшебной мечты. Сын "больного поколения", он чтит порывы борцов за народное благо, сочувствовал бедным и сирым, но в бессилии перед злом лишь противопоставлял ему чистую, поэтическую природу, слагая романтические сказки о цветах и растениях. Поэзия Фофанова окрашена в минорные тона; для нее характерна особая певучесть, щедрое разнообразие оттенков настроений, запечатленных в их мимолетности, зыбкость и приглушенность лирических образов. Порой его стих, порывистый и нервный, портят банальные "красивости". В 80-е годы Фофанов был одним из популярнейших поэтов. О нем тепло отзывались Лев Толстой, Майков, Чехов, его нежно любил Репин. Фофанов во многом оказался близок символистам, которые объявили его своим предшественником. Жизненный путь поэта был с юности отягощен постоянной нуждой,

болезнью, невзгодами. Слава Фофанова к концу его дней уже закатилась. Умер он, оставив большую семью, полунищим.[6]

Примечания

(для редактора — это конец цикла «Песни в заключении»

[^^^]

Переводы К. Фофанов

Шекспир Вильям. Комедии, сонеты. — Самара: Изд-во "АВС", 2001

OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

[^^^]

перевод К. Фофанова

Фридрих Шиллер. Избранные произведения

Государственное Издательство детской литературы

Министерства Просвещения РСФСР, М.,
1955

[^^^]

Источник: "Русские писатели". Биобиблиографический словарь.

Том 2. М-Я. Под редакцией П. А. Николаева.
М., "Просвещение", 1990
OCR Бычков М. Н.

[^^^]

Оригинал

здесь —

<http://www.rulex.ru/01210107.htm>

[^^^]

6

<http://poetrus.by.ru/97/97.htm>

[^^^]